

ВЕСТНИК ВОЕННОГО ПРАВА

№4
2017

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
КАЗЕННОЕ ВОЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

123001, г. Москва,
ул. Большая Садовая, д. 14

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций

Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС 77-62644
от 10 августа 2015 г.

Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ)

Выходит 4 раза в год
на русском языке

Распространяется
в Российской Федерации

Представляемые к изданию
статьи проходят обязательную
экспертизу в соответствии
с требованиями Инструкции
о порядке подготовки
в Вооруженных Силах
Российской Федерации
материалов к открытому
опубликованию

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель:

Марченков Валерий Иванович,
доктор педагогических наук, профессор,
начальник Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации

Заместитель председателя:

Старцун Виктор Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского права
Военного университета

Члены редакционного совета:

Безбабнов Олег Геннадьевич,
директор Правового департамента
(начальник юридической службы)
Министерства обороны Российской Федерации

Дерешко Богдан Юльевич,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника Всероссийского
научно-исследовательского института
Министерства внутренних дел
Российской Федерации по научной работе

Елина Наталья Владимировна,
кандидат юридических наук,
директор Департамента претензионной
и судебно-правовой работы
Министерства обороны Российской Федерации

Солонин Дмитрий Олегович,
протоиерей, помощник начальника
Военного университета по работе
с верующими военнослужащими

Сорочкин Александр Сергеевич,
кандидат юридических наук, заместитель
Председателя Следственного комитета
Российской Федерации – руководитель Главного
военного следственного управления

Фридинский Сергей Николаевич,
доктор юридических наук,
заместитель Генерального прокурора
Российской Федерации – главный военный
прокурор

Хомчик Владимир Владимирович,
кандидат юридических наук, заместитель
Председателя Верховного Суда
Российской Федерации – председатель Судебной
коллегии по делам военнослужащих

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель:

Маликов Сергей Владимирович,
доктор юридических наук, профессор

Заместитель председателя:

Старцун Виктор Николаевич,
доктор юридических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Ахметшин Хасан Мубаракович,
доктор юридических наук, профессор

Бараненков Вячеслав Вячеславович,
доктор юридических наук, профессор

Вехов Виталий Борисович,
доктор юридических наук, профессор

Винокуров Александр Юрьевич,
доктор юридических наук, доцент

Воронов Александр Федорович,
доктор юридических наук, профессор

Дамаскин Олег Валерьевич,
доктор юридических наук, профессор

Загорский Геннадий Ильич,
доктор юридических наук, профессор

Землин Александр Игоревич,
доктор юридических наук, профессор

Кардаш Игорь Леонидович,
доктор военных наук, профессор

Корякин Виктор Михайлович,
доктор юридических наук, доцент

Кудашкин Александр Васильевич,
доктор юридических наук, профессор

Лиховидов Константин Станиславович,
доктор юридических наук, доцент

Мазаник Александр Иванович,
доктор военных наук, профессор

Никитин Алексей Николаевич,
доктор юридических наук,
доктор исторических наук, профессор

Рыльская Марина Александровна,
доктор юридических наук, доцент

Толкаченко Анатолий Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор

Топорков Анатолий Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор

Туганов Юрий Николаевич,
доктор юридических наук, профессор

Холопова Елена Николаевна,
доктор юридических наук, профессор

Чернявский Александр Геннадьевич,
доктор юридических наук, профессор

Журнал ориентирован на публикацию научных статей по темам военного права, военных проблем международного права

- Ответственность за содержание публикаций несут авторы
- Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций
- Рукописи авторам не возвращаются
- Перепечатка материалов возможна только по согласованию с редакцией

Главный редактор:
Маликов С.В.

Заместитель главного редактора:
Старцун В.Н.

Научный редактор:
Дерешко Б.Ю.

Помощник главного редактора:
Балканов И.В.

Редактор:
Тюрина О.А.

Ответственный секретарь:
Сергиенко И.Н.

Перевод аннотаций
на английский язык:
Малютина А.Е.

Верстка:
Антонова О.В.

Адрес редакции:
111033, г. Москва,
ул. Волочаевская, д. 3/4
E-mail: vestnik-vp@mail.ru
www.vestnik-vp.ru

Подписано в печать
июль 2017
Формат 70x108 1/16.
Печать офсетная.
Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии
«ИСПО принт»
Москва, ул. Щипок, д. 28
Тел.: 8 (499) 235-54-52
E-mail: zakaz@ispo-print.ru
www.ispo-print.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Сорочкин А.С.

Вопросы международно-правовой практики соблюдения стандартов
в области защиты прав человека при проведении расследований
в условиях вооруженного конфликта 7

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ПРАВА

Невский С.А.

Кадровая политика государства по реализации идей
военно-судебной реформы 1867 года 13

ОБОРОНА И БЕЗОПАСНОСТЬ

Дамаскин О.В.

Правовые аспекты развития военной науки и профессионального образования
в сфере обеспечения национальной обороны и безопасности 18

ЗАКОННОСТЬ И ПРАВОПОРЯДОК

Назаренко Т.Н.

Судебная практика как важнейший регулятор
военных общественных отношений 24

Козловцев Д.М.

Работа со следами при осмотре места преступления на начальном этапе
расследования уголовных дел о хищениях оружия и боеприпасов,
совершаемых военнослужащими в районе вооруженного конфликта 32

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Сорокин А.В.

Целесообразность научного исследования теории и практики использования
аутсорсинговых отношений в сфере хозяйственно-экономической деятельности
военных организаций 38

ПРОБЛЕМЫ. МНЕНИЯ. РЕШЕНИЯ

Демьяненко А.С.

О некоторых проблемных вопросах организации деятельности
военных судов Российской Федерации с учетом уроков
военно-судебной реформы 1867 года 48

Оборский А.Ю., Терешонок Т.А.

Отношение российской студенческой молодежи к военно-судебной реформе 1867 года	53
---	----

ВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Паршаков А.С.

О некоторых аспектах деятельности органов военной прокуратуры по надзорному сопровождению российского миротворческого контингента в период грузино-осетинского вооруженного конфликта	58
---	----

ОПЫТ, ПРАКТИКА

Скопцов А.Ф.

Некоторые проблемы квалификации преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта	66
---	----

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Иванова Е.В.

Новое в порядке осуществления государственного оборонного заказа	73
--	----

Конохов М.В.

Одобрит ли Япония внесение изменений в «мирную» статью конституции?	75
---	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВОЕННО-ПРАВОВОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Старцун В.Н., Балканов И.В.

Стратегические модели поведения США несовершенны? (разрешение загадок «серой зоны»)	78
--	----

Американские частные военные и охранные компании:

косвенное участие и его последствия	80
---	----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: ОБСУЖДЕНИЯ, ДИСКУССИИ

Сбор юристов, представляющих интересы Министерства обороны

Российской Федерации в судебных органах	82
---	----

Круглый стол

«Обеспечение соблюдения норм международного гуманитарного права: роль и задачи правового обеспечения»	90
--	----

ИНФОРМАЦИЯ

Правила оформления, представления и публикации статей	97
---	----

CONTENTS

EXECUTIVE OPINION

Sorochkin A.S.

International Legal Practice on Compliance with Human Rights Standards
when Conducting Investigation in Situations of Armed Conflict 7

THEORY AND HISTORY OF MILITARY LAW

Nevskii S.A.

Personnel Policy of the State for Implementation of the Ideas
of the Military-Judicial Reform of 1867 13

DEFENSE AND SECURITY

Damaskin O.V.

Legal Aspects of Development of Military Science and Professional Education
in the Area of National Defense and Security 18

LAW AND ORDER

Nazarenko T.N.

Practice as an Essential Regulator of Military Public Relations 24

Kozlovtssev D.M.

Work with Traces at the Crime Scene at the Initial Stage of Investigation
of Criminal Cases of Theft of Weapons and Ammunition Carried
by Military Personnel in the Area of an Armed Conflict 32

MAINTENANCE OF MILITARY ORGANIZATIONS ACTIVITY

Sorokin A.V.

Need for the Research into the Theory and Practice of the Outsourcing Relations
in the Economic Activities of Defense Organizations 38

PROBLEMS AND OPINIONS

Dem'yanenko A.S.

On Certain Issues of Work Organization in the Military Courts
of the Russian Federation Considering the Lessons
of the Military-Judicial Reform of 1867 48

Oborskii A.Yu., Tereshonok T.A.

The Attitude of the Russian Student Youth
to the Military-Judicial Reform of 1867 53

MILITARY ASPECTS OF INTERNATIONAL LAW

Parshakov A.S.

On Some Aspects of the Military Prosecutor's Office Activities for Supervisional Support of the Russian Peacekeeping Contingent in the Period of the Georgian-Ossetian Armed Conflict	58
---	----

EXPERIENCE, PRACTICE

Skoptsov A.F.

Some Problems of Qualification of Crimes Affected by Military Servicers in the Areas of Armed Conflict	66
---	----

EXPERT OPINION

Ivanova E.V.

The New Way of Implementing the State Defense Order	73
---	----

Konokhov M.V.

Will Japan Adopt Changes to the "Peaceful" Article of the Constitution?	75
---	----

INTERNATIONAL MILITARY LAW REVIEW

Startsun V.N., Balkanov I.V.

Are America's Strategic Models of Behaviour Flawed? (Solving "Gray Zone" Puzzle)	78
---	----

U.S.-Hired Private Military and Security Companies: Indirect Participation and Its Consequences	80
--	----

ACADEMIC LIFE: DISCUSSIONS

Gathering of Lawyers Representing Interests of the Ministry of Defense of the Russian Federation in Judicial Bodies	82
--	----

Panel Discussion

Ensuring Compliance with International Humanitarian Law: the Role and Objectives of Legal Coverage	90
---	----

INFORMATION

Submission Rules and Guidelines	97
---------------------------------------	----

УДК 341.3

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ПРАКТИКИ СОБЛЮДЕНИЯ СТАНДАРТОВ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ РАССЛЕДОВАНИЙ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

А.С. СОРОЧКИН,

кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации – руководитель Главного военного следственного управления, генерал-полковник юстиции
E-mail: gvsu.gov.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы использования норм законов о правах человека в боевой обстановке, а также международно-правовые последствия, с которыми может столкнуться государство, если откажется следовать международным нормам законов и договоров о защите названных прав, формулируются рекомендации о проведении расследований в боевой обстановке в соответствии со стандартами Европейского суда по правам человека.

Ключевые слова: международное право в области прав человека; право вооруженного конфликта; Европейский суд по правам человека; принцип территориальной юрисдикции; экстерриториальное применение международных договоров

Международные договоры о правах человека все чаще и чаще применяются в условиях вооруженного конфликта,

в основном за счет применения норм обычного международного права и экстерриториального применения международных договоров в области защиты прав человека [3]. В своем недавнем решении по делу Аль-Скейни Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) применил Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) к действиям британской армии, поскольку Великобритания в Ираке выступила в роли оккупирующей державы [7, параграфы 41–42]. Кроме того, право вооруженных конфликтов больше не является специальным правом, которое регулирует отношения в ситуации вооруженного конфликта. Россия, в числе других государств, одобрила Четвертый периодический доклад Комитету по правам человека ООН, в котором говорится о том, что отношения между нормами международного права в области прав человека и правом вооруженного конфликта сегодня «дополняют и усиливают друг друга» [4, параграф 507]. Как представляется, в качестве поборника защиты прав человека Россия должна знать существующие международные правовые нормы и стремиться соответствовать их стандартам.

В данной области права наибольшее внимание следует уделить решениям Европейского суда по правам человека, который является главным органом европейского правового сообщества в вопросах защиты прав человека и полномочен

выносить решения по индивидуальным и государственным искам, связанным с нарушением прав человека, содержащихся в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) [8]. Ратификация ЕКПЧ – необходимое условие для вступления в Совет Европы. Решения Европейского суда по правам человека являются обязательными для всех заинтересованных государств.

В деле Аль-Скейни Европейский суд по правам человека применил Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод экстерриториально в отношении операции британских военных, проведенной в городе Басра (Ирак) и его окрестностях в 2003 г. [7, параграфы 56–62]. Суд изучил результаты расследования, проведенного британским командованием относительно гибели гражданских лиц в ходе данной военной операции. Суд также определил, что проведенное расследование не соответствовало стандартам ЕКПЧ и, следовательно, вынес решение о выплате денежной компенсации в пользу истца.

До рассмотрения дела Аль-Скейни Европейский суд по правам человека в целом придерживался мнения об исключительной территориальной юрисдикции Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. В деле Банковича Суд постановил, что «государство не может фактически осуществлять юрисдикцию на территории другого государства без согласия, приглашения или молчаливого согласия последнего, если оно не является оккупирующей державой, что позволяет ему частично осуществлять юрисдикцию на территории оккупируемого государства» [5, параграфы 59–73]. Затем Суд рассмотрел вопрос о возможности существования юрисдикции одного государства на территории другого государства кроме как по территориальному принципу и пришел к выводу о том, что подобные обстоятельства являются исключительными и требуют специального обоснования с учетом конкретных обстоятельств каждого дела.

Таким образом, Суд подчеркнул, что ст. 1 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод ограничена в применении принципом территориальной юрисдикции, но допустил при этом возможность наличия особых исключений из данного правила [1]. Таким образом, Суд подчеркнул

региональный характер Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, заявив о том, что «Конвенция представляет собой многосторонний договор, действующий исключительно в региональном контексте и в правовом пространстве Договаривающихся государств. Конвенция не предназначена для применения ее во всем мире, в том числе в отношении действий Договаривающихся государств на территории других государств» [5, параграф 22].

Тем не менее, решение Европейского суда по правам человека по делу Аль-Скейни и делу Иссy ставят под сомнение территориальной принцип применимости ЕКПЧ. В деле Иссy турецкие солдаты при проведении военной операции в Ираке злоупотребили своими полномочиями, что привело к убийству иракских пастухов вблизи турецкой границы [6, параграфы 3–4]. Основной проблемой в данном деле стал вопрос о том, подпадают ли заявители и их умершие родственники под юрисдикцию ст. 1 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Европейский суд по правам человека подтвердил, что «юрисдикционные отношения того или иного государства прежде всего носят территориальный характер», но при этом уточнил, что «понятие «юрисдикции» в отношении Статьи 1 Конвенции не обязательно ограничивается национальной территорией Высоких Договаривающихся Сторон» [6, параграф 16]. Суд не смог исключить возможность того, что в результате военных действий государство-ответчик (Турция) осуществляло временный эффективный общий контроль над определенной частью северного Ирака. Суд постановил, что в конечном счете у него нет достаточных оснований полагать, что турецкие войска провели военную операцию в районе, где были обнаружены жертвы. Таким образом, суд определил, что родственники заявителей не подпадают под территориальную юрисдикцию Турции в рамках ст. 1 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Однако значимость дела Иссy заключается в том, что Суд допустил возможность применения Конвенции к пострадавшей стороне, находившейся на территории государства, которое не является участником Конвенции. Данное решение Суд принял на основании эффективного общего контроля

Договаривающегося государства над определенной территорией другого государства в ходе ведения военных действий.

Затем уже в деле Аль-Скейни Европейский суд по правам человека вновь отступил от принципа территориальной юрисдикции Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. В данном деле шесть иракских семей подали иск против Великобритании, заявив, что англичане не провели адекватного расследования гибели членов их семей в результате действий британских военнослужащих в районе Басры, Ирак [7, параграфы 15–21]. Пять из шести погибших иракцев были или расстреляны английскими военнослужащими, выполнявшими патрулирование, или погибли непосредственно в результате ведения боевых действий. Расследованием руководил бригадный генерал армии Великобритании, который собрал письменные показания военнослужащих, участвовавших в данном инциденте, рассмотрел письменный рапорт их командира и получил консультацию военно-юридической службы. Иракские семьи утверждали, что Великобритания нарушила ст. 2 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, надлежащим образом не расследовав обстоятельства гибели их родственников.

Европейский суд по правам человека «на основании Статьи 42 Гаагской конвенции» признал Соединенное Королевство оккупирующей державой и постановил следующее: «В данных исключительных обстоятельствах Суд считает, что Соединенное Королевство посредством своих военнослужащих участвовало в операции по обеспечению безопасности в Басре в течение рассматриваемого периода, тем самым осуществляя контроль над лицами, убитыми в ходе проведения такой операции по обеспечению безопасности, что позволяет установить юрисдикционную связь между погибшими и Соединенным Королевством для целей Статьи 1 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод» [7, параграфы 15–21].

Европейский суд по правам человека также разрешил спор о «правовом пространстве», постановив, что в ситуации, когда одно государство – участник Конвенции оккупирует территорию другого государства – участника Конвенции,

оккупирующее государство несет полную ответственность за любые нарушения Конвенции, так как иное толкование приведет к отсутствию всякой правовой защиты внутри такого правового пространства. Европейский суд по правам человека также пояснил, что данное толкование не означает, что юрисдикция, в соответствии со ст. 1, никогда не может существовать вне территории государств – членов Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Решение по делу Аль-Скейни не противоречит решению в деле Банковича, где Суд, как уже указывалось ранее, постановил, что государство не может фактически осуществлять юрисдикцию на территории другого государства без согласия, приглашения или молчаливого согласия последнего, если оно не выступает в роли оккупирующей державы, что позволяет ему, по крайней мере в некоторых вопросах, осуществлять юрисдикцию на оккупированной территории. Таким образом, решения Европейского суда по правам человека по делу Аль-Скейни и по делу Иссы создали возможность экстерриториального применения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в отношении государств – участников Конвенции при проведении ими военных операций за рубежом.

Одной из главных целей законодательства по защите прав человека является защита людей от противоправных деяний государственной власти путем наложения ограничений на такие противоправные деяния с помощью механизма прав [16]. Отношения между правом вооруженных конфликтов и международным правом в области защиты прав человека часто описываются как «отношения между общим и специальным правом, в которых гуманитарное право является специальным правом» [13]. Специальное право берет свое начало в римском праве и означает, что применимые специальные нормы права вытесняют более общие нормы права.

Исследователи неоднократно заявляли, что право вооруженного конфликта, основывающееся на нормах международного гуманитарного права, является специальным правом, применимым к ситуации вооруженного конфликта. При этом в настоящее время ведется дискуссия о возможности применения

в вооруженном конфликте международного права в области защиты прав человека. Существующий подход к проблеме отношений права вооруженного конфликта и международного права в области защиты прав человека стал результатом активной работы экспертного сообщества, государственной практики и решений, принятых в рамках различных международных организаций, таких как Европейский суд по правам человека [14].

Международное сообщество уделяет особое внимание проблеме отношений между правом вооруженного конфликта и международным правом в области защиты прав человека. Многие государства значительно смягчили свою позицию в отношении применения норм международного права в области защиты прав человека в ходе ведения боевых действий [15]. Обсуждая принцип специального права, исследователи отмечают, что «сегодня необходимо учитывать, что международное право в области защиты прав человека и право вооруженного конфликта во многом дополняют и усиливают друг друга. Данные правовые режимы содержат много общих положений (таких как запрет на пытки и жестокое обращение)» [4, параграф 507]. Также они утверждают, что вопрос верховенства того или иного правового режима зависит от обстоятельств каждого конкретных действий, предпринятых правительством в ходе вооруженного конфликта, и не может иметь шаблонного ответа, особенно в контексте немеждународного вооруженного конфликта, проходящего в границах собственной территории одного государства. Следует отметить, что при этом используются такие ключевые слова, как «дополняют и усиливают друг друга», чтобы предельно точно описать взаимосвязь между правом вооруженного конфликта и международным правом в области защиты прав человека. При этом допускается возможность отступления от принципа специального права.

Таким образом, основная позиция сводится к тому, что определенные действия того или иного государства могут регулироваться нормами международного права в области защиты прав человека, в том числе и в ситуации вооруженного конфликта. Данный правовой режим может дополнять право вооруженного конфликта «с целью интерпретации его отдельных положений

или при разъяснении договорных обязательств» [10].

Международный пакт о гражданских и политических правах является основным источником международного права в области защиты прав человека и, на основании сделанных нами выводов, может применяться в ситуации вооруженного конфликта для уточнения и дополнения отдельных норм права вооруженного конфликта. Данный Пакт конкретизирует права и свободы, изложенные во Всеобщей декларации прав человека, и находится в ведении Комитета по правам человека ООН [9]. Статья 2 Международного пакта о гражданских и политических правах требует, чтобы «каждое государство-участник уважало основные права человека и обеспечивало всем лицам, находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией, права, признанные Пактом» [2]. Государства, на территориях которых проводятся военные операции (Ирак, Афганистан, Сирия), являясь участниками Международного пакта о гражданских и политических правах. Поэтому, несмотря на мнение некоторых государств о том, что Международный пакт о гражданских и политических правах не применяется экстерриториально, Российская Федерация, подтверждая свою приверженность принципу верховенства прав человека, должна рассмотреть вопрос соблюдения Международного пакта о гражданских и политических правах в странах, где она осуществляет свое военное присутствие [4, параграф 506].

Таким образом, международное право в области защиты прав человека, в том числе Международный пакт о гражданских и политических правах и нормы международного обычного права, следует учитывать при рассмотрении ситуаций, имевших место в условиях вооруженного конфликта. При этом недопустимо считать право вооруженного конфликта специальным правом, единственно применимым в ситуации вооруженного конфликта. Кроме того, поскольку Международный пакт о гражданских и политических правах и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод имеют много общего, государству, стремящемуся уважать и выполнять положения Международного пакта о гражданских и политических правах, возможно, следует учитывать в своих решениях

положения ЕКПЧ, а также толкование этих положений в решениях Европейского суда по правам человека, в том числе в отношении военных операций, проводимых за рубежом.

Одним из ключевых положений Международного пакта о гражданских и политических правах и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод является положение о недопустимости произвольного лишения человека жизни [2]. Международный пакт о гражданских и политических правах гарантирует неотъемлемое право человека на жизнь. Точно так же ст. 2 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод устанавливает, что право каждого человека на жизнь защищено законом. Никто не должен быть лишен жизни преднамеренно, за исключением случаев наказания за совершенное преступление путем исполнения вынесенного судом решения, если такое наказание предусмотрено законом. Кроме того, ст. 13 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод гласит, что каждый, чьи права и свободы были нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в органе государственной власти [1]. Статья 2 Международного пакта о гражданских и политических правах требует от государств-участников принять законы или иные меры, которые могут оказаться необходимыми для осуществления прав, признаваемых в Международном пакте о гражданских и политических правах [3]. Таким образом, как Международный пакт о гражданских и политических правах, так и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод запрещают произвольное лишение жизни и требуют от государства предоставлять пострадавшей стороне средства правовой защиты. Данное положение особенно актуально при определении стандартов проведения расследования в ситуации серьезного нарушения права вооруженного конфликта, например в случае незаконного лишения жизни.

Поскольку международное право в области защиты прав человека все чаще применяется на поле боя, Россия должна стремиться соответствовать международным стандартам в области прав человека. Экстерриториальное применение международных договоров

в области защиты прав человека судебными органами, такими как Европейский суд по правам человека, оказывает значительное влияние на наших ближайших союзников. Россия «часто имеет общие интересы в области безопасности и участвует в проведении военных операций совместно с другими странами. Как правило, международные операции выполняются в составе коалиции, которая создается на основании специального соглашения между двумя или более странами» [11]. После окончания холодной войны Россия активно прибегает к созданию коалиций для проведения военных операций. Вероятно в будущем данная практика только возрастет [12]. Таким образом, Россия продолжит проводить совместные военные операции, в том числе со своими «партнерами» по блоку НАТО, многие из которых обязаны соответствовать решениям Европейского суда по правам человека.

В решении по делу Аль-Скейни Европейский суд по правам человека присудил приблизительно 17 000 евро в качестве возмещения ущерба каждому из пяти заявителей, смерть родственников которых была недостаточно или необъективно расследована [7, параграф 49]. Что еще более важно, данное решение явно повлияет на практику проведения расследования серьезных случаев нарушения норм военного права, в частности на расследование случаев незаконного лишения жизни. Кроме того, поскольку стандарты проведения расследований, перечисленные в деле Аль-Скейни, применяются не только в Соединенном Королевстве, но и во всех государствах – участниках Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, решение Европейского суда по правам человека по данному делу повлияет на действия других стран при проведении аналогичных расследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 нояб. 1950 г.) (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/2540800/>.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 дек. 1966 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/2540295/>.
3. Комитет по правам человека ООН:

Отчет комиссии по расследованию ситуации в Ливии. Нью-Йорк, 2012. – С. 188–197.

4. Четвертый периодический доклад Комитету по правам человека ООН по поводу Международного пакта о гражданских и политических правах. Нью-Йорк, 2011.

5. European Court on Human Rights, Bankovic & Others v. Belgium, the Czech Republic, Denmark, France, Germany, Greece, Hungary, Iceland, Italy, Luxembourg, the Netherlands, Norway, Poland, Portugal, Spain, Turkey and the United Kingdom [Text]. – 2001. – Eur. Ct. H.R. 335.

6. European Court on Human Rights, Issa and Others v. Turkey [Text]. – 2005. – Eur. Ct. H.R. 27.

7. European Court on Human Rights, Al-Skeini v. United Kingdom [Text]. – 2011. – Eur. Ct. H.R. 18.

8. European Court on Human Rights. Summary of Decisions. – 2012.

9. Compass, Summary of ICCPR and ICESCR, 2012. INTLAWGRRRLS.COM, United States Adjusts View on Human Rights Law in Wartime [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.intlawgrrls.com/2012/01/us-adjusts-view-on-human-rights-law-in.html#more>.

10. Joint Chiefs of Staff, Joint Pub. 3–16, Multinational Operations, Washington, 2013. [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.dtic.mil/doctrine/new_pubs/jp3_16.pdf.

11. Bowie Ch.J. et al. Future War: What Trends in America's Post-cold War Conflicts Tell Us About Early 21st Century Warfare, 2003. – No. 13. [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.northropgrumman.com/AboutUs/AnalysisCenter/Documents/pdfs/future_war.pdf.

12. Droege C. Elective Affinities? Human Rights and Humanitarian Law // INT'L REV. RED CROSS. – 2008. – No. 90. – P. 501, 522.

13. Corn G.S. Mixing Apples and Hand Grenades: The Logical Limit of Applying Human Rights Norms to Armed Conflict // J. INT'L HUMANITARIAN LEGAL STUD. – 2010. – No. 52.

14. Milanovic M. US Fourth ICCPR Report, 2012. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.ejiltalk.org/us-fourth-iccp-report-ihrl-and-ihl/>.

15. Schmitt M.N. Investigating Violations of International Law in Armed Conflict // HARV. NAT'L SECURITY, 2011. [Electronic

resource]. – Mode of access: http://harvardnsj.org/wp-content/uploads/2015/01/Vol.-2_Schmitt_FINAL.pdf.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сорочкин Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, генерал-полковник юстиции, заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации – руководитель Главного военного следственного управления

119034, Москва, пер. Хользунова, д. 14

E-mail: gvsu.gov.ru

Executive Opinion

INTERNATIONAL LEGAL PRACTICE ON COMPLIANCE WITH HUMAN RIGHTS STANDARDS WHEN CONDUCTING INVESTIGATION IN SITUATIONS OF ARMED CONFLICT

Aleksandr S. SOROCHKIN

Abstract. This article discusses the use of human rights laws in the situation of an armed conflict as well as the international legal consequences that the State may face if it violates international human rights laws and treaties. It also recommends on the conduct of investigations in the situation of an armed conflict, in accordance with the standards of the European Court of Human Rights.

Keywords: international human rights law; law of armed conflict; European Court of Human Rights; territorial jurisdiction; extraterritorial application of international treaties

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sorochkin Aleksandr Sergeevich, Cand. Sc. (Law), Colonel General of Justice, Honored Lawyer of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation – Head of the Main Military Investigative Directorate
14 Khol'zunova Lane, Moscow, 119034, Russian Federation

E-mail: gvsu.gov.ru

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА ПО РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕЙ ВОЕННО-СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1867 ГОДА

С.А. НЕВСКИЙ,

доктор юридических наук, профессор, полковник полиции, главный научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
E-mail: nevskiy40@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы кадрового обеспечения органов военной юстиции, образованных в результате военно-судебной реформы 1867 г. Отмечено, что надлежащая реализация идей названной реформы в значительной мере была обусловлена уровнем профессиональной подготовки должностных лиц военно-судебного ведомства. Указаны требования, предъявлявшиеся к различным должностным лицам данного ведомства.

Ключевые слова: военно-судебная реформа; Военно-судебный устав; военнослужащие; суды; военные следователи; военные прокуроры; кандидаты

В числе кардинальных реформ Российского государства во второй половине XIX в. особое место занимает военно-судебная реформа. Она завершилась, как отметил Г.И. Загорский, принятием в 1867 г. двух, по существу, кодексов военной юстиции: Военно-судебного устава и Военно-морского судебного устава. Эти нормативные правовые акты различались лишь вопросами судостроительства, судопроизводства в армейских частях и на военно-морских судах было одинаковым. При разработке указанных уставов были учтены новые принципы судебного

права, новые положения судостроительства и судопроизводства, а также организационное построение армии и флота [2, с. 34].

Надлежащая реализация идей военно-судебной реформы и положений принятых в ее результате законодательных актов в значительной мере зависела от уровня профессиональной подготовки должностных лиц военно-судебного ведомства. В этой связи требованиям, предъявлявшимся к указанным должностным лицам, порядку их назначения и ответственности, в новом законодательстве уделялось особое внимание. Рассмотрим их на примере Военно-судебного устава 1867 г. [1].

Раздел VI Военно-судебного устава (далее также – Устав) носит наименование «Об определении, увольнении и перемещении должностных лиц военно-судебного ведомства». Он содержит две главы, объединяющие 17 статей (со 137-й по 153-ю включительно).

Одним из главных требований к лицам, претендующим на назначение на должность по военно-судебному ведомству, было подданство Российской империи. Статья 137 Военно-судебного устава четко установила: «В должности по военно-судебному ведомству могут быть определяемы только

Русские подданные». Одновременно ст. 138 Устава были исчерпывающе определены четыре категории лиц, которые не могли быть назначены на должности по военно-судебному ведомству: состоявшие под следствием или судом за преступления или проступки, а равно и подвергшиеся по судебным приговорам за противозаконные деяния заключению в тюрьме, или содержанию на гауптвахте, или иному более строгому наказанию, а также бывшие под судом за преступления или проступки, влекущие за собой такие наказания, не были оправданы судебными приговорами и которым не были прощены штрафы в установленном порядке; исключенные со службы по суду, или из духовного ведомства за пороки, или из среды обществ и дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежали; объявленные несостоятельными должниками; состоявшие под опекой за расточительство.

Большое значение при назначении на должности по военно-судебному ведомству стало придаваться профильному образованию. Статья 139 Устава установила: «Должности Председателей и постоянных членов военно-судебных мест, в том числе и Военных Следователей, равно Делопроизводителей и Секретарей и их Помощников, замещаются не иначе, как из числа лиц, кончивших курс юридических наук, или же доказавших на службе свои познания по судебной части».

Помимо наличия юридического образования, Устав предусматривал для назначения на определенные должности наличие профессионального служебного ценза, что обеспечивало необходимый уровень профессиональной подготовки.

В научной литературе отмечено, что в результате военно-судебной реформы во всех звеньях военных судов впервые была введена должность военного прокурора, для руководства органами военной прокуратуры были учреждены специальные должности Главного военного прокурора и Главного военно-морского прокурора [2, с. 35]. В соответствии со ст. 140 Военно-судебного устава на должности чинов прокурорского надзора назначались только лица, «кончившие курс юридических наук и занимавшиеся судебной

практикой: для должности Помощника Военного Прокурора – не менее четырех лет, для должностей Военного Прокурора и Помощника Товарища Главного Военного Прокурора – не менее шести лет; для должности Товарища Главного Военного Прокурора – не менее восьми лет; для должности Главного Военного Прокурора – не менее двенадцати лет». При этом в соответствии со ст. 147 Устава на должности лиц прокурорского надзора в военно-судебном ведомстве могли быть назначены как военнослужащие, так и лица, имевшие гражданские чины. Главный военный прокурор назначался высочайшим указом по представлению военного министра, на все иные прокурорские должности – по представлению Главного военного прокурора в порядке, установленном для чинов Военного министерства. Секретари при военных прокурорах назначались из числа военнослужащих и гражданских чинов лицами прокурорского надзора, при которых они состояли (ст. 148 Устава).

Должности председателя Главного военного суда, председателей отделений Главного военного суда, председателей военно-окружных судов замещались исключительно из числа военнослужащих в генеральских чинах. Члены Главного военного суда и его отделений замещались как из числа военнослужащих в генеральском чине, так и из чиновников военного ведомства, имевших гражданские чины первых четырех классов. Однако при этом исчерпывающе было установлено, что число членов указанных структур из военных чинов должно было превышать число членов, относившихся к категории военных чиновников (ст.ст. 142, 143 Устава).

Военно-судебным уставом была установлена последовательность назначения на должности по военно-судебному ведомству. В соответствии со ст. 141 Устава на должности председателей Главного военного суда и его отделений назначались члены Главного военного суда и его отделений, на должности членов Главного военного суда и его отделений – председатели военно-окружных судов и чины прокурорского надзора не ниже военных прокуроров,

на должности председателей военно-окружных судов – военные судьи и военные прокуроры, на должности военных судей – военные следователи, помощники военных прокуроров и чины Главного военно-судного управления.

На должности военных судей назначались лица, имевшие штаб-офицерские чины. Однако не запрещалось назначать на указанные должности также лиц, имевших генеральские чины.

С учетом важности юридических познаний, а также и того, что не все должностные лица военно-судебного ведомства имели юридическое образование, в ст. 144 Устава было установлено, что в каждом военно-окружном суде один из военных судей должен быть из «чиновников военного ведомства, получивший юридическое образование».

В литературе отмечается, что в указанный период примерно третья часть военных юристов имели профессиональное образование, в этой связи по предложению руководителя военной судебной системы была создана Военно-юридическая академия, достаточно быстро ставшая центром разработки военно-правовых проблем [2, с. 35].

На должности военных следователей назначались как военнослужащие в штаб- или обер-офицерских чинах, так и чиновники военного ведомства (ст. 145 Устава).

Как установлено в ст. 146 Военно-судебного устава, председатель, члены Главного военного суда и его отделений назначались по личному усмотрению императора его указом. Кандидатуры на должности председателей военно-окружных судов, военных судей и военных следователей подбирались военным министром, назначение осуществлялось высочайшим указом. Секретари военно-окружных судов и их помощники назначались по выбору председателей данных судов из числа военнослужащих и гражданских чинов военным министром (ст. 148).

Существовала еще одна категория лиц, деятельность которых регламентирована Военно-судебным уставом, – это кандидаты на должности по военному ведомству. Им посвящен разд. IX Устава.

Кандидаты на должности по военно-судебному ведомству были своеобразным резервом военно-судебного ведомства, лицами, проходящими, можно сказать, стажировку перед назначением на соответствующую юридическую должность.

Согласно ст. 199 Устава кандидатами на должность по военно-судебному ведомству могли быть назначены офицеры и чиновники военного ведомства, «окончившие курс юридических наук». Назначение осуществлялось военным министром, назначенные кандидаты распределялись по военным судам или назначались к товарищам Главного военного прокурора при отделениях Главного военного суда, в Главное военно-судное управление и к военным прокурорам. Во время нахождения в звании кандидата по военно-судебному ведомству офицеры считались прикомандированными от воинских частей, в которых они числились по службе, а кандидаты из гражданских чинов считались находившимися на действительной службе по военно-судебному ведомству и получали штатное денежное содержание. Кандидаты занимались в военно-окружных судах и у лиц прокурорского надзора под непосредственным руководством председателя суда или военного прокурора.

При недостатке военных следователей в соответствии со ст. 205 Устава кандидаты на должности по судебному ведомству могли быть направлены с разрешения председателя суда для производства следствий о преступлениях и проступках. В этих случаях они пользовались правами военных следователей. Кроме того, в определенном законе случае кандидаты на должности по военному ведомству осуществляли защиту подсудимых.

При успешном занятии службой в течение двух лет кандидаты могли быть назначены на штатную должность по военно-судебному ведомству. Кандидаты из числа военнослужащих, по истечении указанного срока не назначенные на штатные должности по военно-судебному ведомству, оставались и далее в звании кандидатов или возвращались в свои воинские части.

Служащие военно-судебного ведомства увольнялись со службы

должностными лицами, которыми они были назначены на должность. Председатели военно-окружных судов и военные судьи могли быть переведены из одного суда в другой по распоряжению военного министра, удалены от должности и уволены со службы без прошения – только по постановлению Главного военного суда или его отделений (ст.ст. 151, 152).

Должностные лица военно-судебного ведомства пользовались правами и преимуществами, предоставленными чинам военного министерства (ст. 154). Следует обратить внимание на то, что награждение председателя, членов Главного военного суда и его отделений осуществлялось «единственно» по личному усмотрению императора (ст. 159).

В Военно-судебном уставе особое внимание было уделено надзору за военно-судебными установлениями и ответственности лиц военно-судебного ведомства. Этому был посвящен разд. VIII Устава.

Общий надзор за военно-судебными местами и должностными военно-судебного ведомства возлагался на военного министра, «который, имея в своем непосредственном подчинении Главного Военного Прокурора», осуществлял надзорные функции в пределах полномочий, предоставленных уставом (ст. 165 Устава).

Лица прокурорского надзора, «по праву наблюдения за охранением законов», обо всех нарушениях, допущенных военно-судебными местами или должностными лицами, в зависимости от степени их важности, сообщали председателям военно-судебных мест или доводили до сведения военного министра (ст. 164).

В соответствии со ст. 160 надзор за военно-судебными местами и должностными лицами военно-судебного ведомства, за исключением чинов прокурорского надзора, принадлежал: 1) Главному военному суду и его отделениям – за состоявшими в ведении каждого из них военными судами и должностными лицами военно-судебного ведомства, 2) военно-окружным судам – «за всеми должностными лицами, принадлежащими к сим Судам и при них состоящими, а в некоторых законом определенных случаях и за Полковыми Судами».

Должностные лица военно-судебного ведомства подлежали привлечению к ответственности как в дисциплинарном порядке, так и по приговорам суда. Дисциплинарные взыскания на лиц военно-судебного ведомства налагались в соответствии с общими правилами, установленными «Положением о взысканиях дисциплинарных». Однако Уставом был определен ряд исключений из общего порядка (ст. 172).

К председателям военно-окружных судов и военным судьям могли быть применены без предания суду следующие взыскания: замечания и выговоры, сделанные устно или письменно («в предписании»); выговоры, объявленные в присутствии суда; удаление от должности, увольнение от службы (ст. 173).

К военным следователям «за все упущения по должности» применялись дисциплинарные взыскания: военно-окружным судом, если взыскание не превышало дисциплинарную власть начальника дивизии, Главным военным судом или его отделениями – в случаях, когда взыскание превышало власть начальника дивизии. За упущения и проступки, не касавшиеся исполнения служебных обязанностей, на военных следователей дисциплинарные взыскания налагались военным министром, а также председателем военно-окружного суда, пользовавшимся при этом правами начальника дивизии. Взыскания в виде освобождения от должности и увольнения со службы военного следователя могли быть применены лишь по постановлению Главного военного суда или его отделений.

К должностным лицам прокурорского надзора применялись дисциплинарные взыскания в том же порядке, что и к чиновникам военного министерства. При этом военный прокурор обладал дисциплинарными правами полкового командира, Главный военный прокурор и его товарищи в отделениях Главного военного суда – начальника дивизии (ст.ст. 178, 179).

В случае если дисциплинарное взыскание накладывалось на должностных лиц военно-судебного ведомства по постановлению военно-судебного места, то предварительно осуществлялось дисциплинарное производство (ст.ст. 183–192).

Таким образом, в результате военно-судебной реформы была определена единая кадровая политика в органах военной юстиции. Это способствовало повышению качества кадрового состава указанных органов, а в итоге положительно повлияло на укрепление законности в вооруженных силах Российского государства. В дальнейшем многие позитивные идеи кадровой политики по реализации военно-судебной реформы 1867 г. были в той или иной форме использованы при разработке законодательства о военной юстиции Советского Союза и Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Военно-судебный устав: Высочайше утв. 15 мая 1867 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. – Собр. 2. – Т. 42. – Отд. 1. – № 44575. – СПб., 1867.
2. Загорский Г.И. Военно-судебная реформа 1867 года как реализация идей Судебной реформы 1864 года в деятельности органов военной юстиции // Вестн. воен. права. – 2016. – № 3. – С. 33–38.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, полковник полиции, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации
123995, Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1
E-mail: nevskiy40@mail.ru

officials of the military-judicial department. The requirements for various officials of this department are specified.

Keywords: military-judicial reform; military-judicial statute; military personnel; courts; military investigators; military prosecutors; candidates

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nevskii Sergei Aleksandrovich, Dc. Sc. (Law), Professor, Colonel of the Police, Chief Research Officer of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Bld. 1, 25 Povarskaya Str., Moscow, 123995, Russian Federation
E-mail: nevskiy40@mail.ru

Theory and History of Military Law

PERSONNEL POLICY OF THE STATE FOR IMPLEMENTATION OF THE IDEAS OF THE MILITARY-JUDICIAL REFORM OF 1867

Sergei A. NEVSKII

Abstract. The article discusses the issues of personnel support for military justice bodies formed as a result of the military-judicial reform of 1867. It is noted that the proper implementation of the ideas of the said reform was largely due to the level of professional education of

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ВОЕННОЙ НАУКИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ И БЕЗОПАСНОСТИ

О.В. ДАМАСКИН,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации,
действительный член Академии военных наук
E-mail: dov39@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются правовые аспекты развития военной науки и профессионального образования в сфере обеспечения национальной обороны и безопасности Российской Федерации, обосновывается необходимость превращения правового обучения и воспитания в военно-учебных заведениях в обязательную часть управленческой подготовки курсантов и слушателей.

Ключевые слова: национальная безопасность; военная наука; профессиональное образование; военное право

На состоявшейся 4 марта 2017 г. в Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации военно-научной конференции Академии военных наук на тему «Война: современное толкование теории и реализации практики. Проблемы организации обороны страны с целью противодействия военным и невоенным угрозам» основное внимание было уделено анализу и прогнозированию перспектив развития геополитической обстановки в мире, нового многовекторного характера угроз безопасности России, осуществляемых с применением невоенных и военных средств, вытекающих из них оборонных задач и научных основ организации обороны страны с наиболее полным и согласованным использованием всех компонентов военной организации,

материального и духовного потенциала государства, всех усилий народа.

Основной смысл обсуждения указанных проблем сводился к вопросу о том, как сделать оборону страны более эффективной и экономичной. В первую очередь на этом акцентировали внимание начальник Генерального штаба Вооруженных Сил – первый заместитель Министра обороны Российской Федерации генерал армии В.В. Герасимов в докладе «Современные войны и актуальные вопросы организации обороны страны» и президент Академии военных наук генерал армии М.А. Гареев в докладе «Итоги работы Академии военных наук за 2016 год. Основные выводы по проведенным исследованиям и задачи на 2017 год».

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (далее также – Стратегия национальной безопасности) устанавливает, что стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области науки, технологий и образования являются:

– развитие системы научных, проектных и научно-технологических организаций, способной обеспечить модернизацию национальной экономики, реализацию конкурентных преимуществ Российской Федерации, оборону страны, государственную и общественную безопасность, а также формирование научно-технических заделов на перспективу;

– повышение социальной мобильности, качества общего, профессионального и высшего образования, его доступности для всех категорий граждан, а также развитие фундаментальных научных исследований [4].

Наука, как и система образования, является социальным институтом, от которого зависят качество жизни и потенциальные возможности нашего общества и государства в современном мире [13]. Актуализируется потребность научной обоснованности проектов, связанных с решением проблем военного строительства, организации и использования вооруженных сил, международного военного сотрудничества в интересах международной и национальной безопасности. Обеспечение безопасности в оборонной сфере требует концентрации усилий общества и государства на планомерном, научно обоснованном, поддерживаемом общественным мнением военном строительстве [3], которое должно учитывать изменение баланса сил на мировой арене и эффективно использовать экономические возможности и кадровые ресурсы страны, обеспечивая адекватное реагирование на военные угрозы национальным интересам Российской Федерации.

Обзор многоаспектного, комплексного рассмотрения участниками конференции актуальных проблем, потребностей и возможностей оптимизации организации обороны Российской Федерации в современных условиях глобализации позволяет констатировать назревшую потребность научного правового обеспечения развития военной науки и профессионального образования в сфере обеспечения национальной обороны и безопасности [6].

Сущность войны как продолжения политики вооруженным путем, насильственными средствами претерпевает значительные изменения: в настоящее время война осуществляется с помощью не только военных, но и невоенных средств. Появление новых современных технологий и перспективы их дальнейшего развития существенно изменяют мощь и возможности средств вооруженной борьбы и невоенных средств межгосударственного противоборства. Информационные и телекоммуникационные технологии как основы разработки и применения глобальных систем мониторинга, связи и управления военного назначения изменяют характер современной войны.

Война в современных условиях не обязательно связана с ведением боевых действий вооруженных сил противостоящих сторон, ее признаком может быть применение иных, невоенных, но чрезвычайно опасных средств. Осмысление военных конфликтов в Ираке, Ливии, Сирии дает основание для формирования концепции гибридной войны.

Новые обстоятельства обуславливают потребность осмысления понятия войны на основе толкования теории и реалий практики, целесообразность внесения адекватных современной мировой геополитической ситуации изменений в Федеральный закон «Об обороне» (в части, касающейся оснований объявления состояния войны), иные нормативные правовые акты (в части, касающейся определения порядка действий при применении государствами, террористическими организациями, частными военными формированиями различных форм воздействия, сопоставимых по последствиям с военными действиями, подготовки мобилизационных ресурсов).

При этом для успешной реализации вышеназванных задач первоочередное внимание необходимо обратить на ряд важных проблемных аспектов обеспечения национальной обороны и безопасности Российской Федерации.

Так, факторами, негативно влияющими на национальную оборону и безопасность, являются:

- отставание в развитии высоких технологий;
- зависимость от импортных поставок научного, испытательного оборудования, приборов и электронных компонентов, программных и аппаратных средств вычислительной техники, стратегических материалов;
- несанкционированная передача за рубеж конкурентоспособных отечественных технологий;
- необоснованные односторонние санкции в отношении российских научных и образовательных организаций;
- проблемность импортозамещения;
- недостаточное развитие нормативно-правовой базы.

К новым проблемным направлениям, нуждающимся в адекватном научном исследовании и правовом обеспечении, относятся:

- многофакторный характер угроз национальной безопасности, возросший

удельный вес «мягкой силы» и способов противоборства на международной арене;

- инновационные технологии цифровой экономики как важнейшее условие достижения бюджетных гарантий для организации обороны и обеспечения безопасности нашей страны;

- противодействие информационным и кибернетическим угрозам в финансово-банковской системе, включая систему военной организации государства; социально-политические технологии в современном ценностно-мировоззренческом противоборстве;

- военное строительство как фактор оздоровления социально-экономической ситуации в стране.

Нуждаются также в научном осмыслении и правовом обеспечении:

- проблемы вооруженной борьбы в воздушно-космической сфере;

- военно-технические аспекты организации и ведения воздушно-космической обороны в современных условиях;

- боевое применение ВМФ в современных вооруженных конфликтах;

- формы и способы применения и развития системы вооружения Сухопутных войск;

- другие актуальные проблемы.

В условиях рыночной экономики организующая роль государства состоит в предоставлении государственных заказов, особенно оборонных, на конкурсной основе предприятиям, обладающим современной технологией, адекватной новейшим достижениям науки. При этом правовыми средствами защиты науки и технологий являются нормы, обеспечивающие право интеллектуальной собственности и патентное право. Однако сохраняются проблемы коммерциализации, коррупции [10], преступности [11], укрепления законности и правопорядка в военных организациях, что обуславливает потребность адекватного научного обеспечения правовой работы органов военного управления.

Борьба за умы людей в современных условиях глобализации трансформируется на основе концепции, названной профессором Дж. Наем «мягкой силой» [15]. Суть «мягкой силы» формулируется им следующим образом: заставить объекты доминирования «хотеть того, чего хотите вы». «Мягкая сила» реализуется комплексом средств ненасильственного воздействия на личность, предоставляемых

современной культурой (СМИ, телевидение, Интернет, театр, кино, печать, наука, пропаганда, агитация и т. д.). В этом состоит ее основное отличие от «жесткой силы», подразумевающей открытое принуждение.

Обзор ряда зарубежных и российских источников информации позволяет констатировать их «русофобскую» направленность, включенность в активную антироссийскую информационную войну, представляющую угрозу национальной и международной безопасности, что обуславливает потребность адекватного противодействия [5]. Поэтому вопросы обеспечения информационной безопасности включены практически во все разделы Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, посвященные реализации стратегических национальных приоритетов. К угрозам безопасности России Стратегия национальной безопасности относит деструктивную деятельность, связанную с использованием информационных технологий для распространения и пропаганды в российском обществе идеологии экстремизма, терроризма и сепаратизма. В связи с этим определяется необходимость дальнейшего развития взаимодействия органов обеспечения безопасности и правопорядка с гражданским обществом, повышения доверия граждан к правоохранительной и судебной системам, нуждающимся в адекватном организационном и содержательном совершенствовании.

Интересы национальной безопасности актуализируют экономические и правовые проблемы военного строительства, комплектования сил безопасности и организации военной службы, кадрового обеспечения военного строительства, ответственности должностных лиц, развития стратегии и правового обеспечения национальной безопасности, международного сотрудничества в сфере противодействия угрозам национальной и международной безопасности.

В настоящее время положение военной организации Российского государства в современном обществе характеризуется рядом проблем. Доминирующий в обществе либерализм как идеология, основой которой является индивидуализм, средством – конкурентная борьба, а целью – материальный успех в обществе потребления, не приемлет

политические, социальные и экономические ограничения, налагаемые на индивидуальную свободу граждан Конституцией Российской Федерации (ст. 55) [1]. Однако специфика военной службы в составе коллектива, обязательной воинской дисциплины и объективных трудностей сопряжена с подчинением военнослужащего групповым интересам и входит в противоречие с идеологией либерализма, культом индивидуализма и системной коммерциализацией.

Главной отличительной чертой офицеров всегда была и должна быть идея бескорыстного служения обществу и государству, ценности которых ими разделяются и защищаются, жертвенности при исполнении воинского долга. Иной подход превращает офицерский корпус в обычную бюрократическую организацию, а офицеров – в военных чиновников.

В современных условиях актуализируется задача превращения научной работы в неотъемлемую часть механизма управления. Это в полной мере относится к научным исследованиям, проводимым в войсках, военных организациях, имеющих целью познание социальных явлений и процессов, происходящих в сфере военной службы, и разработку теоретических положений и практических мер обеспечения обороны и безопасности [9].

Актуализируется также потребность создания оптимальных условий для выявления состояния и формирования правосознания как фактора поведения, компетентного общественного мнения военнослужащих по вопросам положения сил безопасности в обществе, борьбы с преступностью, коррупцией, повышения правовой подготовки военнослужащих, активизации их участия в правотворчестве и правоприменении [2].

Определившаяся тенденция противоречивой зависимости российских военнослужащих от доминирующей либеральной идеологии современного общества ведет к дефектам их правосознания, деформации военно-служебных отношений, изменению мотивации выбора офицерской профессии и исполнения офицерами своих функций, снижению эффективности деятельности сил безопасности и прогноза поведения офицеров в боевой обстановке и других экстремальных ситуациях, что обуславливает потребность адекватного противодействия [12].

Важной научной проблемой обеспечения интересов практики является

рассмотрение соотношения роли и места правовой подготовки военнослужащих как основы формирования их профессионального правосознания и эффективности служебной деятельности. Актуализируется проблема специализированной подготовки военных юристов в интересах укрепления законности и правопорядка в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, правового обеспечения военного строительства, развития науки военного права [14]. Перспективы развития юридической науки видятся в расширении социологических методов исследования, в переходе к фундаментальным и прикладным исследованиям по тематике, учитывающей потребности практики и состояние научной разработанности теоретических проблем. В качестве основного направления повышения значимости научных работ следует считать их соединение с практикой через анализ репрезентативных эмпирических материалов для решения практических задач, а также эффективное использование в практике результатов научных исследований.

Опыт показывает, что возрастание количества законов еще не ведет к реальному упорядочению общественных отношений. Декларативность и коррупционность ряда принимаемых законов дискредитируют роль права в сознании значительной части общества. Центральной проблемой законотворчества остается и разработка механизма действия закона. Гораздо труднее реализовать закон, нежели принять его. Именно поэтому нарастает правовой нигилизм, отчуждение значительной части граждан от органов власти.

Признавая реальную необходимость совершенствования военной организации государства, укрепления сил и средств безопасности в современных условиях с учетом внешних и внутренних угроз национальным интересам Российской Федерации, представляется приоритетным курс на интеллектуализацию воинского труда, развитие основных направлений военной науки и использование научного потенциала в интересах оптимизации и эффективности боевой подготовки войск. Прежде всего, это относится к проблемам развития стратегии, оперативного искусства, боевой техники и вооружения, материально-технического и финансового обеспечения, боевого применения стратегических и мобильных

сил в локальных и глобальных военных конфликтах.

Повышается потребность в исследовании научных проблем военной экономики, военной педагогики и психологии, военного права и военных аспектов международного права. При этом существенно возрастает роль военно-правовой науки в теоретическом обосновании оптимального нормативного правового обеспечения военного управления, включая развитие оперативного права обеспечения повседневной и боевой деятельности военного командования и штабов, обеспечения соблюдения норм международного гуманитарного права в военных конфликтах, в операциях по принуждению к миру, а также в миротворческих операциях.

Национальные интересы России в оборонной сфере заключаются, прежде всего, в обеспечении защиты общества и государства от военной агрессии со стороны других государств. Предлагаемые рядом специалистов подходы к совершенствованию и развитию системы военного строительства и профессионального военного образования [7; 8], по нашему мнению, заслуживают признания. Их обобщение позволяет выделить ряд положений, образующих основу системы профессионального военного образования:

- обеспечение комплексности, фундаментальности профессиональных знаний, умений и навыков, а также воспитания ценностных, нравственно-правовых основ профессиональной деятельности в сфере военной службы;
- непрерывность профессионального военного образования как основы качественного профессионального развития и перспектив служебного роста;
- мотивация выбора и обеспечение условий формирования типологии личности военнослужащего, адекватной служебному предназначению.

Однако до настоящего времени не в достаточной мере решается проблема разрыва профессионально-образовательных возможностей и общественных потребностей с учетом интересов национальной безопасности. Это дает основание рассматривать состояние военно-профессионального образования в качестве фактора образовательной деятельности по обеспечению национальной безопасности, нуждающегося в комплексном научном исследовании.

В связи с изложенным видится целесообразным исследование современных проблем развития военного образования в России, его интересов, перспектив, результатов проведения реформ в указанной области. Представляется, что заинтересованное участие и координация совместных действий органов государственной власти, Министерства обороны Российской Федерации, институтов гражданского общества может стать основой оптимизации системы военного образования, его комплексирования и содержательного наполнения.

Государственная политика в сфере оптимизации системы военного образования должна представлять собой регулируемую деятельность государства, осуществляемую им для достижения конкретных стратегических целей и решения задач национального или глобального уровня. Правовое обучение и воспитание курсантов и слушателей в военных институтах и академиях призвано стать обязательной частью их управленческой подготовки. Поэтому закрепление указанного положения в соответствующих нормативных правовых актах является необходимым условием перехода от пожеланий и рекомендаций к требованиям, обязательным для исполнения, и также нуждается в соответствующем научном обосновании.

Представляется целесообразным активное участие руководства Правового департамента Министерства обороны Российской Федерации, руководителей юридических служб видов и родов Вооруженных Сил Российской Федерации в научном осмыслении потребностей и возможностей совершенствования качества правовой работы органов военного управления, осуществления ее методического обеспечения на основе дифференцированного юридического всеобуча всех категорий военнослужащих в интересах укрепления воинской дисциплины, законности и правопорядка. Актуализируется проблема мониторинга законодательства об обороне и безопасности и правоприменительной практики, экспертно-аналитического рассмотрения важнейших вопросов национальной обороны и безопасности, участия в нем научно-исследовательских и образовательных учреждений, общественных организаций.

Рассмотрение правовых аспектов военной науки и образования позволяет сделать вывод о назревшей потребности

объективного комплексного исследования их состояния, проблем и перспектив; обоснования в соответствии с положениями новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации организационных и правовых мер их позитивного развития; последовательной, целенаправленной реализации указанных мер в интересах национальной обороны и безопасности России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации: принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федер. закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Рос. газ. – 2016. – 28 июня.
3. Военная доктрина Российской Федерации: утв. Президентом Рос. Федерации 25 дек. 2014 г. № Пр-2976 // Рос. газ. – 2014. – 30 дек.
4. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683 // Рос. газ. – 2015. – 31 дек.
5. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 5 дек. 2016 г. № 646 // Рос. газ. – 2016. – 6 дек.
6. Вестник Академии военных наук: воен.-науч. журн. – 2017. – № 1.
7. Владимирова А.В. В плену болонской системы // Воен.-пром. курьер. – 2017. – 1–7 марта.
8. Владимирова А.В. Сохраним армию – сохраним Россию. Общие подходы к развитию национальной системы профессионального военного образования // Воен.-пром. курьер. – 2008. – 30 янв. – 5 февр.
9. Военно-правовые исследования: современные проблемы и перспективы: моногр. / О.В. Дамаскин [и др.]; авт.-сост. Е.Н. Холопова. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 392 с.
10. Корякин В.М. Коррупция в вооруженных силах: теория и практика противодействия: моногр. – М.: За права военнослужащих, 2009. – 335 с.
11. Дамаскин О.В. Криминологические аспекты противодействия преступности. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 264 с.
12. Дамаскин О.В. Методология и методика изучения правосознания и общественного мнения военнослужащих. – М., 2011. – 319 с.

13. Дамаскин О.В. Россия в современном мире: проблемы международной и национальной безопасности. – М.: Погранич. акад. ФСБ России, 2016. – 432 с.

14. Дамаскин О.В. Современные проблемы военного права как учебной дисциплины, науки и научной специальности / О.В. Дамаскин, В.М. Корякин, Е.Н. Холопова // Современ. право. – 2016. – № 7. – С. 17–23.

15. Nye J. Evolution of Soft Power Since Fall of the Berlin Wall [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.brinknews.com/the-evolution-of-soft-power-since-the-fall-of-the-berlin-wall/>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дамаскин Олег Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Академии военных наук

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

E-mail: dov39@mail.ru

Defense and Security

LEGAL ASPECTS OF DEVELOPMENT OF MILITARY SCIENCE AND PROFESSIONAL EDUCATION IN THE AREA OF NATIONAL DEFENSE AND SECURITY

Oleg V. DAMASKIN

Abstract. The article reviews legal aspects of military science and professional education development in the area of providing national defense and security of the Russian Federation, it proves the necessity of including of legal education and training in the mandatory captainship course of military educational institutions for cadets and attendees.

Keywords: national security; military science; professional education; military law

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Damaskin Oleg Valer'evich, Dr. Sc. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Academy of Military Sciences

3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation

E-mail: dov39@mail.ru

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КАК ВАЖНЕЙШИЙ РЕГУЛЯТОР ВОЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Т.Н. НАЗАРЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент, судья Верховного Суда Российской Федерации

E-mail: t.nazarenko2017@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования судебной практики в сфере военных общественных отношений.

Ключевые слова: военные суды; правовая определенность; судебная практика; правовые позиции высших судебных органов

С принятием в 1999 г. Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» на законодательном уровне завершились реорганизация военно-судебной системы Российской Федерации и создание самостоятельной и независимой от органов исполнительной власти системы военных судов как неотъемлемой части судов общей юрисдикции с широким кругом полномочий, позволяющих эффективно и действенно защищать основные права и свободы военнослужащих.

Вместе с тем, важно отметить, что военные суды – это не вновь возникший институт правовой системы советского или постсоветского пространства. Как справедливо указывал Н.А. Петухов, «военные суды России прошли большой и сложный путь своего развития. Их 300-летняя история неразрывно связана со знаменательными вехами государства, с динамикой совершенствования в целом всей судебной системы страны, с основными этапами функционирования российской армии» [16].

Зарождение военных судов было объективно обусловлено необходимостью осуществления судебной власти в армии, особенно в период военных действий и иных чрезвычайных ситуаций. Наиболее значимым для образования военных судов являлся период правления Петра I, ознаменовавшийся созданием в России регулярной армии и появлением, по словам историков XIX в., «превосходных по тому времени» специальных военно-судебных и военно-уголовных законов [17].

Одним из критериев эффективности реализации поставленных перед военными судами задач является поддержание устойчивости и стабильности правового регулирования военных общественных отношений путем выработки судебной практикой единообразного понимания и толкования правовых норм всеми правоприменителями, последовательной реализации в деятельности военных судов конституционного принципа правовой определенности.

Обеспечение единства судебного правоприменения общепризнано и трактуется в качестве одной из важнейших задач высших судебных инстанций, чему служит иерархическое строение судебной системы, а также конституционное наделение высших судов соответствующими полномочиями. Нарушение единства судебной практики неизбежно вызывает нарушение принципов равенства всех перед законом и судом, правовой

определенности и стабильности, верховенства закона, а в итоге становится одной из причин недостижения важнейшей цели, стоящей перед правосудием, – обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина.

Значение правовой определенности в процессе регулирования любых общественных отношений, и особенно военных общественных отношений, чрезвычайно велико. Еще известный дореволюционный исследователь права И.А. Покровский отмечал, что «одно из первых и самых существенных требований, которые предъявляются к праву развивающейся человеческой личностью, является требование определенности правовых норм. Если каждый человек должен подчиняться праву, если он должен приспособлять свое поведение к его требованиям, то очевидно, что первым условием упорядоченной общественной жизни выступает определенность этих требований» [18, с. 89].

Если говорить о правовой системе в общетеоретическом аспекте, то, несомненно, на современном этапе возрастает роль такого свойства права, как его определенность (формальная определенность), под которой понимаются точное, полное и последовательное закрепление и реализация в праве нормативной воли, выражающиеся: в формальной определенности содержания норм права; в способах их формулирования и формах закрепления; в нормативных правовых актах; в определенности реализации права [3; 4; 10; 19].

Определяя границы правового регулирования, правомерного и противоправного, условия действия правовых норм и т. д., военное законодательство устанавливает жесткие внешние (формальные) критерии для установления законного и дозволенного в рассматриваемой сфере. Правовая определенность является важнейшим условием укрепления законности и правопорядка в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Определенность содержания военного права проявляется в том, что волеизъявление в правовых нормах выражается с высокой степенью точности, полноты и последовательности. Необходимым условием определенности содержания

военно-правовых норм является логико-юридическая полнота и регламентация (детализация) тех или иных отношений. Неполнота всегда содержит момент неопределенности. Требования и предписания норм права не должны противоречить друг другу, так как в противном случае нормы не налагали бы никакой обязанности, были бы неопределенны [3; 12; 13].

Формальная определенность содержания предполагает и определенность правовой формы, которая проявляется: в предусмотренных законом способах закрепления и выражения правовых норм, в специфической внутренней структуре норм, в определенной структуре всей совокупности норм. Большой удельный вес в составе источников военного права – и в этом одна из его особенностей – имеют нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная служба. Акты военного управления служат правовым средством управления войсками, организации их боевой подготовки, регулирования многообразных отношений, возникающих в процессе строительства Вооруженных Сил Российской Федерации. Для данных актов установлена строго определенная форма (приказы, директивы, уставы, положения, инструкции, наставления, руководства, правила и др.), указанные документы наделены юридической силой, имеют специфическую сферу действия, принимаются и доводятся до адресатов в строго определенном порядке. Например, Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации определяет сущность воинской дисциплины, обязанности военнослужащих по ее соблюдению, виды поощрений и дисциплинарных взысканий, права командиров (начальников) по их применению, порядок подачи и рассмотрения обращений (предложений, заявлений и жалоб). Инструкция о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, утвержденная приказом заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – Главного военного прокурора от 23 октября 2014 г. № 150, устанавливает порядок

и организацию проведения дознания в воинских частях, полномочия должностных лиц по проведению дознания, необходимый объем процессуальных и иных действий.

Принцип правовой определенности признан на международном уровне как главное требование для обеспечения верховенства права, а непосредственно в российском праве – принципа прямого действия Конституции Российской Федерации. В праве европейских стран он также рассматривается как одно из фундаментальных качеств правовой системы, в ряде европейских стран связан с понятием правовых гарантий. В узком значении *res judicata* является традиционной категорией римского права, означавшей недопустимость повторного рассмотрения однажды решенного дела или дела по тождественному вопросу со вступившим в законную силу решением. Если такое решение принято, то в силу исключительности уже состоявшегося решения то же или тождественное дело подлежит прекращению, о чем выносится соответствующее постановление.

Европейским Судом по правам человека было вынесено значительное количество постановлений, в том числе в отношении России, в которых были установлены нарушения п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и принципа «правовой определенности», прежде всего по фактам отмены вступивших в законную силу решений в кассационном порядке. В частности, в Постановлении ЕСПЧ от 29 июля 2010 г. Дело «Стрельцов и другие «новочеркасские военные пенсионеры»» Европейский Суд сослался на то, что в конкретных обстоятельствах рассматриваемых восьмидесяти семи дел он не находит каких-либо оснований, которые могли бы оправдать отход от принципа правовой определенности при отмене судебных решений, вынесенных в пользу заявителей президиумом областного суда, который нарушил как принцип правовой определенности, так и право заявителей на справедливое судебное разбирательство.

Вместе с тем, реализация принципа правовой определенности в рассматриваемой нами сфере военных

правоотношений также сталкивается с определенными проблемами. Современное российское законодательство находится в состоянии трансформации, а действующая система законодательства не всегда успевает адекватно и своевременно регулировать как существующие общественные отношения, так и вновь возникающие.

Не составляет исключения и законодательство в сфере обороны и военной безопасности государства. За последние годы проведена большая работа по разработке и принятию федеральных законодательных актов в области правового регулирования обеспечения обороны страны и военной безопасности. Только в 2016 г. Правовым управлением Министерства обороны Российской Федерации совместно с центральными органами военного управления осуществлено правовое сопровождение свыше 40 законопроектов, относящихся к вопросам обороны страны и прохождения военной службы, 22 из них уже приняты Федеральным Собранием Российской Федерации и подписаны Президентом Российской Федерации [5, с. 19]. Тем не менее, приходится констатировать, что законодательство в данной области еще не представляет собой единой, целостной системы. Имеют место пробельность нормативных актов разных уровней, коллизии и противоречия норм, несогласованность отдельных положений федеральных законов, нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации и ведомственных актов. Некоторые статьи федеральных законов не в полной мере способствуют реализации задач, содержащихся в соответствующих концепциях и доктринах.

В связи с изложенным особое место в российской правовой системе всегда отводится судебной практике, имеющей весьма важное значение для всех сфер общественных отношений.

При рассмотрении проблем применения судебной практики в сфере правового регулирования военных отношений с неизбежностью приходится сталкиваться с общими вопросами природы судебной практики, ее места, значения, роли в российской правовой системе, которые всегда актуальны. К сожалению, в научной среде в настоящее время

не сложилось единого мнения в определении понятия «судебная практика».

Выдающийся русский юрист Н.М. Коркунов полагал, что судебная практика схожа с обычаем, поскольку, подобно ему, в ней юридические нормы выражаются не в общей форме, а лишь по отдельным, частным случаям [9, с. 328]. По мнению С.К. Загайновой, существующие позиции по вопросу содержания понятия судебной практики можно разделить на две группы. Первая объединяет сторонников отношения к понятию судебной практики всех судебных решений всех судебных инстанций, тогда как вторая включает в себя сторонников определения судебной практики как судебных актов и разъяснений исключительно высших судебных инстанций, которые формируют правовоположения [8].

Председатель Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедев дал следующее определение судебной практики: «судебная практика – это совокупность деятельности судов по применению законодательства при рассмотрении гражданских, уголовных, административных и других судебных дел... опыт индивидуально-правовой деятельности судов, в том числе обобщений и анализа этой деятельности, а также решений разных судебных инстанций, включая постановления и определения Верховного Суда Российской Федерации по конкретным категориям дел» [11, с. 42].

Общеобязательная для судов всех уровней судебная практика формируется из правовых позиций, изложенных в актах Конституционного Суда Российской Федерации, постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации; судебных актов Верховного Суда Российской Федерации по отдельным делам, носящих принципиальный характер и опубликованных в официальных изданиях; судебных актов нижестоящих судов, одобренных Верховным Судом Российской Федерации (при кассационном рассмотрении или составлении обзоров судебной практики) и опубликованных в официальных изданиях.

Термин «правовая позиция суда» относительно новый для российской правовой системы, вместе с тем, он уже имеет достаточно широкое распространение в научной и юридической практике.

Впервые термин «правовая позиция суда» получил нормативное закрепление в ст. 73 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в последующем в связи с деятельностью Конституционного Суда Российской Федерации и иных высших судов Российской Федерации сложилось мнение о том, что правовые позиции могут формироваться всеми судами в процессе правоприменения. Изначально судебные правовые позиции определяются как суждение суда (судебной инстанции) и представляют собой разновидность мнения правоприменителя. По мнению Н.А. Власенко и А.В. Гринева, «судебные правовые позиции следует понимать как связанные общей идеей единые системы суждений суда (судьи) относительно понимания и применения правовых норм, выраженные в постановлениях по конкретным делам и разъяснениях судебной практики» [6].

Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) проверяет конституционность нормативных актов, рассматривает споры о компетенции, конституционные жалобы и запросы судов. Его акты основаны на правовых позициях, являющихся результатом истолкования конституционных норм и принципов и конституционно-правового смысла проверяемого акта, что в единстве с итоговим выводом о признании акта неконституционным и в связи с этим утратившим силу или конституционным, следовательно, получившим подтверждение своего конституционно-правового качества либо конституционным, но только в выявленном Конституционным Судом его конституционно-правовом смысле, означает обладание решениями Конституционного Суда нормативно-интерпретационными свойствами. Акты, которые подтверждают конституционность нормативных актов, являются окончательными, обязывают всех правоприменителей соблюдать и исполнять соответствующие или аналогичные нормы.

Так, в постановлении от 8 ноября 2016 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона “О материальной ответственности военнослужащих” в связи с жалобой

гражданина Д.В. Батарина» Конституционный Суд признал вышеназванные положения не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой эти положения по смыслу, придаваемому правоприменительной практикой, допускают возможность привлечения военнослужащего, уголовное дело в отношении которого прекращено на стадии досудебного производства в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, к полной материальной ответственности за ущерб, причиненный имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за воинскими частями, вследствие установления в его действиях (бездействии) признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации (и тем самым фактического признания его виновным в совершении преступления), иным, отличным от вынесенного в процедуре уголовного судопроизводства приговором суда, правоприменительным решением, включая постановление суда, принятое в рамках гражданского судопроизводства на основании содержащихся в акте органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела сведений о фактических обстоятельствах деяния и его выводов относительно совершения этого деяния данным лицом.

Разъяснения, содержащиеся в правовых позициях Верховного Суда Российской Федерации, направлены на выявление смысла нормативно-правового предписания; определение первоначального смысла нормы, заложенного законодателем; придание в необходимых случаях нового содержания норме в связи с необходимостью регулирования новых правоотношений; преодоление пробелов в законодательстве; преодоление коллизий между нормами различных нормативных актов и нормами внутри одного нормативного правового акта [7, с. 44]. Вместе с тем, важно подчеркнуть, что правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации в целом носят не нормативный, а интерпретационный, правоконкретирующий характер, поэтому являются специфическими актами судебного толкования в целях правильного и единообразного применения законодательства,

исключения возможных нарушений материального и процессуального законодательства, обязывания судов рассматривать дела в установленные сроки, обеспечивая тем самым гарантированную защиту прав, свобод и охраняемых законом интересов человека и гражданина.

Практическое применение постановлений Пленума судами общей юрисдикции позволяет отметить их императивную силу для судов. В ряде случаев правовые позиции постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации являются для судов источником права. В качестве примера можно привести постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 1992 г. «О судебной защите прав военнослужащих от неправомерных действий органов военного управления и воинских должностных лиц». Отраслевое законодательство в тот период не определяло суды, компетентные рассматривать жалобы военнослужащих на действия органов военного управления и воинских должностных лиц, и порядок рассмотрения подобных жалоб. Пробел о подсудности и порядке разрешения таких дел устранил Пленум данным постановлением, выработав правовое положение о том, что каждый военнослужащий имеет право обжаловать указанные действия в военные суды, которые рассматривают дела по жалобам военнослужащих применительно к правилам, установленным в гражданском судопроизводстве. Это постановление, по нашему мнению, является источником права, поскольку положило начало функционированию в Вооруженных Силах Российской Федерации судебной защиты военнослужащих. Впервые были поставлены под судебный контроль действия и решения органов военного управления, военные суды были наделены компетенцией рассматривать гражданские дела по жалобам военнослужащих и был определен порядок судопроизводства для дел данной категории.

Судебная коллегия по делам военнослужащих действует в составе Верховного Суда Российской Федерации и является непосредственно вышестоящей судебной инстанцией по отношению к окружным (флотским) военным судам. Согласно ст. 9 Федерального конституционного

закона «О военных судах Российской Федерации» (в редакции Федерального конституционного закона от 12 марта 2014 г. № 5-ФКЗ) Судебная коллегия по делам военнослужащих рассматривает в первой инстанции: 1) дела об оспаривании нормативных и ненормативных правовых актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, Министерства обороны Российской Федерации, иных федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, касающихся прав, свобод и охраняемых законом интересов военнослужащих, граждан, проходящих военные сборы; 1.1) дела об оспаривании ненормативных правовых актов Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Следственного комитета Российской Федерации, касающихся прав, свобод и охраняемых законом интересов военнослужащих органов военной прокуратуры и военнослужащих военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации; 2) дела по заявлениям о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок по делам, подсудным окружным (флотским) военным судам.

В апелляционной инстанции Судебная коллегия по делам военнослужащих рассматривает дела по жалобам и представлениям на решения, приговоры, определения и постановления окружных (флотских) военных судов, принятые ими в первой инстанции и не вступившие в законную силу. В кассационной инстанции ею рассматриваются дела по жалобам и представлениям: 1) на вступившие в законную силу решения, приговоры, определения, постановления гарнизонных военных судов и на определения окружных (флотских) военных судов, если они обжаловались в кассационном порядке в президиумы окружных (флотских) военных судов; 2) на вступившие в законную силу решения, приговоры, определения и постановления окружных (флотских) военных судов, если они не были предметом рассмотрения Верховного Суда Российской Федерации

в апелляционном порядке, и на постановления президиумов окружных (флотских) военных судов. Также указанная коллегия рассматривает дела по новым и вновь открывшимся обстоятельствам в отношении вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений окружных (флотских) военных судов.

Только в 2016 г. Судебной коллегией по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации рассмотрено:

- в первой инстанции: 47 заявлений и жалоб, 13 административных дел;
- в апелляционной инстанции: по административным и гражданским делам 2 693 жалобы и представления; 129 административных и гражданских дел;
- в надзорной инстанции (Президиум Верховного Суда Российской Федерации): 122 жалобы по административным и гражданским делам;
- в кассационной инстанции по уголовным делам: 704 жалобы и представления, 25 дел;
- в надзорной инстанции (Президиум Верховного Суда Российской Федерации): 127 жалоб по уголовным делам, 3 дела;
- в кассационной инстанции: 155 жалоб, 9 дел по делам об административных правонарушениях.

В порядке административного судопроизводства в Судебной коллегии по делам военнослужащих рассмотрено 61 заявление. В апелляционном порядке в отношении судебных решений окружных военных судов по уголовным делам рассмотрено 95 дел. Вынесено 16 апелляционных определений с удовлетворением жалобы, в отношении 110 лиц приговоры и определения по существу оставлены без изменения. Рассмотрены 961 жалоба и представления прокурора по уголовным делам на судебные решения, вступившие в законную силу, 7 уголовных дел общей подсудности [15].

Помимо осуществления правосудия, Судебная коллегия по делам военнослужащих издает информационный бюллетень военных судов, в котором публикуются решения военных судов по гражданским, административным и уголовным делам, обзоры судебной практики, аналитические материалы и статистические данные о работе

военных судов, а также другие материалы (ч. 4 ст. 10 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации»).

Верховным Судом Российской Федерации, и в частности Судебной коллегией по делам военнослужащих, подготовлены и приняты постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 (в редакции от 28 июня 2016 г.) «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих», от 22 декабря 2015 г. № 58 (в редакции от 19 ноября 2016 г.) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», «Обзор практики рассмотрения судами дел о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью военнослужащих» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 декабря 2015 г.). В 2017 г. издан Сборник судебной практики военных судов по вопросам военной службы, статуса военнослужащих и уголовным делам (2015–2016) под общей редакцией заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председателя Судебной коллегии по делам военнослужащих В.В. Хомчика.

Относительно опубликованной практики судебных органов Вооруженных Сил Российской Федерации по конкретным делам, в том числе по вопросам военной службы, статуса военнослужащих и иных категорий дел, следует отметить, что она не рассматривалась и не рассматривается в качестве источника права, поскольку институт судебного прецедента в России не признается. Между тем судебные акты соответствующих коллегий Верховного Суда Российской Федерации в ряде случаев можно рассматривать в качестве прецедентов толкования правовой нормы, основное назначение которых состоит в разъяснении уже существующей нормы права. Они имеют большое значение в обеспечении единства судебной практики.

Почти двадцатилетний период функционирования военных судов в условиях новой российской государственности свидетельствует о действенности и своевременности их усилий в направлении защиты прав и законных интересов

военнослужащих, осуществления независимого правосудия, создания надежных юридических мер по реализации прав и законных интересов военнослужащих средствами судебной власти, которое призвано не только обеспечивать их защиту, но и способствовать укреплению воинской дисциплины, повышению боеспособности и боеготовности частей и подразделений воинских формирований страны, а в конечном итоге направлено на охрану интересов личности, общества и государства и на обеспечение национальной безопасности правовыми методами.

Формирование стабильной, непротиворечивой, единообразной судебной практики регулирования военных отношений будет в полной мере способствовать реализации вышеуказанных задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. О военных судах Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. конституц. закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1622797/.
3. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. – М.: Юридлит, 1981–1982.
4. Бабаев В.К. Советское право как логическая система: учеб. пособие. – М.: Акад. МВД СССР, 1978. – 212 с.
5. Безбабнов О.Г. Правовое обеспечение деятельности Министерства обороны Российской Федерации: особенности в условиях современных вызовов военной безопасности страны // Вести, воен. права. – 2016. – № 3. – С. 18–25.
6. Власенко Н.А. Судебные правовые позиции (основы теории) / Н.А. Власенко, А.В. Гринева. – М.: Юриспруденция, 2009. – 168 с.
7. Ершов В.В. Правовая природа правовых позиций суда // Российское правосудие. – 2013. – № 6. – С. 37–47.
8. Загайнова С.К. Судебный прецедент: проблемы правоприменения. – М.: Норма, 2002. – 176 с.

9. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 430 с.

10. Лазарев В.В. Теория государства и права: учеб. для вузов / В.В. Лазарев, С.В. Липень. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Спарк, 2000. – 511 с.

11. Лебедев В.М. Судебная практика и развитие законодательства // Законодательство России в XXI веке: по материалам науч.-практ. конф. Москва, 17 октября 2000 г. – М.: Городец-издат, 2002. – С. 42–51.

12. Назаренко Т.Н. Неопределенность в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.

13. Назаренко Т.Н. Принцип правовой определенности: содержание и пути реализации // Опыт работы ПАС Академии по совершенствованию форм и методов обучения и воспитания курсантов: метод. материалы Воен. акад. войсковой противоздушной обороны. – Смоленск, 2010.

14. Назаренко Т.Н. Формальная определенность как одно из основных свойств права: сб. Воен. акад. войсковой противоздушной обороны. – Смоленск, 2011.

15. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел в 2016 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vsrfl.m/index.php?page=4>.

16. Петухов П.А. История военных судов России: моногр. / под ред. В.М. Лебедева. – М.: Норма, 2003. – 352 с.

17. Петухов Н. Становление военно-судебных органов в России / Н. Петухов, В. Пипко, А. Толкаченко // Рос. юстиция. – 2003. – № 1.

18. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – М.: 1998. – М.: Статут, 1998. – 353 с.

19. Сырых В.М. Теория государства и права: учеб. – М.: Юстицинформ, 2001. – 592 с.

PRACTICE AS AN ESSENTIAL REGULATOR OF MILITARY PUBLIC RELATIONS

Tatyana N. NAZARENKO

Abstract. The article discusses the formation of judicial practice in the field of military public relations.

Keywords: military courts; legal certainty; judicial practice; the legal position of the higher judiciary

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nazarenko Tatiana Nikolaevna, Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation, Moscow

15 Povarskaya Str., Moscow, 121260, Russian Federation

E-mail: t.nazarenko2017@yandex.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Назаренко Татьяна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, судья Верховного Суда Российской Федерации 121260, Москва, ул. Поварская, д. 15 E-mail: t.nazarenko2017@yandex.ru

РАБОТА СО СЛЕДАМИ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ХИЩЕНИЯХ ОРУЖИЯ И БОЕПРИПАСОВ, СОВЕРШАЕМЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ В РАЙОНЕ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

Д.М. КОЗЛОВЦЕВ,

майор юстиции, старший следователь следственного управления

Главного военного следственного управления

Следственного комитета Российской Федерации, соискатель кафедры криминалистики

Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

E-mail: kozlovcevd@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы тактики работы с материальными следами при осмотре места преступления на начальном этапе расследования уголовных дел о хищениях оружия и боеприпасов, совершаемых военнослужащими в районе вооруженного конфликта.

Ключевые слова: следы преступления; осмотр места преступления; расследование уголовного дела; военнослужащие; вооруженный конфликт; хищение оружия и боеприпасов

Наиболее кропотливой и ответственной стадией осмотра места происшествия является детальный осмотр, в процессе которого производится детальная и узловая фотосъемка; детально осматриваются объекты, изымаются объекты или части объектов со следами либо непосредственно следы с тех объектов, которые нельзя изъять в натуре, а если и это невозможно, со следов снимают копии (слежки); фиксируются негативные обстоятельства, в частности отсутствие закономерных предметов и следов либо

наличие предметов и следов, присутствие которых противоречит логике.

В ч. 1 ст. 176 УПК РФ употреблен термин «обнаружение следов преступления». Под обнаружением здесь понимается не сопровождающаяся принуждением (за исключением некоторых осмотров жилища) активная деятельность следователя (эксперта-криминалиста, дознавателя и др.), направленная на поиск (выявление, отыскание, розыск), обозрение, восприятие и фиксацию в протоколе следственного действия и прилагаемых к нему планах, схемах, фототаблицах и т. п. следов преступления [4].

Представляется, что в раскрытии совершенного хищения огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в условиях вооруженного конфликта позитивную информацию может дать проведение на месте происшествия предварительных криминалистических исследований (одна из форм реализации специальных криминалистических знаний, осуществляемая на месте происшествия с использованием технико-криминалистических средств в целях получения существенных

для раскрытия и расследования преступления данных путем выявления, исследования и оценки материальных следов преступления [3]), в ходе которых решается вопрос о назначении судебных экспертиз.

В данном случае под материальными следами понимаются следы в широком смысле, иными словами, любые изменения обстановки места происшествия, явившиеся результатом совершения преступления.

В криминалистике принято различать: следы-отображения (т. е. следы в узком смысле), следы-предметы и следы-вещества¹.

Как показывает следственная практика, на местах совершения хищений огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств наиболее часто обнаруживаются и соответственно могут быть подвергнуты предварительному криминалистическому исследованию следы-отображения. Чаще всего это следы рук, ног, орудий взлома и инструментов, транспортных средств.

Следы рук могут быть обнаружены на месте происшествия в виде как непосредственно следов пальцев и ладоней, так и в виде следов перчаток (о большом значении следов рук в раскрытии и расследовании преступлений высказывались А.И. Бастрыкин [1] и многие другие авторы).

Обнаруженные следы, вне всякого сомнения, должны быть подвергнуты в дальнейшем исследованию в рамках криминалистической экспертизы. Предварительное криминалистическое исследование лишь предваряет в таких случаях экспертизу с тем, чтобы дать возможность следователю незамедлительно получить информацию, необходимую для раскрытия преступления «по горячим следам» и для выдвижения следственных версий, определяющих дальнейшее направление расследования. Идентификационное дактилоскопическое предварительное исследование непосредственно на месте происшествия возможно в тех редких случаях, когда

качество отображения папиллярного узора в следах достаточно высокое и поддаваемый уже задержан (либо имеются материалы для сравнительного исследования). В остальных случаях проводятся неидентификационные исследования.

По результатам проведения таких исследований возможно установление следующих обстоятельств: количество лиц, побывавших на месте происшествия; их возможный пол, рост, возраст; характерные особенности строения ладонной поверхности рук, оставивших следы (профессиональные, патологические, травматические).

По следам перчаток представляется возможным установить также: количество лиц, побывавших на месте происшествия; материал, из которого изготовлены перчатки – кожа (при этом возможно установление вида животного, из кожи которого перчатки изготовлены), ткань (трикотаж, полимерные материалы); особенности перчаток, возникшие в процессе их изготовления либо эксплуатации.

При осмотре места происшествия и предварительном исследовании следов обуви можно также определить: количество лиц, побывавших на месте происшествия, их рост, пол (с большой долей вероятности), особенности походки; направление движения преступников и характер действий, совершенных ими на месте происшествия (что обеспечивает возможность преследования преступника непосредственно до места его пребывания); конкретную модель обуви.

Отдельными авторами отмечается негативная тенденция в квалификации следователей в вопросах осмотра места происшествия. Как указывает Л.Р. Садыков, практический опыт показывает, что с мест происшествий все реже изымаются следы рук, обуви и др. В этой связи особое внимание следует уделять выявлению следов, оставление которых на месте происшествия преступникам сложнее проконтролировать (волосы, микроволокна и др.). К этим же следам относятся и запаховые следы человека, которые зачастую остаются на месте совершения

¹ Подробно о классификации следов см.: Турчин Д.А. Теоретические основы учения о следах в криминалистике. Владивосток, 1983.

преступлений, но не изымаются, что приводит к утрате доказательств, способствующих раскрытию и расследованию преступлений [5].

Запаховые следы, оставляемые человеком, по принципу их образования и особенностям работы с ними следует разделить на две большие группы:

1) «нефиксированные» предметами молекулярные следы пахучих веществ, испарившихся с тела человека и сопровождающих его в виде «шлейфа». Так, на месте пребывания преступника (место происшествия и др.) его запаховые следы в воздухе сохраняются несколько минут. Но в случае экстренного прибытия следственно-оперативной группы они могут использоваться в работе со служебно-розыскной собакой «по горячим следам». Однако круг лиц, проверяемых на причастность к преступлению, ограничивается лишь присутствующими на месте следственного действия. «Нефиксированные» запаховые следы могут использоваться только один раз;

2) запаховые следы, «фиксированные» объектами-запахоносителями вследствие механического контакта или удерживаемые на предметах за счет конденсации, сорбционных сил. Носителями таких запаховых следов служат следы рук, ног (ношенной одежды, обуви), потовые выделения и следы крови на различных предметах. В зависимости от условий образования и материала предметов запаховые следы человека могут на них сохраняться от нескольких часов до нескольких лет. Пробы веществ с «фиксированных» запаховых следов человека могут использоваться многократно как при работе со служебно-розыскными собаками, так и в стационарном лабораторном анализе, т. е. на протяжении всего срока расследования. Круг проверяемых лиц здесь обычно не ограничивается.

Как видно, механизм и принцип образования запаховых следов обусловлен наличием ряда свойств, учет которых имеет большое значение в методике сбора, хранения и экспертного исследования

указанных следов человека. Свойства запаховых следов в основном определяются образующими их веществами, обладающими физическими свойствами, которые присущи любым газообразным телам (летучесть, растворимость, диффузия, адсорбция), а также рядом свойств, производных от основных – физических, но обладающих специфическим криминалистическим значением (делимость, непрерывность механизма образования, подвижность структуры, рассеиваемость).

Приведенный перечень можно дополнить такими свойствами, как неизменяемость и индивидуальность запаховой характеристики конкретного человека.

Неизменяемость выражается в том, что основные индивидуальные качественные и количественные параметры пахучих веществ в запаховых следах конкретного человека в течение длительного времени, измеряемого десятилетиями его жизни, остаются неизменными вне зависимости от влияния различных причин – перепадов температуры, возраста субъекта, его заболеваний и т. д.

Индивидуальность означает, что в запаховых следах основные качественные и количественные параметры пахучих веществ каждого конкретного человека в силу их генетической детерминированности неповторимы, присущи только ему².

Наличие индивидуализирующего фактора в запаховых следах человека подтверждают кинологическая практика, научные эксперименты, осуществляемые учеными разных стран. Так, в результате исследований, проведенных специалистами Экспертно-криминалистического центра МВД России совместно с учеными Института проблем экологии и эволюции Российской академии наук и Российского федерального центра судебной экспертизы, установлено, что вещества, на которые реагируют собаки при распознавании человеческих индивидов, по химическим свойствам соответствуют кислотам с достаточно длинной цепочкой углеродных атомов (не менее 12) [2].

² Вероятность случайного совпадения набора структурных единиц ДНК двух человек, определяющего их запаховую характеристику, рассчитана группой английских ученых во главе с А. Джеффризом. Она очень мала – менее одного совпадения на 100 миллиардов человек.

С предметами, на которых предполагается наличие запаховых следов, на месте происшествия целесообразно поступать так же, как и с другими освоенными практикой объектами и следами, о местах нахождения которых следователь не может знать точно. «Если поиск микроследов производится по вероятностному методу, то понятие, очевидно, должны удостоверять лишь факт изъятия для последующего исследования предмета, выступающего в качестве носителя микроследов» [6].

Во время осмотра места происшествия, равно как при проведении других следственных действий, точно и документально фиксируются лишь приемы, методы изъятия и процессуального закрепления предметов – носителей этих объектов. Именно таким образом обнаруживаются фрагменты волос на предметах одежды, следы металлизации.

Поиск, фиксация, изъятие невидимых запаховых следов на местах происшествий выполняются по аналогии с теми же действиями в отношении, например, единичных текстильных волокон, возможные места нахождения которых устанавливают вероятностным методом, логическим анализом конкретной ситуации происшествия. Только вместо обработки (по одной из методик) липкой пленкой участков предполагаемого контакта преступника с предметами на эти места накладываются и прижимаются на час хлопчатобумажные салфетки для сбора пахучих проб.

Безусловно необходимо, чтобы сбор, последующая герметизация предметов – носителей запаховых следов, включая салфетки с собранными пробами, упаковку, опечатывание изъятых и описание этой процедуры в протоколе осмотра проводились с участием специалистов и в присутствии понятых для предотвращения утраты или подмены объектов-следоносителей.

Предварительным криминалистическим исследованием орудий взлома

и инструментов могут быть установлены: тип и вид орудия; размеры и конфигурация его рабочей части; наличие или отсутствие у преступника навыков обращения с соответствующим орудием; рост лица, использовавшего орудие (в ряде случаев). А также может быть осуществлена идентификация конкретного орудия по его следам (при наличии определенных условий).

При исследовании на месте происшествия следов транспортных средств можно установить: направление движения транспортного средства; тип (модель) транспортного средства, его шин; повреждения, которые могли возникнуть на транспортном средстве в результате его пребывания на месте происшествия.

При осмотре места происшествия могут осуществляться, как мы уже отмечали, предварительные исследования оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Однако проведение такого исследования возможно только в том случае, если преступник оставил похищенное на месте происшествия, когда оно разыскано либо имеется необходимость в исследовании аналогов похищенного. Инициатива проведения подобных исследований может исходить как от следователя, так и от специалиста-баллиста (взрывотехника), участвующего в осмотре.

Методической основой указанных исследований являются разработанные в судебной баллистике и взрывотехнике методы и способы, применение которых целесообразно на месте происшествия³.

Практика показывает, что предварительные исследования огнестрельного оружия и взрывных устройств в ходе осмотра места происшествия по делам о хищении оружия заключаются преимущественно во внешнем изучении этих объектов. Характер исследуемых объектов не позволяет производить более глубокие исследования вне криминалистической лаборатории.

³ Выездной комплект средств для экспресс-анализа взрывчатых веществ / В.Н. Агинский [и др.] // Экспертная практика. 1981. № 18; Плескачевский В.М. К проблеме судебно-баллистических экспертиз исследований на месте происшествия // Вопросы судебной экспертизы. Баку, 1969. № 9; Его же. Судебно-баллистические экспертные исследования на месте происшествия // Там же. 1974. № 17; Чулков П.Л. Участие специалиста-криминалиста в осмотре места происшествия, связанного с применением огнестрельного оружия: лекция. Волгоград, 1994 и др.

Прежде всего, следует отметить, что при осмотре оружия, боеприпаса, взрывного устройства в первую очередь выявляются традиционные следы (отпечатки пальцев, следы крови, микроволокна, микрочастицы иного вещества). На месте происшествия определяется его калибр, система, модель, образец.

Осмотр оружия производится с соблюдением правил безопасности. Необходимо установить, заряжено ли оружие, взведен ли курок (ударник, затвор), находится ли ударно-спусковой механизм на предохранителе. Обращают внимание на особенности его устройства и внешнее состояние его механизмов. Измеряют его длину, высоту (у пистолетов и револьверов), диаметр канала ствола и патронника. Особое значение имеют заводские маркировочные обозначения и клейма. На нарезное оружие обычно наносятся: государственные оружейные знаки – эмблемы страны-изготовителя; эмблемы фирмы-изготовителя; эмблемы завода-изготовителя; наименование фирмы или завода-изготовителя, страны, в которой изготовлено оружие, его номер и год выпуска, калибр.

Определение вида и образцов патронов производится на основании их конструктивных особенностей, калибра, размера и маркировочных обозначений [7].

Осмотр взрывных устройств должен производить только специалист. Это обусловлено как мерами безопасности, так и тем, что, обладая специальными познаниями, специалист может правильно установить вид, модель, назначение, маркировку, конструктивные особенности указанных устройств. В свою очередь, особенности конструкции, внешний вид позволяют оценить степень опасности взрывчатого вещества и взрывного устройства, их целевое назначение. Так, например, ручные гранаты окрашиваются в защитный цвет. Клеймами и краской наносится буквенно-цифровая маркировка, указывающая на тип изделия, его снаряжение, завод-изготовитель, год изготовления, партию и т. д. Особое внимание уделяется конструкции взрывателя, его положению (не приведен ли в боевое положение). Взрывные устройства, снабженные средствами взрывания, представляют повышенную опасность. Наличие следов коррозии и механических

повреждений требует дополнительного внимания к соблюдению мер безопасности участниками осмотра.

Следует сказать, что на практике следователи военных следственных органов сталкиваются с тем, что командование воинских частей при обнаружении хищения оружия и боеприпасов, как правило, не сообщает незамедлительно о преступлении вышестоящему командованию, военному прокурору и военным следственным органам, а своими силами проводит служебное разбирательство и розыск похищенного. И только в случае отсутствия положительного результата ставит в известность о преступлении вышеуказанные инстанции. В связи с этим нарушается следовая картинка и уничтожаются следы преступления.

Таким образом, знание следователями военных следственных органов основных положений о работе со следами на месте происшествия и применение данных знаний на практике позволит существенно повысить качество расследования уголовных дел, в том числе и о хищениях оружия и боеприпасов, совершаемых военнослужащими в условиях вооруженного конфликта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бастрыкин А.И. Безымянные пальцы // Действуем по закону: сб. выступлений и статей первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации. – М.: [б. и.], 2010. – С. 92–98.
2. Зинкевич Э.П. Летучие компоненты выделений поверхности кожи человека / Э.П. Зинкевич, Е.С. Бродский, Т.Ф. Моисеева, Ю.Б. Габель // Сенсорные системы. – М.: Наука, 1997. – Т. 11. – № 1. – С. 42–52.
3. Плесовских Ю.Г. Предварительные криминалистические исследования на месте происшествия и использование их результатов в раскрытии и расследовании преступлений. – Хабаровск: Хабаров. высш. шк. МВД России, 1994. – С. 9.
4. Рыжаков А.П. Осмотр: основания и порядок производства [Электронный ресурс]: учеб.-практ. пособие. – М., 2013. – 144 с. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Садыков Л.Р. К вопросу об использовании запаховых следов человека при раскрытии и расследовании преступлений // Рос. следователь. – 2009. – № 16.

6. Турчин Д.А. Микроследы – новое в криминалистике // Проблемы советского государства и права. – Иркутск, 1974. – Вып. 7. – С. 104–109.

7. Чулков И.А. Предварительные судебно-криминалистические исследования на месте происшествия: учеб. пособие. – Волгоград: Волгогр. юрид. ин-т, 1997. – С. 42–46.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Козловцев Денис Михайлович, майор юстиции, старший следователь следственного управления Главного военного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, соискатель кафедры криминалистики Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

E-mail: kozlovcevdm@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kozlovtssev Denis Mikhailovich, Senior Investigator of the Investigative Department of the Main Military Investigative Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation, Major of Justice, Degree Applicant of Forensics Department of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation

E-mail: kozlovcevdm@mail.ru

Law and Order

WORK WITH TRACES AT THE CRIME SCENE AT THE INITIAL STAGE OF INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES OF THEFT OF WEAPONS AND AMMUNITION CARRIED BY MILITARY PERSONNEL IN THE AREA OF AN ARMED CONFLICT

Denis M. KOZLOVTSEV

Abstract. The article deals with tactics of working with traces at the crime scene at the initial stage of investigation of criminal cases of theft of weapons and ammunition, carried by military personnel in the area of an armed conflict.

Keywords: traces of the crime; examination of the crime scene; criminal investigation; military personnel; armed conflict; theft of weapons and ammunition

УДК 340.1

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АУТСОРСИНГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

А.В. СОРОКИН,

подполковник юстиции, старший юристконсульт,
соискатель Московского пограничного института
E-mail: 40_IN@bk.ru

Аннотация. В статье обосновывается необходимость научного исследования теории и практики использования аутсорсинговых отношений в сфере хозяйственно-экономической деятельности в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, анализируется отечественных и зарубежный опыт, накопленный в этой области, приводятся конкретные предложения по совершенствованию организационно-правовых оснований применения аутсорсинга в военных организациях.

Ключевые слова: аутсорсинг; военная организация; договор; специализированные сторонние организации; частные военные компании

Успешное решение задач в области обороны и безопасности Российской Федерации в значительной степени зависит от реализации политики модернизации военной организации государства, цель которой – достижение современного уровня технического оснащения и подготовки Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских

формирований и органов, рационализация их структуры, состава и численности, обеспечение высокой боеготовности и боеспособности соединений, воинских частей и подразделений, дальнейшее укрепление морально-психологического состояния личного состава.

Согласно п. 37 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, совершенствование военной организации государства осуществляется, в том числе, на основе сбалансированного развития компонентов военной организации, наращивания оборонного потенциала, оснащения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов современными вооружением, военной и специальной техникой, инновационного развития оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации¹.

Военная доктрина Российской Федерации (далее – Военная доктрина) в качестве одной из основных задач развития военной организации государства определяет совершенствование ее военно-экономического обеспечения на основе рационального использования финансовых, материальных и иных ресурсов

---

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 31.12.2015 г. № 683 // Собр. законодательства Рос Федерации. 2016. № 1 (ч. 2). Ст. 212.

(подп. «г» п. 35 Военной доктрины). В рамках решения данной задачи в строительстве и развитии Вооруженных Сил, других войск и органов Российской Федерация исходит из необходимости их обеспечения современными образцами вооружения, военной и специальной техники (материально-техническими средствами) и их качественного освоения, а также интеграции и скоординированного развития систем технического, тылового и других видов обеспечения (подп. «д», «е» п. 38 Военной доктрины)².

В этих целях в сфере материально-технического и хозяйственного обеспечения повседневной жизнедеятельности военных организаций в последние годы происходят масштабные преобразования. Одним из новшеств явилось внедрение в практику такого способа материального обеспечения и оказания услуг военным организациям, как аутсорсинг, основной смысл которого состоит в передаче ряда функций военного ведомства обеспечивающего, вспомогательного характера на исполнение сторонним организациям на основе соответствующих гражданско-правовых договоров.

В современном мире все больше возрастает глобальная конкуренция как между отдельными фирмами (компаниями, организациями, ассоциациями корпорациями), так и различными государствами. Многие региональные конфликты (в том числе в регионах, граничащих с Российской Федерацией) до сих пор остаются, неурегулированными, а тенденции к их силовому разрешению сохраняются. При этом усиливается напряженность межгосударственного взаимодействия, соперничество ценностных ориентиров, моделей развития, неустойчивость процессов политического, экономического и военного развития как на глобальном, так и региональном уровнях на фоне общего осложнения международных взаимоотношений.

В названных обстоятельствах использование современных технологий организации управления будет набирать обороты. Специализация на приоритетных задачах (функциях) выглядит наиболее предпочтительной, позволяя своевременно адаптироваться к современным,

быстроизменяющимся условиям рынка. Одной из форм партнерства, позволяющей улучшить перспективы развития деятельности организации, как коммерческой, так и государственной, является аутсорсинг.

Термин «аутсорсинг» («outsourcing») происходит от английского словосочетания «outside resource using» – «использование внешних ресурсов». Необходимо отметить, что это искусственное слово, до начала 90- гг. XX в. его не было ни в одном языке мира. В настоящее время существует множество определений аутсорсинга. Например, в современных экономических словарях аутсорсинг трактуется как передача стороннему подрядчику некоторых бизнес-функций или частей бизнес-процесса предприятия с целью повышения производительности труда и снижения себестоимости продукции преимущественно за счет более дешевой рабочей силы, привлекаемой со стороны [6, с. 5–6].

В мировой практике аутсорсинг как способ организации производства давно признан средством повышения эффективности работы компании. Наличие у компании долгосрочной аутсорсинговой стратегии является, по мнению ведущих аналитических агентств, необходимым условием успешного развития конкурентного бизнеса и его адаптации к стремительно меняющимся рыночным условиям [7].

Полагаем, что организационная сущность аутсорсинга заключается в достижении организацией – юридическим лицом повышения эффективности основной деятельности путем передачи некоторых своих непрофильных функций и (или) производственных процессов на исполнение другой организации, располагающей для этого необходимыми средствами и опытом. Это дает заказчику возможность освободить соответствующие организационные, финансовые и человеческие ресурсы, чтобы развивать новые направления деятельности или сконцентрировать усилия на основных задачах организации.

Вместе с тем, несмотря на положительные примеры применения отношений аутсорсинга в бизнесе, их достаточно серьезное развитие и рост, следует отметить,

² Военная доктрина Российской Федерации: утв. Президентом Рос. Федерации 25.12.2014 г. № 2976-Пр // Рос. газ. 2014. 30 дек.

что применение таких отношений в военной сфере может иметь негативные особенности. Так, по мнению некоторых авторов, основанных на анализе результатов практики, в ряде регионов возникают проблемы с поиском поставщиков продукции и услуг, показатели финансово-хозяйственной деятельности которых позволили бы органам управления вооруженными силами организовать взаимодействие с ними по вопросам материально-технического обеспечения войск (сил) [6, с. 16].

В этой связи считаем, что внедрение аутсорсинговых отношений в силовых структурах Российской Федерации может быть осложнено в силу определенных причин:

- расположение воинских частей и подразделений в местностях (в том числе и с суровыми климатическими условиями) на значительном удалении от населенных пунктов;

- отсутствие в местах дислокации воинских частей и подразделений людских и иных ресурсов, соответствующих профилю планируемых к передаче на аутсорсинг функций;

- расположение воинских частей и подразделений за пределами страны, в том числе при выполнении миротворческих миссий;

- необходимость получения определенных услуг (выполнения работ) в условиях ведения боевых действий (контртеррористических операций);

- ряд других.

В целом, на основании изложенного приходим к выводу, согласно которому:

- построение отношений аутсорсинга как в гражданской, так и в военной сфере деятельности – это неизбежный процесс в современной деловой и государственной практике взаимодействия организаций;

- одной из важнейших предпосылок развития отношений аутсорсинга является достаточно высокий уровень профессионализма исполнителя (подрядчика);

- аутсорсинговые отношения по своей организационной сути являются определенной формой разделения труда, выражающейся в том, что выполнение некоторых функций, осуществляемых самой организацией, передается по договорам для осуществления тем исполнителям, которые способны их выполнить наиболее эффективно и качественно;

- применение аутсорсинговых отношений поможет не только сократить затраты и повысить эффективность основной деятельности организации, но и предоставит ей возможность освободить соответствующие организационные, финансовые и человеческие ресурсы, чтобы развивать новые направления или сконцентрировать усилия на уже существующих, но требующих повышенного внимания.

- степень (широта) использования аутсорсинговых отношений и определение функций (задач), которые следует передать стороннему исполнителю, может зависеть не только от оценки эффективности его применения, соотношения расходов на выполнение указанных функций самой организацией и затрат на оказание услуг по выполнению этих функций аутсорсеру, но и от оценки целесообразности выстраивания таких отношений в конкретном случае, а также иных факторов, том числе при наличии которых внедрить аутсорсинговые отношения на практике не представляется возможным.

Также полагаем, что дальнейшее внедрение в практику и применение военными организациями аутсорсинговых отношений может дать импульс к развитию малого и среднего бизнеса в месте дислокации военных организаций, созданию новых рабочих мест и повышению деловой активности предпринимателей и как следствие повышение конкурентоспособности на рынке «военных услуг». Кроме того, такая практика, может способствовать повышению боеспособности и боеготовности военных организаций, а также престижа военной службы, так как военнослужащие будут освобождены от выполнения задач, не связанных с военной подготовкой.

Вооруженные силы различных государств отличаются друг от друга своим предназначением, составом, системой комплектования, устройства, организации, вооружением и военной техникой, спецификой использования в вооруженной борьбе [5]. Поэтому изучение многогранного зарубежного опыта правового регулирования применения отношений аутсорсинга в деятельности военной организации имеет весьма важное значение для решения вопросов совершенствования форм и методов использования указанного способа хозяйственной деятельности в Вооруженных Силах Российской

Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах.

С учетом сказанного представляется уместным привести слова французского юриста Марка Анселя, который отмечал, что «зарубежный опыт открывает перед юристом новые горизонты, позволяет ему лучше узнать право своей страны, ибо специфические черты этого права особенно отчетливо выявляются в сравнении с другими системами. Сравнение способно вооружить юриста идеями и аргументами, которые нельзя получить даже при очень хорошем знании только собственного права»³.

Услуги (работы), которые оказываются (выполняются) на основании договора аутсорсинга, получают достаточно большое количество зарубежных военных организаций. К ним относятся армии США, Великобритании, Италии, Канады, Франции, Германии (и иных стран, входящих в блок НАТО), Израиля, Индии и др. Аутсорсинг не обошел стороной и страны ближнего зарубежья: он активно применяется в армиях Украины, Грузии, Киргизии и др.

История возникновения фирм-подрядчиков на оказание военных услуг (аутсорсеров), такова: их появление в конце XX в. было тесно связано с созданием частных вооруженных формирований для ведения боевых действий «корпоративными солдатами». В научной литературе часто употребляется термин «частная военная компания» (ЧВК), а также термины «частная разведывательная компания» (ЧРК) и «частная охранная компания» (ЧОК). По-английски данные фирмы именуются Private Military Firms (PMF), Private Military Companies (PMC). Как отмечает В.Н. Старцун, «по данным СМИ, в настоящее время в мире созданы и успешно работают более 450 ЧВК, общий годовой оборот которых превышает 200 млрд. долл. США»⁴.

В этой связи достаточно верным предполагается мнение, что со временем роль ЧВК будет повышаться, так как уже сейчас таким компаниям поручается все

больше полномочий полиции и армии. Это особенно тесно связано со сложившейся в мире политической обстановкой, при которой в настоящее время наличие многочисленных вооруженных сил для государства не соответствует реалиям современной действительности.

Как подчеркивал Л.И. Ивашов, в современном мире есть тенденции создания ЧВК, родоначальниками возникновения которых являются американцы и англичане. Такие организации используют в Ливии, Афганистане, Ираке в целях проведения экспансионистской политики и, при этом, чтобы «прятать» американский флаг [3].

Исходя из изложенного, а также учитывая, что «передовиком» по применению отношений аутсорсинга в области обороны, под которым данной сфере деятельности понимается использование на конкурсной основе сторонних организаций для выполнения непрофильных (вспомогательных) функций военного ведомства путем заключения соответствующего долгосрочного контракта, следует считать США [8] – самую «воюющую» страну мира, именно опыт применения аутсорсинговых отношений в армии Соединенных Штатов будет представлять для нас особый интерес.

Примеры использования в армии США услуг ЧВК, показывают, как данное государство достигает своих военно-стратегических и геополитических целей за рубежом, официально не вмешиваясь во внутривнутриполитические процессы разных государств, но при этом оказывая определенное давление на их руководство (политических лидеров). При этом скрывается реальное количество граждан США и других стран, которые задействованы в военных операциях. В случаях же применения регулярных подразделений министерства обороны США привлечение ЧВК позволяет уменьшить потери среди действующих военнослужащих или даже избежать таких потерь.

Изучение практики применения отношений, связанных с передачей ряда

³ Цит. по Корякин В.М. Противодействие коррупции в сфере государственных закупок для нужд обороны и военной безопасности: моногр. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 119.

⁴ Цит. по Старцун В.Н. К вопросу о правовом регулировании создания деятельности в Российской Федерации частных военных компаний // Рос. воен.-правовой сб. № 21: Актуальные вопросы правового обеспечения совершенствования и развития военной организации государства: международная научно-практическая конференция. 2016. С. 44.

функций военного ведомства на исполнение внешним сторонним организациям, показало, что такая практика получила довольно широкое распространение в армиях многих стран мира. При этом характерной особенностью данного процесса является создание для подобных целей специальных ЧВК, которые используются для обеспечения как повседневной, так и боевой деятельности, что позволяет отдельным странам достигать своих геополитических целей на территориях других государств. Указанные фирмы можно классифицировать следующим образом: фирмы – поставщики контингентов, консалтинговые и обеспечивающие фирмы.

При этом изученный нами опыт применения отношений аутсорсинга в армиях зарубежных стран позволяет выделить следующие положительные моменты:

- повышение качества услуг, получаемых военным ведомством, за счет привлечения наиболее квалифицированных специалистов с достаточным опытом работы в конкретной сфере деятельности и применения высокотехнологичного оборудования, а также внедрения современных технологий при сокращении расходов на содержание собственных подразделений материально-технического обеспечения;

- освобождение воинских частей и подразделений от решения вспомогательных задач и сосредоточение их усилий на реализации основных задач, что ведет к повышению боевой готовности и боеспособности войск (сил);

- организация хозяйственной деятельности, при которой происходит разделение и (или) частичная передача аутсорсеру рисков хозяйствования,

в том числе предоставляются юридические и финансовые гарантии возмещения третьим лицам возможного ущерба;

- возможность четкой правовой регламентации аутсорсинговых отношений за счет принятия соответствующих законодательных и иных правовых актов в данной сфере деятельности.

Отмечая на основании зарубежного опыта положительные результаты применения отношений аутсорсинга в сфере военной деятельности, необходимо указать и на отрицательные моменты названной деятельности. В их числе:

- рост, в отдельных случаях, бюджетных расходов на оплату работ и услуг, предоставляемых организациями-аутсорсерами;

- риск утраты военными организациями соответствующих знаний и опыта самостоятельного осуществления функций (задач), переданных на аутсорсинг, что может крайне отрицательно сказаться на боеспособности войск, в том числе и в военное время, когда применение аутсорсинга может стать невозможным;

- затрудненность контроля за деятельностью аутсорсинговых компаний, ограниченность рычагов управляющего воздействия на них;

- принятие нормативных актов, согласно которым возвращается практика самостоятельного выполнения собственными подразделениями военного ведомства функций (задач), исполнение которых ранее было передано на аутсорсинг.

Основываясь на практике применения аутсорсинговых отношений за рубежом, можно предположить, что в ближайшие десятилетия развитие таких отношений в сфере обороны и военной безопасности станет устойчивой тенденцией не только для ведущих зарубежных стран, но и для нашего государства.

Вместе с тем, рассматривая организационно-правовые основания оказания услуг (выполнения работ) военным организациям по договору аутсорсинга надо исходить из следующего.

Действующее гражданское законодательство Российской Федерации не содержит определения договора аутсорсинга. Также отсутствует ясность в понимании правовой природы данного договора как в доктрине гражданского права, так и в правоприменительной практике. Кроме того, имеются лишь отдельные попытки дать научную классификацию договора аутсорсинга [2, с. 59], что обуславливает необходимость создания целостной, научно-обоснованной концепции, которая сможет раскрыть сущность и природу договора аутсорсинга как одного из наиболее востребованных в настоящее время инструментов выстраивания отношений, складывающихся между участниками гражданско-правового оборота. При этом следует согласиться с мнением В.Н. Старцуна, что в основе любого вида

аутсорсинга всегда лежит договорная конструкция⁵.

Несмотря на отсутствие в Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ) определения договора аутсорсинга, анализ информации об осуществлении закупок для государственных и муниципальных нужд, размещенной на официальном сайте www.zakupki.gov.ru, позволяет прийти к выводу, что в 2014 и 2015 гг. государственные и муниципальные заказчики размещали ежегодно на указанном сайте более 200 извещений об осуществлении закупок для государственных и муниципальных нужд, по результатам которых планировалось заключить договоры аутсорсинга.

Нормы п. 2 и 3 ст. 421 ГК РФ о том, что стороны могут заключить договор как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами, и о том, что стороны могут заключить смешанный договор, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами, создают определенную базу, предоставляющую сторонам право на заключение договора аутсорсинга в практической деятельности.

В настоящее время можно выделить три мнения ученых по вопросу, является ли договор аутсорсинга поименованным (непоименованным) договором.

Некоторые авторы, например Л.В. Санникова, квалифицирует договор аутсорсинга как непоименованный в ГК РФ [9].

Другие, например И.А. Ещенко, придерживаются позиции, согласно которой «признать договор аутсорсинга непоименованным договором было бы не верно. Правильнее обозначить данный договор как непоименованный в ГК РФ...» добавляя при этом «...но поименованный в иных нормативных правовых актах» [2, с. 65].

Третья группа авторов полагает, что договор аутсорсинга является договором, поименованным в гражданском законодательстве России [1].

При определении вида договора как юридической категории необходимо отразить его юридические признаки,

которые позволяют данный договор квалифицировать (выделить из массы других). По нашему мнению, к таким признакам договора аутсорсинга относятся:

- предмет договора – действия обремененной стороны (аутсорсера) по выполнению функций (бизнес-процессов) подразделений заказчика;
- стороны договора – хозяйствующие субъекты;
- возмездность договора;
- двусторонность договора;
- построение договора на консенсуальной основе
- договор заключается на длительный срок [10, с. 82–90].

Необходимо отметить, что существенное значение в аутсорсинговых отношениях имеет цель заключения договора. Выделим наиболее значимые цели заключения договора аутсорсинга:

- сокращение издержек производства, в том числе извлечение прибыли;
- возможность привлечения высококвалифицированных специалистов;
- дополнительный контроль за расходованием денежных средств;
- разделение рисков ответственности между организацией-заказчиком и аутсорсером;
- отсутствие необходимости приобретать и содержать дорогостоящее оборудование и технологии, для определенных производств;
- возможность доступа к лучшим производственным технологиям.

Приведенные суждения подтверждаются судебной практикой. Так, согласно постановлению ФАС Западно-Сибирского округа от 11 июля 2006 г. № Ф04-3725/2005 (23668-А46-26) по делу № 25-918/04, услуги, оказанные на основании договора аутсорсинга, требуют документального подтверждения. Кроме того, решение привлечь стороннюю организацию должно быть целесообразным и экономически обоснованным. Таким образом, заключение договора аутсорсинга должно привести к увеличению прибыли, либо реальному сокращению издержек собственного производства⁶.

⁵ Старцун В.Н. Указ. соч. С. 45.

⁶ Аналогичная правовая позиция изложена также и в Постановлении ФАС Московского округа от 26 июля 2007 г. № КА-А40/5975-07 по делу № А40-53643/06-20-248; Постановлении ФАС Западно-Сибирского округа от 20 марта 2006 г. № Ф04-1521/2006 (207640А46-15) по делу № 25-1760/04 [Электронный ресурс]. URL: <http://kad.arbitr.ru>.

Полагаем, что критерием для отнесения того или иного договора к непоименованным является невозможность отнесения такого договора к какому-либо определенному типу по причине отсутствия возможности деления модели договора по основным классификационным признакам пяти договорных типов, которые известны современной теории: договоры о передаче имущества, договоры об оказании услуг, договоры о выполнении работ, договоры об отчуждении и предоставлении прав на использование объектов интеллектуальной собственности, договоры, направленные на учреждение (создание) различных образований.

В связи с тем, что в договоре аутсорсинга постоянно присутствуют признаки одного из двух договорных типов – либо договора об оказании услуг, либо договора на выполнение работ, а также с учетом того, что, согласно позиции М.И. Брагинского, «признание спорного правоотношения непоименованным договором предполагает отсутствие урегулирования как вида, так и типа договора»⁷, мы приходим к выводу, что, несмотря на отсутствие понятия договора аутсорсинга в ГК РФ, в настоящее время договор аутсорсинга (исходя из содержания конкретных правоотношений) является поименованным в гражданском законодательстве договором – договором на оказание услуг или договором на выполнение работ, – регулируемым нормами права, присущими соответствующему типу договора.

Исследование организации и практики применения отношений аутсорсинга в силовых структурах Российской Федерации показало, что в имеющихся немногочисленных правовых актах федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, термин «аутсорсинг» не используется⁸. Однако с учетом гражданско-правового характера рассматриваемых правоотношений отсутствие в таких правовых актах этого термина не исключает возможность передачи отдельных функций по материальному

и техническому обеспечению соединений и воинских частей специализированным сторонним организациям.

При этом отмечаем, что для указанных правоотношений крайне важен субъектный состав заключаемого договора, к которым относятся аутсорсер (исполнитель, подрядчик) и специальный субъект – военная организация, выступающая в качестве заказчика.

Военными учеными неоднократно указывалось на существенное изменение системы материально-технического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, в том числе активное внедрение аутсорсинга для обеспечения различных сфер жизнедеятельности военных организаций. Вместе с тем, как обоснованно отмечает А.Н. Сурков, рыночная экономика с каждым годом все глубже внедряется в деятельность Вооруженных Сил как с одобрения высших органов государственной власти, так и без таковой, причем зачастую без оценки обстановки, должного военно-стратегического обоснования, надлежащего правового регулирования, научно обоснованной экспертизы, экспериментальной практической апробации и перспективной оценки последствий такого внедрения [12].

Как отмечал А.Х. Курбанов, в процессе принятия решения по вопросу внедрения (расширения степени использования) аутсорсинга при организации материально-технического обеспечения войск (сил) необходимо в обязательном порядке принимать в расчет целый комплекс военно-политических и экономических факторов, определяющих реальные причины, условия и тенденции применения подрядной практики [6, с. 67].

Вместе с тем, одной из негативных тенденций современного этапа военного строительства в нашей стране является то обстоятельство, что реальные преобразования и новации в данной сфере заметно опережают формирование соответствующей нормативной базы [4].

На основании обобщения практики организации и применения аутсорсинга военными организациями Российской

⁷ Брагинский М.И. Непоименованные (безымянные) и смешанные договоры // Хозяйство и право. 2007. № 9. С. 46.

⁸ Сорокин А.В. Аутсорсинг и некоторые вопросы его регулирования в новом Руководстве по войсковому (корабельному хозяйству) // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 3. С. 67–72.

Федерации автором сформулировано определение договора аутсорсинга применительно к сфере оказания услуг, выполнения работ для нужд военных организаций. Под таким договором предлагается понимать соглашение, оформленное в форме государственного контракта, заключаемое, как правило, по результатам конкурентных процедур в соответствии с законодательством Российской Федерации о контрактной системе, по которому одна сторона (военная организация) самостоятельно не выполняет и на длительный срок за вознаграждение передает некоторые свои полномочия (функции, задачи) вспомогательного, обеспечивающего характера другой стороне (аутсорсеру), располагающей необходимыми для этого квалифицированным персоналом и ресурсами, обеспечивающей выполнение этих полномочий (функций, задач) в порядке, установленном данным соглашением [10, с. 82–90].

Кроме того, автором сформулированы и теоретически обоснованы выводы о том, что применение аутсорсинга позволило:

- повысить качество получаемых военными организациями услуг (работ, товаров) и снизить, в отдельных случаях, расходы военного ведомства на материально-техническое обеспечение; повысить качество содержания и обслуживания вооружения и военной техники;

- освободить внутренние ресурсы военной организации путем отказа от привлечения личного состава к выполнению хозяйственных задач, сконцентрироваться на решении основных задач и за счет этого повысить боевую готовность и боеспособность подразделений;

- повысить престиж военной службы [11, с 54–57].

Вместе с тем, к рискам, связанным

с применением аутсорсинга в военных организациях следует отнести⁹:

- невысокий уровень профессионализма сотрудников отдельных специализированных организаций, привлекаемых для выполнения работ или оказания услуг;

- сложность либо невозможность применения аутсорсинга вне места постоянного расположения воинских частей, а также в период проведения учений, походов кораблей, выполнения боевых и учебно-боевых задач, в подразделениях, дислоцированных в отдаленных и малонаселенных местностях;

- недостаточность у военной организации необходимых рычагов организационного и контролирующего воздействия на стороннюю организацию, оказывающую услуги по договору аутсорсинга;

- наличие коррупциогенных факторов (заключение договоров аутсорсинга с единственным исполнителем при наличии конкуренции, привлечение военнослужащих к выполнению функций, которые должны осуществляться аутсорсером и др.);

- недостаточно четкая регламентация аутсорсинговых отношений, в том числе отсутствие соответствующих законодательных и крайне ограниченное количество ведомственных нормативных правовых актов в данной сфере деятельности.

Также научно обоснованы конкретные предложения по совершенствованию организационно-правовых оснований применения аутсорсинга в военных организациях¹⁰:

- о разработке Положения о комиссии, назначаемой в военной организации для организации деятельности, связанной с оказанием услуг по договору аутсорсинга;

- о закреплении за военной организацией права на одностороннее

⁹ Сорокин А.В. О возможности передачи военными организациями функций по размещению заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд на основании договора аутсорсинга // Право в Вооруженных Силах. 2012. № 9. С. 109–111; Сорокин А.В. Особенности применения аутсорсинга военными организациями // Военное право: электрон. науч. изд. 2012. № 1. URL: <http://www.voennoepravo.ru>; Корякин В.М., Сорокин А.В. Аутсорсинг легализуется: Минобороны России намерено узаконить новые методы ведения войскового хозяйства // Право в Вооруженных Силах. 2012. № 8. С. 56–57.

¹⁰ Сорокин А.В. К вопросу о необходимости применения аутсорсинга в Вооруженных Силах Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах. 2013. № 4. С. 54–57; Сорокин А.В. О возможности передачи военными организациями функций по размещению заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд на основании договора аутсорсинга // Право в Вооруженных Силах. 2012. № 9. С. 109–111; Особенности применения аутсорсинга военными организациями // Военное право: электрон. науч. изд. 2012. № 1.

расторжение договора аутсорсинга в упрощенном порядке и последующее заключение такого договора единственным исполнителем;

- о передаче функций по выбору поставщиков (исполнителей, подрядчиков) специализированным сторонним организациям по договору аутсорсинга в связи с наличием коррупционных рисков при осуществлении военными организациями закупок.

Исходя из изложенного, отмечаем, что использование аутсорсинга в армии повлекло возникновение ряда новых, не известных ранее юридической практике аспектов взаимодействия военных организаций с внешними исполнителями, что обуславливает необходимость их научного познания.

В этой связи имеется ряд обстоятельств, подтверждающих актуальность научного исследования теории и практики использования аутсорсинговых отношений в сфере хозяйственно-экономической деятельности военных организаций. К таким обстоятельствам следует отнести:

- необходимость научного осмысления и обобщения накопленного за последние годы опыта применения данного способа хозяйственной деятельности в военных организациях;

- отсутствие должной правовой регламентации аутсорсинговых отношений в военных организациях, наличием ряда существенных пробелов и противоречий в их правовом регулировании, преодоление и устранение которых без серьезного научного обоснования представляется невозможным;

- недостаточная научная проработка вопросов практического применения аутсорсинга в сфере материально-технического обеспечения повседневной жизнедеятельности военных организаций;

- затрудненность юридически правильно квалифицировать правоотношения аутсорсинга и единообразно применять данную гражданско-правовую договорную конструкцию на практике ввиду отсутствия научно обоснованной системы взглядов в военном праве на данную сферу деятельности;

- необходимость научного обоснования путей практической реализации поставленной в Военной доктрине Российской Федерации задачи совершенствования военно-экономического

обеспечения военной организации государства на основе рационального использования финансовых, материальных и иных ресурсов. Аутсорсинг, как показывает зарубежная практика, при правильном его использовании может стать одним из эффективных инструментов реализации данной политики.

С теоретической точки зрения исследования в данной сфере деятельности помогут приращению научного знания о сущности аутсорсинга в армии, а полученные результаты восполнить теоретические пробелы применения аутсорсинга в сфере материально-технического обеспечения войск.

В свою очередь, с практической точки зрения рекомендации и выводы таких исследований внесут вклад в совершенствование деятельности органов военного управления по применению аутсорсинга. Они также могут быть использованы в нормотворческой деятельности Минобороны России и других федеральных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная служба, по совершенствованию системы правового регулирования аутсорсинговых отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витко В.С. Юридическая природа договоров аутсорсинга и аутстаффинга: моногр. / В.С. Витко, Е.А. Цатурян. – М.: Статут, 2012. – 128 с.
2. Ещенко И.А. Договор аутсорсинга в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.
3. Ивашов Л.И. Зачем России воевать под чужим флагом [Электронный ресурс] // Свободная пресса: ежедневное интернет-издание. – 2014. – 12 апр. – Режим доступа: <http://svpressa.ru/politic/article/54437>.
4. Корякин В.М. Аутсорсинг легализуется: Минобороны России намерено узаконить новые методы ведения войскового хозяйства / В.М. Корякин, А.В. Сорокин // Право в Вооруженных Силах. – 2012. – № 8.
5. Корякин В.М. Военная администрация: учебник. – М.: За права военнослужащих, 2015. – 414 с.
6. Курбанов А.Х. Аутсорсинг: история методология, практика: моногр. / А.Х. Курбанов, В.А. Плотников. – М.: ИНФРА-М, 2012. – 112 с.

7. Михайлов Д.М. Аутсорсинг. Новая система организации бизнеса: учеб. пособие. – М.: КноРус, 2009. – 256 с.

8. Печорский В. Опыт использования аутсорсинга в вооруженных силах США // Зарубежное воен. обозрение. – 2013. – № 2. – С. 37–39.

9. Санникова Л.В. Обязательства об оказании услуг в российском гражданском праве. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 112 с.

10. Сорокин А.В. Договор аутсорсинга для нужд военных организаций // Право в Вооруженных Силах. – 2016. – № 3.

11. Сорокин А.В. К вопросу о необходимости применения аутсорсинга в Вооруженных Силах Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах. – 2013. – № 4.

12. Сурков А.Н. Правовые особенности «аутсорсинга» в Вооруженных Силах Российской Федерации // Военное право: электрон. науч. изд. – 2012. – № 4. – Режим доступа: <http://www.voennoepravo.ru>.

Keywords: outsourcing; military organization; contract; specialized external agencies; Private Military Companies

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sorokin Aleksandr Vladimirovich, Lieutenant Colonel of Justice, Senior Counsel, Applicant of the Scientific Degree of the Candidate of Sciences (Law) of Moscow Border Institute of the Federal Security Service

E-mail: 40_IN@bk.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сорокин Александр Владимирович, подполковник юстиции, старший юрисконсульт, соискатель ученой степени кандидата юридических наук Московского пограничного института Федеральной службы безопасности Российской Федерации

E-mail: 40_IN@bk.ru

Legal Relations in the Military

NEED FOR THE RESEARCH INTO THE THEORY AND PRACTICE OF THE OUTSOURCING RELATIONS IN THE ECONOMIC ACTIVITIES OF DEFENSE ORGANIZATIONS

Aleksandr V. SOROKIN

Abstract. The article proves the need for the research into the theory and practice of the outsourcing relations in the economic activities of the Russian Armed Forces, other troops, services and bodies, analyzes the domestic and foreign experience and provides specific proposals to improve the organizational legal basis of the outsourcing in military organizations.

УДК 344.3

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННЫХ СУДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С УЧЕТОМ УРОКОВ ВОЕННО-СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1867 ГОДА

А.С. ДЕМЬЯНЕНКО,

помощник судьи Верховного Суда Российской Федерации, соискатель кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия, Москва
E-mail: vestnik-vp@mail.ru

Аннотация. В статье автором рассмотрены актуальные проблемы законодательного регулирования деятельности военных судов Российской Федерации в военное время, в боевой и иной чрезвычайной обстановке с параллельным анализом опыта военно-судебной реформы 1867 г. Делается вывод о целесообразности использования данного опыта в качестве ориентира для совершенствования нормативно-правовой базы функционирования военно-судебных органов России в особых условиях.

Ключевые слова: военные суды; военное положение; мобилизация; кадровый состав военных судов; военно-юридическое образование; военно-судебная реформа 1867 г.

В настоящее время военно-судебная система Российской Федерации включает 12 окружных (флотских) военных судов и 107 гарнизонных военных судов. Пять гарнизонных военных судов дислоцируются за пределами территории Российской Федерации: два – в Республике Казахстан, по одному в Республике Армении, Республике Таджикистан и Республике Молдова (Приднестровье).

«Вопросы организации и деятельности военных судов регулируются

Федеральным конституционным законом «О военных судах Российской Федерации». Положениями данного Закона установлено, что особенности организации и деятельности военных судов в период мобилизации и в военное время определяются соответствующими федеральными конституционными законами» [3].

Между тем до настоящего времени таких законов не принято.

Федеральный конституционный закон «О военном положении» предусматривает, что «на территории, на которой введено военное положение, действуют суды, установленные в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными конституционными законами. Судопроизводство осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и другими федеральными законами. В случае невозможности осуществления правосудия судами, действующими на территории, на которой введено военное положение, по решению Верховного Суда Российской Федерации может быть изменена территориальная подсудность дел, рассматриваемых в судах» [5].

Однако Конституция Российской Федерации, Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный

конституционный закон «О чрезвычайном положении» устанавливают, что создание чрезвычайных судов не допускается [1; 2; 4].

В то же время богатый исторический опыт России свидетельствует о том, что в ходе любого вооруженного конфликта возникает множество правовых вопросов, решение которых отнесено к компетенции военных судов, призванных эффективно осуществлять правосудие в военное время. Данное обстоятельство было учтено при проведении военно-судебной реформы 1867 г. Подтверждается это в том числе и положениями утвержденного императором Александром II Военно-судебного устава, при подготовке которого особое внимание было уделено функционированию военно-судебной системы в военное время [14].

Военно-судебный устав определял, что правила о судопроизводстве и судостроительстве для мирного времени «сохраняют свою силу и для военного времени, но с определенными изъятиями, которые распространялись по особым распоряжениям императора на войска и местности, объявленные на военном положении» [11, с. 44–50].

В соответствии с положениями Военно-судебного устава к судам, действующим в мирное время, относились: полковые суды; военно-окружные суды; временные военные суды; Главный военный суд; особый военный суд.

«В мирное время в военных судах по первой инстанции подлежали рассмотрению: 1) все воинские чины сухопутного и морского ведомств, а также чины пограничной стражи за преступления и проступки, совершенные во время прохождения действительной службы; 2) все воинские чины, не состоящие на действительной военной службе (находящиеся в запасе или отставке), за преступления, совершенные во время службы; 3) гражданские чины военного ведомства за должностные преступления и нарушения правил военной дисциплины; 4) гражданские лица, совершившие преступления совместно с военными служащими» [13].

В военное время создавались: полковые и этапные суды; полевой военный суд; полевой главный военный суд; корпусные суды и суды тыла армии; военно-окружные суды пограничных округов; суд армии; временные полевые суды и особые присутствия; Кассационное присутствие; военно-полевые суды.

Подсудность дел военным судам в военное время значительно расширялась. В местностях, «объявленных на военном положении, им были подсудны лица любого ведомства за преступления, которые будут указаны по этому случаю в высочайшем указе, а также в случае совершения преступления совместно с военными лицами. Военным судам были подсудны и дела о военнопленных до передачи их в гражданское ведомство» [15, с. 201]. Следует отметить, что Военно-судебный устав содержал положения, касающиеся разграничения подсудности дел между военными и гражданскими судами.

В современной России вопрос комплектования военных судов в период военного времени не является достаточно урегулированным действующим законодательством. Существуют лишь отдельные нормы права, регулирующие призыв на военную службу в военное время. Например, ст. 23 Федерального закона «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» предусматривает, что граждане, подлежащие бронированию в целях обеспечения на период мобилизации и на военное время деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций, освобождаются, в частности, от призывов на военную службу в военное время на период предоставленной отсрочки по данному основанию [6].

Вместе с тем, приведенная норма не отражает специфику деятельности органов судебной власти в период мобилизации и военного времени, приравнивая их к иным представителям органов власти.

Представляется, что отсутствие специального федерального конституционного закона, регулирующего вопросы деятельности военных судов в военное время и в период мобилизации, ставит под угрозу выполнение военными судами в данные периоды поставленных перед ними задач по осуществлению правосудия и поддержанию правопорядка в войсках.

До недавнего времени судьи и работники аппаратов военных судов являлись военными служащими, деятельность которых в любых условиях, в том числе с риском для жизни, регулировалась законодательством о военной службе.

С 1 июля 2009 г. было упразднено прохождение военнослужащими военной службы на судебных должностях и должностях работников аппаратов военных судов. На данный момент судьи и работники аппаратов военных судов не являются военнослужащими.

В связи с изложенным представляется важным подчеркнуть, что новейшей истории России известны примеры, когда военным судам приходилось осуществлять правосудие фактически в условиях боевых действий. Так, в 2000-х гг. Грозненский гарнизонный военный суд осуществлял правосудие практически в условиях военного времени, а в августе 2008 г. во время событий в Южной Осетии по месту дислокации российских войск в районе г. Цхинвала появилась необходимость судебного присутствия, в связи с чем был сформирован и осуществлял свою деятельность судебный состав от Владикавказского гарнизонного военного суда [10].

Указанные факты свидетельствуют о том, что судьи и работники аппаратов военных судов должны быть готовы действовать надлежащим образом в чрезвычайных условиях, в том числе в боевой обстановке, иметь для этого необходимые знания и соответствующую военную подготовку. Однако современным механизмом формирования военно-судебного корпуса это не может быть гарантировано в полной мере.

Статья 27 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» устанавливает: «Судьей военного суда может быть гражданин Российской Федерации, отвечающий требованиям, предъявляемым к кандидатам на должность судьи Законом Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации”, и получивший положительное заключение Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. Преимущественным правом на назначение на должность судьи военного суда обладает военнослужащий, имеющий воинское звание офицера, а также гражданин, имеющий воинское звание офицера, пребывающий в запасе или находящийся в отставке». Из этого следует, что наличие у кандидата воинского звания офицера не является обязательным условием для назначения на должность судьи военного суда,

а лишь свидетельствует о его преимущественном праве перед другими кандидатами. Факт прохождения военной службы в иных воинских званиях и вовсе не влияет на назначение на должность судьи военного суда.

На практике возникают ситуации, когда на должности судей военных судов назначаются лица, не имеющие воинского звания офицера и не служившие в Вооруженных Силах Российской Федерации. Проблемы, которые возникают в связи с этим, очевидны, они неоднократно освещались в научной литературе [8; 16].

В настоящее время работники аппаратов военных судов являются федеральными государственными гражданскими служащими, в их числе есть лица, не обладающие опытом военной службы и не имеющие специального военно-юридического образования. Такие служащие имеют лишь поверхностные знания о структуре и задачах, жизни и деятельности войск, порядке прохождения военной службы, содержании правовых актов, определяющих статус военнослужащих и регулирующих выполнение ими служебных обязанностей.

Между тем исторический опыт убедительно свидетельствует: для формирования квалифицированного кадрового состава военно-судебного корпуса служащим необходимо обладать и военным, и юридическим образованием.

Указанный подход находит подтверждение в Военно-судебном уставе 1867 г., в соответствии с которым военные суды комплектовались военнослужащими из числа «офицеров, генералов и чиновников военного ведомства, непременно ‘русского подданства, с безупречной репутацией’. Постоянные (коронные), т. е. профессиональные, судьи обязаны были иметь юридическое образование. Военными делопроизводителями, секретарями и их помощниками могли назначаться лица, окончившие курс юридических наук или же проявившие на службе свои способности по судебной части. Секретарей военно-окружного суда и их помощников назначали из числа военных и гражданских чинов» [11, с. 48].

В состав военно-окружного суда также входили и кандидаты на судебные должности, предназначением которых являлась защита подсудимых. Это были преимущественно младшие офицеры,

получившие юридическое образование и прошедшие в течение года стажировку в суде. Назначение на должность кандидата на судебные должности осуществлялось приказами военного министра.

«Права и привилегии, принадлежащие военным служащим, распространялись и на должностных лиц военно-судебного ведомства. Они носили военную форму одежды, имели офицерские и генеральские звания, наравне с военными служащими награждались орденами и другими знаками отличия» [15, с. 199–200].

Формирование военных судов осуществлялось в основном за счет лиц из числа военных служащих, поскольку это обуславливалось гарантией их профессиональной пригодности, а также знания ими жизни армии, без чего невозможно обеспечение правопорядка в войсках.

Для организованной системы военных судов требовались уже не столько юридически образованные чиновники, сколько имеющие военное образование офицеры, близко знакомые с военной службой и воинской дисциплиной [9]. В связи с этим в 1867 г. Александром II была учреждена Военно-юридическая академия, главной задачей которой являлось «доставлять высшее военно-юридическое образование офицерам, поступающим на службу по военно-судебному ведомству» [7].

Отличительной особенностью Военно-юридической академии в сравнении с существовавшим ранее Аудиторским училищем являлось то, что академия должна была осуществлять подготовку офицеров-юристов, в то время как Аудиторское училище выпускало гражданских чиновников, призванных выполнять судебные функции в армии и на флоте [12].

Таким образом, к достижениям военно-судебной реформы 1867 г., безусловно, можно отнести образование постоянных военных судов, закрепление в Военно-судебном уставе принципов и порядка организации военных судов как в мирное, так и в военное время, а также порядка формирования кадрового состава военно-судейского корпуса.

В настоящее время отсутствие у судей и работников аппаратов военных судов военно-юридического образования, знания армейской жизни является объективным препятствием к завоеванию ими уважения в воинской среде,

что, в свою очередь, ведет к умалению авторитета судебной власти в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Несмотря на то что с момента проведения военно-судебной реформы прошло уже 150 лет, ее результаты до сих пор представляют интерес и могут являться надежным ориентиром для законодателя в вопросах совершенствования организации деятельности военных судов Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации: принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. (в ред. от 21 июля 2014 г.). Ст. 118 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. О судебной системе Российской Федерации: федер. конституц. закон от 31 дек. 1996 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 5 февр. 2014 г.) Ч. 1 ст. 4 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1997. – № 1. – Ст. 1.
3. О военных судах Российской Федерации: федер. конституц. закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 1 янв. 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1999. – № 26. – Ст. 3170.
4. О чрезвычайном положении: федер. конституц. закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ. Ст. 35 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 23. – Ст. 2277.
5. О военном положении: федер. конституц. закон от 30 янв. 2002 г. № 1-ФКЗ. Ст. 16 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 5. – Ст. 375.
6. О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации: федер. закон от 26 февр. 1997 г. № 31-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1997. – № 9. – Ст. 1014.
7. Положение о Военно-юридической академии 1891 года: приказ по военному ведомству № 179 от 17 июня 1891 г. // Свод воен. постановлений. – СПб., 1907.
8. Веретенников Н.Н. Статус судьи военного суда в условиях мирного и военного положения: проблемы становления и перспективы развития // Рос. судья. – 2016. – № 1. – С. 25–30.
9. Военная юстиция России: история и современность / под общ. ред. В.В. Ершова, В.В. Хомчика, С.Н. Фридинского. – М.: Право, 2003. – С. 293.

10. Жудро К.С. О военных судах и военных судьях // Судья. – 2012. – № 2. – С. 9–15.

11. Загорский Г.И. Военно-судебная реформа 1867 г. // История государства и права. – 2013. – № 3. – С. 44–50.

12. О военном судопроизводстве и судоустройстве // Юрид. журн. – 1861. – № 7. – С. 404.

13. Огнев Д.Ф. Военная подсудность. – СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1896. – 351 с.

14. Первухин Д.В. Организация и деятельность полковых судов в Вооруженных Силах России с 1867 по 1921 год: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – С. 17–18.

15. Петухов Н.А. Социальные и правовые проблемы становления, развития и функционирования системы военных судов в России: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2003.

16. Торкунов Д.М. Правовые основы организации деятельности военных судов Российской Федерации в военное время и в боевой обстановке: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 111–113.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Демьяненко Александр Сергеевич, помощник судьи Верховного Суда Российской Федерации, соискатель ученой степени кандидата юридических наук кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия

117418, Москва, ул. Новочеремуш-кинская, д. 69

E-mail: vestnik-vp@mail.ru

combat and other emergency conditions, with a parallel analysis of the experience of the military-judicial reform of 1867. It is concluded that this experience may be used as a guide for improving the regulatory and legal framework of work of military courts of Russia in special conditions.

Keywords: military courts; wartime posture; mobilization; military court personnel; military-judicial degree; military-judicial reform of 1867

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dem'yanenko Aleksandr Sergeevich, Assistant to the Judge of the Supreme Court of the Russian Federation, Applicant for the Degree of the Candidate of Legal Sciences, Department of Judicial and Law Enforcement of the Russian State University of Justice

69 Novocheryomushkinskaya Str., Moscow, 117418, Russian Federation

E-mail: vestnik-vp@mail.ru

Problems and Opinions

ON CERTAIN ISSUES OF WORK ORGANIZATION IN THE MILITARY COURTS OF THE RUSSIAN FEDERATION CONSIDERING THE LESSONS OF THE MILITARY-JUDICIAL REFORM OF 1867

Aleksandr S. DEM'YANENKO

Abstract. The article deals with actual problems of legislative regulation of work of Russian military courts in time of war, under

УДК: 351.87; 316.1

ОТНОШЕНИЕ РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ВОЕННО-СУДЕБНОЙ РЕФОРМЕ 1867 ГОДА

А.Ю. ОБОРСКИЙ,

кандидат философских наук, доцент, доцент Департамента социологии
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
профессор Академии военных наук, полковник запаса
E-mail: oborski@mail.ru

Т.А. ТЕРЕШОНОК

студентка 3-го курса факультета социологии и политологии Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации, член научного студенческого общества
E-mail: tanyusha.tereshonok@gmail.com

Аннотация. В статье охарактеризована военно-судебная реформа 1867 г., ее прогрессивная роль в истории Российской империи. Приведены результаты авторского социологического исследования на тему «Отношение российской студенческой молодежи к военно-судебной реформе 1867 года», приуроченного к ее 150-летию. Предложены рекомендации по использованию материала в образовательном процессе.

Ключевые слова: военно-судебная реформа; военный суд; Александр II; социологическое исследование; студенческая молодежь

Военно-судебная реформа 1867 г. кардинально изменила судостроительство военных судов и судопроизводство в них.

Основным юридическим документом в рамках реформы стал утвержденный императором Александром II Военно-судебный устав, в соответствии с которым в армии была установлена новая система органов правосудия, включавшая полковые суды, военно-окружные суды и Главный военный суд [4]. Вместо Военно-уголовного устава 1839 г. был принят Воинский устав о наказаниях.

Важно подчеркнуть, что преобразования в военном судостроительстве и судопроизводстве в указанный период осуществлялись в комплексе с военной реформой, способствовавшей созданию массовой армии современного типа, повышению ее боеготовности, подготовке офицерских кадров в соответствии с повышенными требованиями к их профессиональному мастерству [1].

Отметим основные итоги военно-судебной реформы:

- вместо ранее действовавших в армии временных судов были образованы постоянные военно-судебные органы;
- военные суды получили новую, отвечающую требованиям времени законодательную базу;
- архаичная система доказательственного права, основанная на теории формальных доказательств, была заменена новой системой, основанной на теории «свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению и совести судей»;
- в основу деятельности военно-судебных органов были положены принципы гласности, устности, непрерывности судебного заседания, равноправия и состязательности сторон в судебном

процессе, обеспечения подсудимому права на защиту.

Несомненным достижением в военном-судебном строительстве последней трети XIX – начале XX вв. следует признать деятельность Александровской Военно-юридической академии, ставшей передовым научно-образовательным учреждением, обеспечивавшим выпускникам достойную подготовку в области юриспруденции.

Особого внимания заслуживает институт кандидатов на должности по военному-судебному ведомству, который был призван углубить полученные знания и закрепить их на практике. Для этого выпускники Военно-юридической академии закреплялись за военно-окружными судами как приготавливающиеся к занятию должности по военному-судебному ведомству. Данной категории лиц вменялось в обязанность оказывать содействие судьям и прокурорам, присутствовать на судебных заседаниях и т. п. В то же время выпускники имели право осуществлять судебную защиту подсудимых, давать юридические консультации. Стажировка выпускников проводилась в течение года, по истечении указанного времени и успешной сдачи испытаний стажеры получали статус «кандидат на военно-судебную должность» [3].

В целом преобразованная система военных-судебных органов вполне соответствовала новому облику подвергшихся реформированию вооруженных сил Российской империи. Роль указанной системы в укреплении дисциплины и правопорядка в войсках достойна высокой оценки.

История свидетельствует: во многих реформах можно найти схожие черты, что объединяет их независимо от времени, места и условий проведения. В этой связи представляется важной возможность обратиться к уже накопленному опыту.

Несомненно, богатый опыт преобразования военного-судебной системы в 60–70-е гг. XIX в. может и должен быть востребован при выборе приоритетных направлений совершенствования органов военной юстиции России [2].

Указанный опыт актуален и в связи с тем, что в настоящее время в российском обществе не сложилось единой

точки зрения относительно роли, места и даже необходимости военных судов в системе судебных органов государства. Об этом, в частности, свидетельствует опрос студентов различных вузов, касающийся мнений об историческом значении военного-судебной реформы 1867 г. Диапазон прозвучавших оценок был очень широк. Именно это обстоятельство и стало одной из причин последующего проведения социологического исследования на тему «Отношение российской студенческой молодежи к военно-судебной реформе 1867 года».

Указанное исследование включало три этапа: мониторинг знаний студентов и курсантов российских вузов по названной теме, фокусированное интервью и экспертный опрос.

На этапе мониторинга в исследовании приняли участие 100 студентов и курсантов из 20 городов России, включая Москву, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Волгоград, Краснодар, Пензу, Йошкар-Олу, Самару, Рязань, Тверь и др.

В числе вузов, которые представляли респонденты, – Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Военная академия материально-технического обеспечения им. А.В. Хрулева, Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Московский государственный институт международных отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Санкт-Петербургский государственный университет, Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова, Пензенский государственный университет, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Тверской государственный технический университет, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации и др.

Мониторинг знаний представлял собой опрос, в ходе которого задавались несколько теоретических вопросов и один оценочный вопрос относительно

реформы 1867 г. В результате исследования выяснилось, что 36 % респондентов имеют представление о проведении реформы, а также об основных документах, ее регламентирующих; почти 35% опрошенных показали уверенное знание точной даты реформы.

На вопрос «Кто из правителей Российской империи провел военно-судебную реформу, в частности утвердил Военно-судебный устав?» большинство опрошенных (64 %) дали правильный ответ, указав Александра II; почти 16 % респондентов признались, что не знают правильного ответа на этот вопрос. Назывались опрошенными и другие исторические персоны в качестве организаторов реформы: Александр I (7 % респондентов), Александр III (5 %), Екатерина II (3 %), Николай II (3 %), Николай I (2 %).

Далее студентам и курсантам было предложено самостоятельно оценить свой уровень знания военно-судебной реформы 1867 г. Только шестая часть респондентов (16 %) заявили о том, что хорошо знают содержание данной реформы (однако 31,3 % из них дали неправильный ответ на первый вопрос). Почти половина опрошенных (47 %) отметили, что знают только ее основные положения, еще 24 % ничего о ней не знают.

И наконец, мы попросили респондентов оценить свое отношение к реформе. Для чистоты исследования учли ответы только тех опрошенных, которые заявили, что либо хорошо знают реформу, либо знают ее основные положения. Из 36 респондентов 16 человек относятся к реформе положительно, 9 нейтрально, у 6 опрошенных реформа вызывает противоречивое мнение. Еще 5 человек оценивают итоги реформы отрицательно.

Таким образом, уровень осведомленности студентов различных направлений подготовки и специальностей, в том числе и технических, о военно-судебной реформе 1867 г. можно оценить как средний. При этом следует отметить, что курсанты больше знают о реформе, нежели студенты гражданских вузов.

На этапе фокусированного интервью студентам и курсантам предлагалось выразить свое отношение к военно-судебной реформе 1867 г. в свободной форме. На основании анализа прозвучавших

мнений можно сделать вывод, что в целом студенты и курсанты считают, что указанная реформа военно-судебной системы имела прогрессивное значение, способствовала модернизации армии, укреплению законности и правопорядка в войсках.

Завершающим этапом исследования стал экспертный опрос. Доктор юридических наук, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации А.Н. Рожнов проинформировал о том, что военно-судебная реформа 1867 г. в качестве отдельной темы в рамках дисциплины «История отечественного государства и права» в университете не рассматривается. Содержание реформы представлено только в рамках темы «Военные реформы Александра II». Студенты по данной теме делают доклады (рефераты и курсовые работы по ней не запланированы). В целом интерес именно к теме военно-судебной реформы средний. Наибольшую заинтересованность вызвала проводимая в это же время военная реформа. При подготовке докладов студенты опирались в основном на Википедию, но также дополнительно привлекали и некоторые другие источники информации.

Интересное мнение по вопросу о целесообразности изучения военно-судебной реформы 1867 г. высказал кандидат политических наук, декан факультета социологии и политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации А.Б. Шатилов. С его точки зрения, все преобразования, включая и названную реформу, студентам и курсантам, безусловно, изучать необходимо, но не апологетически, а критически. Важно видеть в них не только рациональное зерно, но и отрицательные стороны. Что касается обсуждаемой реформы, то она оказалась удачной, произошло, по словам А.Б. Шатилова, «некое внедрение совести в закон».

Эксперт также отметил, что в изучаемых дисциплинах военно-судебная реформа 1867 г. должна быть представлена значительным разделом, однако не следует ограничивать изучение ее только с исторической точки зрения. Целесообразно включать тему по этой реформе как в политические, так и в правовые дисциплины.

Авторитетным военным экспертом в проведенном исследовании выступил кандидат юридических наук, доцент, докторант научного исследовательского института Академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации О.В. Григорьев, защитивший кандидатскую диссертацию на тему «Военно-судебная реформа России 1867 года». Он сделал краткий обзор реформы, выделив ее основные моменты, выразил свое отношение к ней, привел убедительные доказательства важности ее изучения.

По мнению О.В. Григорьева, вопросы проведения военно-судебной реформы 1867 г. в России имеют существенное значение для юридической науки и должны быть обязательно использованы в образовательной деятельности военных вузов и всех учебных заведений юридического профиля. Основанием для такого утверждения служат следующие успешные преобразования в военно-судебной области в вышеуказанный период:

- создание совершенной (даже по современным меркам) нормативной базы деятельности органов правосудия в армии (Военно-судебный устав 1867 г. и Воинский устав о наказаниях 1867 г.);
- обеспечение подготовки кадрового резерва для военных судов;
- создание Военно-юридической академии.

Поучительные выводы, подчеркнул эксперт, необходимо также извлечь из недостатков реформы. Так, принципы процессуального права при производстве дел в полковых судах реализовывались не в полном объеме. В своей деятельности полковые суды зависели от полковых командиров, что противоречило принципу разделения властей. Полковые командиры и другие воинские начальники остались наделенными значительной властью в отношении организации и деятельности полковых судов. Кроме того, система военных судов представляла собой отдельную, независимую от общих судов, структуру, т. е. в Российской империи так и не была создана единая судебная система.

В целом же следует особо отметить, что военно-судебная реформа 1867 г., в отличие от многих других российских реформ, была доведена до логического

завершения, в процессе ее проведения удалось добиться впечатляющих результатов.

В заключение О.В. Григорьев подчеркнул, что обсуждаемой реформе следует уделять значительно больше внимания при обучении не только юристов, но и других специалистов.

Таким образом, проведенное социологическое исследование показало, что уровень знаний студентов по вопросам военно-судебной реформы 1867 г. можно оценить как средний, однако заинтересованность в ее изучении достаточно высока. Об этом свидетельствует фокусированное интервью, в ходе которого были получены в большинстве своем положительные отзывы о реформе. Особо значимы с практической точки зрения мнения экспертов, заявивших о необходимости активизации изучения реформы в силу ее важности, прогрессивности и большой ценности для совершенствования современной военно-судебной системы России.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что целесообразным является более глубокое интегрирование темы «Военно-судебная реформа 1867 года» (в том числе и в качестве темы самостоятельной) в учебные планы подготовки специалистов с возможностью дополнительных внеаудиторных занятий по этой теме в форме рефератов, курсовых и выпускных квалификационных работ по историческим, правовым и политическим дисциплинам. Реализация данной рекомендации будет способствовать систематизации знаний студентов и курсантов в военно-судебной области, эффективному формированию и развитию их правосознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М.: Наука, 1973. – С. 102–165.
2. Григорьев О.В. Военно-судебная реформа России 1867 г.: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 203.
3. Маликов С.В. Военно-юридическое образование в Российской империи (1717–1917 гг.) // Военная юстиция России: история и современность. – М.: Право, 2013. – С. 281–305.

4. Огнев Д.Ф. Военная подсудность. – СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1896. – С. 98.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Оборский Алексей Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, доцент Департамента социологии и политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор Академии военных наук, полковник запаса

125993, Москва, Ленинградский пр., д. 49

E-mail: oborski@mail.ru

Терешонок Татьяна Андреевна, студентка 3-го курса факультета социологии и политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, член научного студенческого общества Финансового университета, помощник депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, члена Комитета по обороне В.И. Богодухова на общественных началах

125993, Москва, Ленинградский пр., д. 49

E-mail: tanyusha.tereshonok@gmail.com

and Political Science of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Academy of Military Sciences, Colonel of the Reserve

49 Leningradskiy Av., Moscow, 125993, Russian Federation

E-mail: oborski@mail.ru

Tereshonok Tat'yana Andreevna, a Third-Year Student of the Faculty of Social and Political Science of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Member of the Scientific Student Society of the Financial University, a Voluntary Assistant to the Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation and Member of the Defense Committee, Mr. V. Bogodukhov

49 Leningradskiy Av., Moscow, 125993, Russian Federation

E-mail: tanyusha.tereshonok@gmail.com

Problems and Opinions

THE ATTITUDE OF THE RUSSIAN STUDENT YOUTH TO THE MILITARY-JUDICIAL REFORM OF 1867

Aleksei Yu. OBORSKII
Tat'yana A. TERESHONOK

Abstract. The article describes the military-judicial reform of 1867, the results of a sociological survey on the topic "The attitude of student youth to the military judicial reform of 1867" carried out on the occasion of its 150th anniversary. Recommendations on using these materials in the educational process are given.

Keywords: military-judicial reform; military court; Alexander II; sociological survey; student youth

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oborskii Aleksei Yur'evich, Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of Department of Social

УДК 341.3

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ ПО НАДЗОРНОМУ СОПРОВОЖДЕНИЮ РОССИЙСКОГО МИРОТВОРЧЕСКОГО КОНТИНГЕНТА В ПЕРИОД ГРУЗИНО-ОСЕТИНСКОГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

А.С. ПАРШАКОВ,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра (военно-научной информации, военно-правовых проблем) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: alexandrpashakov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы деятельности органов военной прокуратуры Российской Федерации в ходе грузино-осетинского вооруженного конфликта, делается вывод о необходимости использования российской стороной всех правовых инструментов для защиты своих граждан в международных судебных органах.

Ключевые слова: органы военной прокуратуры; грузино-осетинский конфликт; международно-правовая ответственность; Европейский Суд по правам человека; Международный уголовный суд; миротворцы; правовая помощь гражданам в рамках международного права

В ночь с 7 на 8 августа 2008 г. вооруженными силами Грузии с применением реактивных систем залпового огня, артиллерии и стрелкового оружия был произведен массированный обстрел позиций и мест дислокации военнослужащих российского контингента Смешанных Сил по поддержанию мира в зоне грузино-осетинского конфликта, имеющих особый статус. В результате вооруженного нападения погибли

10 военнослужащих-миротворцев, 25 были ранены, полностью разрушена материальная и техническая база миротворцев.

Указанный миротворческий контингент – батальон от Сухопутных войск Вооруженных Сил Российской Федерации – находился на территории Республики Южная Осетия (РЮО) на основании ст. 52 Устава Организации Объединенных Наций, Соглашения о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта, подписанного главами России и Грузии в г. Сочи 24 июня 1992 г., Меморандума о мерах по обеспечению безопасности и укреплению взаимного доверия между сторонами в грузино-югоосетинском конфликте, подписанном в г. Москве 16 мая 1996 г., а также Мандата Содружества Независимых Государств [4, 11, 15].

В ходе вооруженного нападения власти Грузии необоснованно и избирательно применили мощное оружие, в том числе танки, системы залпового огня. При этом они сознательно не предприняли необходимых мер к тому, чтобы избежать риска для жизни миротворцев и сотен мирных граждан, в том числе детей.

Прежде всего, в данном случае речь идет о нарушениях грузинской стороной Женевских и Гаагских конвенций.

Эти нарушения подпадают под признаки военных преступлений (убийства, неоправданное уничтожение гражданской инфраструктуры, разрушение жилищ и населенных пунктов без военной необходимости и др.).

Помимо этого, ратифицировав 26 мая 1995 г. Конвенцию о защите прав и основных свобод (далее – Конвенция), Грузия добровольно приняла на себя обязательства соблюдать все ее положения и нести ответственность в соответствии с ее нормами, в связи с чем следует констатировать, что грузинской стороной были нарушены положения п. 1 ст. 2 разд. 1 Конвенции об охраняемом законом праве каждого лица на жизнь. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание. Также грузинскими военными были нарушены нормы ст. 3 Конвенции, запрещающие бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, которое в данном случае выразилось в причинении сильных физических и нравственных страданий вследствие нахождения в течение длительного времени под обстрелом, в подвалах домов в нечеловеческих условиях. Имела место и дискриминация по национальному признаку (ст. 14 Конвенции), была нарушена ст. 1 Протокола 1 к Конвенции, запрещающая любое лишение имущества [5, 6].

Действия вооруженных сил Грузии по факту нападения на российский миротворческий контингент и мирных жителей подпадают под юрисдикцию Российского государства, а также международных судебных органов, прежде всего Международного уголовного суда (МУС) и Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ).

Из обращения в международные суды офицера медицинской службы миротворческого батальона А., 1975 года рождения: «Миротворческий батальон располагался на ограничительной линии и в соответствии с международными нормами права не мог быть подвергнут нападению ни с одной, ни с другой стороны. 8 августа около 4 часов ночи производился обстрел из реактивных залповых установок «Град» со стороны грузинского села Никоки в сторону центра города Цхинвала.

Уничтожены жилые и административные здания, обстрелы привели к огромному количеству жертв и пострадавших среди мирного населения. 8 августа около 6 часов утра начался обстрел позиций миротворческих сил из стрелкового оружия, танков, артиллерии и минометов со стороны грузинского села Никоки. Прямым попаданием, скорее всего из танка, был разрушен наблюдательный пункт, который размещался на крыше казармы миротворческого батальона... Начали поступать убитые и раненые. Я стал очевидцем умышленного нанесения грузинскими войсками ударов по зданиям, медицинским учреждениям, а также персоналу, использующим в соответствии с международным правом отличительные эмблемы, установленные Женевскими конвенциями. Кроме того, я стал свидетелем прицельного попадания артиллерийского снаряда в автоперевозочную батальона, которая была отмечена Красным крестом... Несмотря на отличительные эмблемы, грузинская сторона в момент оказания помощи раненым продолжала вести сильный огонь по медицинскому персоналу и раненым военнослужащим, поступающим в медицинский пункт... Здание казармы интенсивно обстреливалось из крупнокалиберных орудий (танки, минометы, гаубицы и т. д.). В результате обстрела загорелся продовольственный склад. При нашем перемещении грузинская сторона безостановочно вела непрерывный огонь по миротворческим силам с применением минометов, артиллерии и стрелкового оружия. 10 августа около 5 часов медицинский персонал и раненые военнослужащие вышли к поселку Джава, где нам была оказана помощь. 12 августа я на вертолете вместе с ранеными военнослужащими был доставлен во Владикавказский военный госпиталь, где мне был поставлен диагноз: минно-взрывная травма, закрытая черепно-мозговая травма, сотрясение головного мозга».

Из обращения гражданина Т., 1955 года рождения: «Село Гуфта Джавского района Республики Южная Осетия, в котором я проживаю, непрерывно обстреливалось из артиллерийских орудий, находящихся на территории Грузии на расстоянии около 3 километров. Село Гуфта расположено в ущелье, из которого видно другие населенные пункты Южной

Осетии: Итрапис и Джава, которые также обстреливались из артиллерийского оружия и подвергались бомбардировке с самолетов, прилетавших со стороны Грузии. В результате прямого попадания бомбы с того же самолета мой дом был разрушен... Считаю, что действия нападавших направлены на уничтожение людей – южных осетин».

Из обращения гражданки П., 1984 года рождения: «7 августа 2008 г. ночью начался обстрел города Цхинвала грузинскими военными. Я находилась дома с матерью и четырехлетним сыном на улице Ленина. Обстрел был такой страшный, что мы и наши соседи спустились в подвал дома. Ребенок испугался, была истерика, кричал, что убивают людей. 4 дня я с ребенком и мои соседи провели в подвале без пищи и воды. Света не было, связи тоже. Мы приготовились умирать, так как знали, что грузинские военные жестоко убивают людей, которых находят в подвалах. 8 августа ночью мы поднялись из подвала и перебежали в соседний дом к родственникам, там уже был труп дяди, которого убили грузинские военные. Семья переживала горе, труп лежал и разлагался в квартире, без возможности захоронения. Особенно болезненно все воспринял мой маленький сын. Грохот, дрожь, обстрелы усилились так, что нам пришлось снова спуститься в подвал. Мы вышли из подвала только утром 10 августа, когда все стихло. Когда мы выходили из подвала, то увидели, что дом по большей части разрушен. В нашей квартире разрушены два балкона, все окна разбиты, стены, пол обвалились. Мы сами нашли машину и, взяв других пострадавших, поехали в Республику Северная Осетия. Находясь в нечеловеческих условиях в подвалах, сын простудился, врачи поставили диагнозы – пневмония, бронхит. Ребенок морально угнетен, пострадала нервная система» [19].

В Следственном комитете при прокуратуре Российской Федерации были возбуждены и расследованы уголовные дела по фактам убийств миротворцев, российских граждан, проживавших на территории Южной Осетии, геноцида осетинского народа. В частности, в военном следственном управлении Следственного комитета Российской Федерации по Северо-Кавказскому военному округу были возбуждены уголовные дела: 8 августа 2008 г. –

№ 14/00/0051-08 по факту убийства военнослужащих, входивших в состав миротворческих сил в зоне грузино-осетинского конфликта (пп. «а», «б», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ); 12 августа 2008 г. – № 14/00/0052-08 по факту убийства других российских военнослужащих на территории Южной Осетии (пп. «а», «б», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Также в Следственном управлении Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по Республике Северная Осетия – Алания 9 августа 2008 г. было возбуждено уголовное дело по фактам покушения на убийства и убийства российских граждан на территории Южной Осетии по признакам преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30 и пп. «а», «е» ч. 2 ст. 105, пп. «а», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а 14 августа 2008 г. – дело о массовых убийствах в г. Цхинвале и других населенных пунктах Южной Осетии, связанных с уничтожением осетин (ст. 357 УК РФ «Геноцид»). 16 августа 2008 г. данные уголовные дела по фактам покушения на убийства, убийств и геноцида были объединены в одно производство, а в последующем к ним были присоединены дела, возбужденные в военном следственном управлении Следственного комитета Российской Федерации по Северо-Кавказскому военному округу.

Если иметь в виду действие российского уголовного законодательства в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов Российской Федерации, то в данном случае военные следственные органы руководствовались ч. 3 ст. 12 УК РФ, согласно которой «иностранцы граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации, подлежат уголовной ответственности по настоящему Кодексу в случаях, если преступление направлено против интересов Российской Федерации либо гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства» [1].

Российское уголовное преследование осуществлялось в соответствии с нормами международного права, в том числе с положениями ч. 2 ст. 7 Конвенции, гласящей: «Настоящая статья не препятствует осуждению и наказанию любого лица за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое в момент его

совершения являлось уголовным преступлением в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами» [5].

С начала боевых действий на территории Южной Осетии согласно требованиям российского законодательства, а именно на основании пп. 1 и 3 ст. 46 Федерального закона от 8 августа 2008 г. № 155 «О прокуратуре Российской Федерации», приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Об участии органов прокуратуры в рассмотрении обращений и расследовании преступлений против миротворческих сил Российской Федерации, российских граждан», а также общепризнанным принципам и нормам международного права органами военной прокуратуры было организовано надзорное сопровождение действий российского миротворческого контингента на территории Южной Осетии [2, 16]. В этих целях приказом заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – Главного военного прокурора от 8 августа 2008 г. № 165 была создана оперативная прокурорская группа в количестве 30 офицеров с местом дислокации в г. Владикавказе [18]. Однако уже к исходу указанного дня группа офицеров военной прокуратуры была размещена на командном пункте миротворческих сил в населенном пункте Джава.

12 августа 2008 г. приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 158 определяются дополнительные меры по участию органов прокуратуры в рассмотрении обращений и расследовании преступлений против миротворческих сил Российской Федерации, российских граждан [17].

Следует подчеркнуть, что пребывание оперативной группы прокуроров за пределами России осуществлялось в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» и Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Грузия по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи, по делам, связанным с временным пребыванием воинских формирований Российской Федерации на территории Республики Грузия, от 9 октября 1993 г. [2, 13]. По закону единственным уполномоченным органом, на который возложены функции органов прокуратуры

за рубежом, являются органы военной прокуратуры.

Автор данной статьи, будучи на тот момент начальником отдела методического обеспечения управления надзора за исполнением законов при расследовании преступлений Главной военной прокуратуры Российской Федерации, со своими коллегами принимал активное участие в координации деятельности по оказанию юридической помощи родственникам погибших и раненых миротворцев, другим гражданам России, разъяснении им прав и порядка обращения в международные судебные инстанции: в Международный уголовный суд в г. Гааге и в Европейский Суд по правам человека в г. Страсбурге.

Оперативной прокурорской группой была оказана помощь в подготовке комплектов заявлений по погибшим и раненым миротворцам в международные суды. Помимо этого, в ходе работы с гражданами Российской Федерации, проживающими в Республике Южная Осетия, пострадавшими в результате грузинской агрессии, на первоначальном этапе было получено 506 заявлений в суды, 458 письменных показаний, подтверждающих факты гибели и ранений граждан, разрушения жилья, осмотрено 175 мест захоронений тел погибших, а также разрушенных жилых домов. При этом группой оказана помощь в подготовке заявлений жителями сел Хетагурово, Квасатали, Тбет, Галаванти-Кау, Бибил-Кау, Ног-Кау, Дидмуха, Мугут и Чорбаули, расположенных в Цхинвальском и Знаурском районах РЮО. В последующем работа велась в г. Цхинвале и в населенных пунктах Дменис, Хелчуа, Сатикар, Арцев, Гром.

Работа группы по уточнению списка погибших граждан России проводилась с привлечением представителей общественности и духовенства. Была организована работа Управления противопожарной службы РЮО по активированию фактов пожаров жилых домов. Совместно с администрацией г. Цхинвала и сельских советов организовывалась выдача гражданам документов, подтверждающих наличие жилья в их собственности, фактов разрушения домов (квартир), копий домовых книг и планов жилых домов с составлением актов осмотра разрушенных домов. Были подготовлены фотографии разрушенных жилых домов и административных

зданий, объектов социально-культурного назначения.

Что касается работы с военнослужащими миротворческого батальона и Объединенного штаба Смешанных сил по поддержанию мира в зоне грузино-осетинского конфликта, как принимавших непосредственное участие в боях с грузинскими воинскими формированиями, так и находившихся на КПП и наблюдательных постах, то были получены, систематизированы и переведены на информационные носители 158 письменных показаний. Из них 80 показаний отработались с выездами на 7 наблюдательных постов (Мугути, Двани, Авневи, Приси, Монастери, Паук, Ередви).

Было установлено, что в целом в ходе происшедших событий, в том числе связанных с принуждением Грузии к миру, погибло 63 и ранено 339 военнослужащих Российской Федерации. Органами предварительного следствия произведено 48 осмотров места происшествия, допрошено 846 лиц, в их числе 701 военнослужащий, признаны потерпевшими 218 лиц (все военнослужащие), назначено 249 судебных экспертиз.

Свои полномочия военные прокуроры осуществляли в тесном взаимодействии с представителями местной администрации и правоохранительными органами Южной Осетии. Под надзорным сопровождением военных прокуроров военными следственными органами проверялась вся информация о совершении грузинскими военнослужащими преступлений, поступающая, прежде всего, от гражданского населения, а также правозащитных и неправительственных организаций, опубликованная в средствах массовой информации.

Кроме того, органами военной прокуратуры проведен комплекс надзорных мероприятий, в ходе которых была проверена обоснованность доводов, содержащихся в просьбе Республики Грузии к Международному Суду ООН об указании временных мер, «направленных на защиту ее граждан против насильственных дискриминационных мер российских вооруженных сил» от 14 августа 2008 г. В ходе надзорных мероприятий установлено, что Российской Федерацией во время проведения операции по принуждению к миру Республики Грузия требования Международной конвенции

о ликвидации всех форм расовой дискриминации нарушены не были, в связи с чем оснований для принятия Международным Судом ООН решения об указании временных защитных мер, направленных на обеспечение прав Республики Грузии, в том числе перечисленных в обращенной к Суду просьбе грузинской стороны от 14 августа 2008 г., не имелось.

Подготовка же исков и заявлений в Международный уголовный суд и Европейский суд по правам человека в отношении Грузии осуществлялась только в индивидуальном порядке, поскольку Россия не ратифицировала Римский статут, следовательно, обращаться в этот судебный орган не могла. В ЕСПЧ обращения также направлялись в индивидуальном порядке, поскольку было ясно, что грузинские суды не стали бы принимать осетинские иски к рассмотрению, а в связи с грубыми нарушениями права на жизнь, на жилище и других прав, закрепленных в Конвенции, пострадавшие имели полное право обратиться в Страсбург.

В тот момент было неясно, примут ли к рассмотрению в Гааге «миротворческие» иски после их подачи? По сути, налицо был беспрецедентный случай: в МУС обращались в связи с гибелью или ранениями миротворцев, хотя до этого случая гибель или ранения миротворцев фиксировались на других континентах, в частности в Азии и в Африке, но подобных исков не было.

За пять лет до августа 2008 г. – 26 августа 2003 г. на заседании Совета Безопасности ООН была единогласно принята резолюция № S/RES/1502 (2003), в соответствии с которой покушения на миротворцев и сотрудников гуманитарных миссий рассматриваются как международное военное преступление. Стороны, участвующие в международном конфликте, обязаны обеспечивать безопасность миротворцев, а также по первому требованию выдавать преступников Международному Суду и другим судам [7].

В течение семи лет, с 2008 по 2015 гг., МУС проводил предварительное дознание, в ходе которого оценивалась целесообразность начала расследования Гаагским судом на основе расследования предполагаемых преступлений и удовлетворительности качества проводимых в России и Грузии расследований,

признанных в 2014 г. Международным уголовным судом «ограниченными».

Еще в 2008 г. параллельно с российской стороной Грузия также инициировала аналогичные иски от своих граждан в международные судебные органы.

В 2015 г. Международный суд в Гааге запросил у России и Грузии материалы по расследованию военных преступлений в Южной Осетии в 2008 г.

8 октября 2015 г. в заявлении Международного уголовного суда было сказано: есть основания полагать, что в контексте вооруженного конфликта в августе 2008 г. в Грузии были совершены преступления, подпадающие под юрисдикцию суда [20].

В октябре 2015 г. после посещения Грузии прокурором Международного уголовного суда Фату Бенсуда (для консультаций с руководством страны о расследовании военных преступлений и преступлений против человечности, совершенных в ходе «пятидневной войны» между Россией и Грузией в августе 2008 г.) МУС одобрил по искам Грузии начало расследования преступлений, совершенных на территории Южной Осетии в период с 1 июля по 10 октября 2008 г. 4 декабря 2015 г. инстанция получила заявления о 6 335 преступлениях военного характера или преступлениях против человечности, совершенных в указанный период. Среди них – атаки на мирное население и миротворцев, уничтожение имущества, намеренные убийства. Оценки числа убитых грузин варьируются от 51 до 113 человек, а числа изгнанных с территорий грузин – от 13,4 до 18,5 тысячи человек [19].

Что касается российской стороны, то только в августе 2008 г. за правовой помощью в органы прокуратуры в целом обратилось около 3,5 тысячи граждан Российской Федерации, пострадавших в результате военных действий Грузии на территории Южной Осетии. Получив необходимые юридические консультации, впоследствии большинство из них направили заявления в Европейский суд по правам человека и Международный уголовный суд.

Первоначально еще в 2008 г. было отобрано шесть обращений, по которым начаты предварительные судебные процедуры.

Общеизвестно, что решения Европейского суда носят прецедентный характер,

поэтому в случае вынесений по первым так называемым пилотным делам постановлений имело бы большое значение для остальных многочисленных заявителей.

Была надежда на то, что международные судебные органы дадут должную правовую оценку каждому заявлению родственников погибших, пострадавших миротворцев и других граждан и определят им справедливые компенсации.

Из личного разговора автора настоящей статьи с К.П. Краковским, который совместно с В.В. Грибом и другими адвокатами начиная с августа 2008 г. по настоящее время время активно оказывает юридическую помощь по оформлению и продвижению исков и заявлений в международных судебных органах, стало известно, что в настоящее время в ЕСПЧ находятся около полутора тысяч исков против Грузии, из них для рассмотрения по существу отобрано шесть «пилотных» дел, однако в первую очередь суд хотел бы рассмотреть грузинские иски против России, а затем на основании вынесенных решений, возможно, будут рассмотрены и российские дела.

Применительно к рассмотренной ситуации не хотелось бы, чтобы решения международных судебных органов превращались в дискриминационные, были своеобразным «политическим крючком» на котором держат «неудобные», «строптивые» и «непослушные» государства.

В связи с политической ангажированностью МУС по отношению к России Президент Российской Федерации 16 ноября 2016 г. подписал распоряжение о намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда [3].

Несмотря на это, в будущем необходимо стремиться к тому, чтобы российская сторона могла использовать все правовые инструменты для защиты своих граждан в международных судебных органах, которые, в свою очередь, занимали бы взвешенную, независимую от политики позицию.

В целом же практика международных судебных органов призвана расширять границы возможности международно-правовой ответственности, добиваться неотвратимости наказания за военные преступления в интересах поддержания международного мира и безопасности.

Именно на достижение указанной цели в конечном итоге была направлена деятельность военной прокуратуры Российской Федерации, выполнявшей функции надзорного сопровождения российских войск в ходе грузино-осетинского конфликта и принуждения Грузии к миру. При этом работа военной прокуратуры носила многогранный характер, она была связана в том числе и с надзором за исполнением законов военными следственными органами при расследовании преступлений с учетом специфики применения норм международного гуманитарного права, с оказанием юридической помощи родственникам погибших и раненых миротворцев, другим гражданам России и жителям Южной Осетии, разъяснением им прав и порядка обращения в международные судебные инстанции и другими задачами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/5761986/>.
2. О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1-ФЗ. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10164358/>.
3. О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда: распоряжение Президента Рос. Федерации от 16 нояб. 2016 г. № 361-рп [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41387>.
4. Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/2540400/>.
5. Конвенция о защите прав и основных свобод (Рим, 4 нояб. 1950 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/2540800/>.
6. Протокол № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Париж, 20 марта 1952 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/2540801/>.
7. Резолюция № S/RES/1502 (2003) Совета Безопасности ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sc/documents/-resolutions/2003>.
8. Соглашение о принципах комплектования Объединенных Вооруженных Сил Содружества Независимых Государств и прохождения в них военной службы (Киев, 20 марта 1992 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/1118964/>.
9. Соглашение о Группе военных наблюдателей и Коллективных силах по поддержанию мира в Содружестве Независимых Государств (Киев, 20 марта 1992 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/1118965/>.
10. Протокол о статусе Групп военных наблюдателей и Коллективных сил по поддержанию мира в Содружестве Независимых Государств (Ташкент, 15 мая 1992 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901877344>.
11. Соглашение о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта (Сочи, 24 июня 1992 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1902246>.
12. Соглашение о Коллективных миротворческих силах и совместных мерах по их материально-техническому обеспечению (Москва, 24 сент. 1993 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://conventions.ru/view_base.php?id=17424.
13. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Грузия по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с временным пребыванием воинских формирований Российской Федерации на территории Республики Грузия (Москва, 9 окт. 1993 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122553/.
14. Решение об утверждении Положения о Коллективных силах по поддержанию мира в Содружестве Независимых Государств (Москва, 19 янв. 1996 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1901124>.
15. Меморандум о мерах по обеспечению безопасности и укреплению взаимного доверия между сторонами в грузино-осетинском конфликте (Москва, 16 мая 1996 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1902534>.
16. Об участии органов прокуратуры в рассмотрении обращений и расследовании преступлений против

миротворческих сил Российской Федерации, российских граждан [Электронный ресурс]: приказ Генер. прокуратуры Рос. Федерации от 8 авг. 2008 г. № 155. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1256844/>.

17. О дополнительных мерах по участию органов прокуратуры в рассмотрении обращений и расследовании преступлений против миротворческих сил Российской Федерации, российских граждан [Электронный ресурс]: приказ Генер. прокуратуры Рос. Федерации от 12 авг. 2008 г. № 158. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1256845/>.

18. О создании оперативной группы работников военной прокуратуры [Электронный ресурс]: приказ заместителя Генер. прокурора Рос. Федерации – Главного военного прокурора от 8 авг. 2008 г. № 165. – Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/>.

19. Европейский суд разбирает иски пострадавших от агрессии Грузии в ЮО: интервью начальника Главного управления по надзору за исполнением федерального законодательства Генеральной прокуратуры Российской Федерации А.В. Паламарчука // Законность. 2009. № 10.

20. Международный уголовный суд в Гааге начал расследование преступлений в ходе российско-грузинской войны 2008 года // CIVITAS – вестн. гражданского общества. – 2015. – 15 окт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vestnikcivitas.ru/news/3881>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Паршаков Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, почетный работник прокуратуры Российской Федерации, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра (военно-научной информации, военно-правовых проблем) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

123001, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14

E-mail: alexandrpashakov@yandex.ru

Military Aspects of International Law

ON SOME ASPECTS OF THE MILITARY PROSECUTOR'S OFFICE ACTIVITIES FOR SUPERVISORIAL SUPPORT OF THE RUSSIAN PEACEKEEPING CONTINGENT IN THE PERIOD OF THE GEORGIAN-OSSETIAN ARMED CONFLICT

Aleksandr S. PARSHAKOV

Abstract. The article discusses some issues of the activities of the military prosecutor's offices of the Russian Federation during the Georgian-Ossetian armed conflict and concludes that the Russian side should use all legal instruments to protect its citizens in international judicial bodies.

Keywords: military prosecutor's office; the Georgian-Ossetian conflict; international legal responsibility; the European Court of Human Rights; International Criminal Court; peacekeepers; legal assistance to citizens in the framework of international law

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Parshakov Aleksandr Sergeevich, Cand. Sc. (Law), Honorary Worker of the Prosecutor's Office, Senior Researcher of the Research Center (Military-Scientific Information, Military Legal Problems) of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

14 Bol'shaya Sadovaya Str., Moscow, 123001, Russian Federation

E-mail: alexandrpashakov@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ В РАЙОНАХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

А.Ф. СКОПЦОВ,

преподаватель кафедры уголовного права Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: semirek.aleksey@yandex.ru

Аннотация. В данной статье на основе анализа следственной практики в зоне боевых действий автор, выполнявший в 1980–1981 гг. ответственные задачи в должности старшего следователя-криминалиста военной прокуратуры в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане, исследует проблемы квалификации преступлений, совершенных военнослужащими в районе вооруженного конфликта.

Ключевые слова: военные прокуратуры; военные следователи; уголовные дела; квалификация преступлений; военнослужащие; доказательства; место происшествия; Ограниченный контингент советских войск в Афганистане

За послевоенные годы наиболее богатый опыт прокурорско-следственной практики по расследованию преступлений в зонах боевых действий накоплен военными прокурорами и следователями в период участия советских войск в вооруженном конфликте на территории Афганистана в 1979–1989 гг.

Среди военнослужащих Ограниченного контингента отмечался весьма широкий спектр преступных проявлений. И в каждом случае имелись общие и специфические предпосылки совершения преступлений.

К общим предпосылкам относятся слабая воинская дисциплина, отсутствие должного контроля за личным составом, пьянство. Среди специфических причин в первую очередь следует выделить смешанный национальный состав в большинстве подразделений, упрощенный доступ к оружию и боеприпасам, постоянное напряжение (связанное с угрозой смертельной опасности), отсутствие элементарных условий для снятия стресса вне службы.

Специфика военной службы в боевых условиях породила так называемый афганский синдром, выражающийся в проявлении у людей недоверия к окружающим, немотивированной агрессии, формировании склонности к физическому насилию по самым незначительным поводам. Этот боевой посттравматический синдром нередко становился причиной совершения военнослужащими противоправных деяний и преступлений.

Необходимо также учесть, что у следствия в боевой обстановке часто отсутствуют элементарные условия для собирания доказательств, позволяющих объективно оценить действия виновных лиц. Это тоже влияет на квалификацию преступлений и является причиной ошибок.

Остановимся для примера на рассмотрении трех уголовных дел, представляющих интерес как с точки зрения квалификации преступлений, так и с позиции криминалистики в свете методики расследования преступлений в специфических условиях

В вечернее время в одной из авиационных воинских частей трое свободных от службы солдат на территории автопарка демонстрировали друг другу приемы единоборств. В это время прозвучали три выстрела, и один из военнослужащих – рядовой Якубов* упал с простреленной головой. Раненого немедленно доставили в медсанбат, где он вскоре скончался, не приходя в сознание. Командование, проведя свое расследование, сообщило о происшествии в военную прокуратуру.

Прибывшая на место происшествия следственная группа ознакомилась с мнением командования, выслушала показания очевидцев. Ситуация, с их слов, выглядела так: выстрелы были произведены со стороны близлежащих гор, то есть стреляли афганские боевики, а следовательно гибель Якубова в результате ранения квалифицировалась как боевая потеря и в условиях боевой обстановки не требовала уголовно-правового реагирования.

Попутно заметим, что командиры всех уровней стремились представить любую криминальную жертву среди военнослужащих как боевые потери, что исключало отрицательные показатели в деятельности командования, а порой даже влекло за собой определенную героическую риторiku. В связи с этим, по мнению автора, следует критически относиться к общей

численности боевых потерь советского воинского контингента в Афганистане и принять во внимание, что органы военной прокуратуры работали там со значительной нагрузкой по уголовным делам о гибели военнослужащих.

Вместе с тем, осмотр ранения Якубова показал, что входное пулевое отверстие имело диаметр 9–10 мм, что характерно для пули, выпущенной из пистолета ПМ или АПС. Подобное оружие встречалось у душманов, но расстояние до ближайших гор, где они могли скрываться, было 2–3 километра, что навело следствие на версию: что стрельба велась с территории воинской части с расстояния, допустимого для пистолетов ПМ, которыми были вооружены офицеры и прапорщики. Был расширен круг очевидцев происшествия, это позволило установить двух солдат, которые стояли в 35 метрах от места ранения Якубова, возле автомашины. Оба заявили, что в дверцу машины в момент выстрела ударила пуля, оставив там вмятину.

Осмотр места происшествия с участием каждого из очевидцев позволил точно определить место расположения потерпевшего и положение его относительно сторон света в момент ранения, кроме того на подножке упомянутой автомашины были обнаружены пуля от пистолета ПМ со следами нарезов канала ствола, а на дверце кабины – вмятина. Визирование, проведенное с учетом полученных данных в совокупности с показаниями свидетелей (которым доверять целиком было нельзя, поскольку командование части уже пыталось склонить их к «душманскому» варианту), позволило определить: стрельба велась со стороны караульного помещения.

Просмотр книги закрепления оружия позволил установить, что в момент ранения рядового Якубова пистолетами ПМ были вооружены новый начальник караула прапорщик Попов и сменившийся прапорщик Осипов. Оба категорически отрицали свою причастность к происшествию, придерживаясь версии

* Фамилии участников описываемых событий изменены.

командования. Однако военнослужащие из состава караула не были достаточно глубоко проинструктированы начальством и несколько человек пояснили, что после смены караулов Осипов, выпив спирта из фляжки, решил продемонстрировать свою меткость и трижды выстрелил из пистолета в столб ограждения, при этом уже спускались сумерки и что происходило за пределами караульной территории в направлении стрельбы, никто не видел.

Более тщательный дополнительный осмотр и визирование направления стрельбы показали, что траектория полета пуль проходила с места производства выстрелов через столб ограждения и через местоположение Якубова к вмятине на дверце автомашины. Расстояние от места стрельбы до Якубова составило 127 метров, до автомашины – 160 метров. На столбе ограждения было множество отверстий от пуль – это, как выяснилось, явилось следствием неоднократных стрелковых упражнений различных начальников караулов в разное время, по счастливой случайности без последствий для окружающих.

Осипов признал факт стрельбы, заявив, однако, что в наступавших сумерках не видел солдат на территории автопарка, знал, что парк сдан под охрану и в нем никто не может находиться. Кроме того, он целился в столб, полагаясь на свою меткость, и был уверен, что пистолет на расстоянии свыше 50 метров (прицельная дальность) не имеет достаточной убойной силы, т. е. считал свои действия безопасными.

Дальнейшие следственные действия подтвердили, что видимость в воспроизведенных условиях действительно не позволяла четко разглядеть людей на расстоянии 120 метров и согласно действующему приказу по части автопарк на момент ранения Якубова был сдан под охрану, что предполагало отсутствие людей на его территории. Однако при общей расхлябанности это правило постоянно нарушалось, чего не мог не знать Осипов, который неоднократно заступал в наряд дежурным по автопарку.

Не мог не знать Осипов и о том, что нередко в парк допоздна возвращается автотранспорт.

Вопрос об убойной силе оружия был отнесен на счет неосведомленности стрелявшего, ввиду плохой индивидуальной подготовки. Следов органического вещества на пуле, найденной на подножке кабины грузовика, обнаружено не было. Экспертное исследование пули на предмет установления конкретного пистолета, из которого она была выпущена, не проводилось по причине отсутствия в 40-й армии экспертных учреждений. Оружейно-техническую экспертизу пистолета провел штатный эксперт – начальник РАВ разведбата, определивший полную исправность оружия.

Оставшийся на своей позиции Осипов вину в неосторожном убийстве Якубова не признал, при поддержке адвоката (состоявшего в штате военного трибунала) настаивал на том, что имел место несчастный случай при стечении непредвиденных обстоятельств. Методом исключения была отработана и признана несостоятельной версия, согласно которой смертельный выстрел могло произвести другое лицо (включая душманов) помимо Осипова. При наличии собранных, косвенных по существу, доказательств Осипову было предъявлено обвинение в совершении неосторожного убийства – преступления, предусмотренного ст. 106 Уголовного кодекса РСФСР (УК РСФСР) [1], и дело направили в военный трибунал по месту совершения преступления.

Следствие исходило из того, что Осипов не имел права стрелять на неприспособленной для стрельбы территории, применил оружие не по назначению (для демонстрации своей меткости). Будучи прапорщиком и имея в качестве табельного оружия пистолет ПМ, Осипов был обязан точно знать ТТХ своего оружия и заведомо допускать, что стрельба на территории части опасна для лиц, которые могли находиться в направлении стрельбы, но не были видны в сумерках. Эти доводы следствия опровергали позицию обвиняемого и защиты о стечении непредвиденных обстоятельств:

в действиях Осипова усматривалась преступная небрежность.

Конечно, перед следствием стоял вопрос о возможности квалификации действий Осипова как умышленного убийства при наличии косвенного умысла – ст. 103 УК РСФСР. Однако было учтено, что Осипов стрелял в столб, имеющий толщину около 15–20 см с расстояния пяти метров, полагаясь на свою меткость, имея ранее опыт попадания в эту цель своих предшественников, заблуждаясь относительно убойной силы своего оружия и не будучи знакомым с потерпевшим.

Неожиданный оборот дело получило в судебном заседании. Позиция защиты и подсудимого стала брать верх над позицией государственного обвинения, поскольку судья военного трибунала, председательствовавший по делу, усомнился в боевых качествах пистолета ПМ. В суде красной чертой проводилась мысль о невозможности прострелить насквозь голову человека на дистанции 127 метров, поскольку, по расхожему мнению, пистолет ПМ на расстоянии 10 метров не пробивает малую пехотную лопату.

Ситуацию прояснил допрошенный по ходатайству гособвинителя нештатный эксперт, проводивший оружейно-техническую экспертизу пистолета. Боевой офицер, специалист своего дела, он пристыдил офицеров-юристов, усомнившихся в боевых свойствах их же табельного оружия, которое не рассчитано на пробивание лопаты, а предназначено для поражения человеческих тканей и сохраняет убойную силу на дистанции до 350 метров.

Характерно, что экспертиза пистолета, из которого был убит Якубов, на предмет боеспособности не потребовалась, за основу были взяты официальные тактико-технические данные и заключение эксперта о полной исправности конкретного оружия. Достаточными были признаны и косвенные доказательства, на которых строилось обвинение.

В итоге Осипов был осужден за неосторожное убийство, данная квалификация устояла во всех судебных инстанциях [4].

В самом начале пребывания Ограниченного континента советских войск в Афганистане органам военной прокуратуры пришлось сталкиваться с принятием командованием частей и подразделений решений, вызванных экстремальной обстановкой, но влекущих потери среди военнослужащих и гражданского населения. В частности для защиты военных городков на удалении от них выставлялись так называемые посты боевого охранения, наделенные правом отражать вооруженное нападение, при этом проводимый с военнослужащими инструктаж содержал требования, аналогичные требованиям, предусмотренным Уставом гарнизонной и караульной служб [2], и каждый военнослужащий, заступавший на пост, полагал, что должен действовать, как часовой.

...В тот злополучный день на пост по охране военного госпиталя заступил рядовой Валгис. С ним был проведен инструктаж дежурным офицером, который по аналогии с уставными положениями караульной службы дал указания никому из посторонних лиц в ночное время в госпиталь не допускать, задерживать их, а в случае неповиновения применять оружие. Около полуночи к расположению госпиталя (границы которого были обозначены небольшой траншеей) подошел военнослужащий танкового полка рядовой Сычев, решивший навестить знакомую медсестру. Заметив Сычева, Валгис окликнул его, потребовал остановиться и поднять руки. Сычев не исполнил требование и стал убегать в сторону своей части. Предупредив «нарушителя» окриком, что будет стрелять, Валгис выстрелил из автомата вслед убегающему и убил его.

В тот же период времени рядовой Пучков, проходивший службу в мотострелковом полку, находясь на посту боевого охранения и действуя на основании инструкции, аналогичной инструкции часовому внутреннего караула, при пресечении попытки рядового Садыкова пройти на территорию поста (границы которого вообще обозначены не были), применил оружие и убил последнего.

Уголовные дела были возбуждены по признакам преступлений, предусмотренных ст. 103 УК РСФСР. Однако и Валгис, и Пучков полагали, что действовали правомерно, применяя оружие в целях охраны территории своих воинских частей. Таким образом, стал вопрос о наличии либо отсутствии в их действиях состава преступления, предусмотренного ст. 255 УК РСФСР – нарушение уставных правил караульной службы. Вместе с тем, оба солдата не смогли четко пояснить, по каким признакам они считали себя часовыми и что именно обороняли, применяя оружие в отношении потерпевших, которые были не только безоружны, но являлись такими же военнослужащими, т. е. с самого начала вызывала сомнение правомерность действий Валгиса и Пучкова как исполнителей приказов.

Исследованием штабной документации и допросами должностных лиц было установлено, что как в госпитале, так и в полку отсутствовала какая-либо четкая регламентация действий военнослужащих, входящих в состав боевого охранения, их права и обязанности были очерчены путем слияния отдельных положений Устава гарнизонной и караульной служб с положениями Боевого устава сухопутных войск [2, 3]. Были нарушены уставные требования о назначении состава караула, его подготовке и инструктаже, не обозначались четко границы постов и охраняемых объектов. Понятия «караул» и «боевое охранение» были сведены в понятие некоего дежурного подразделения, предназначенного для охраны и обороны расположения воинских частей. Со стороны командования все это оправдывалось боевой обстановкой. Впоследствии, уже после окончания расследования, командование разделило функции по обеспечению безопасности мест дислокации воинских частей. Были созданы полноценные внутренние караулы, охранявшие военные объекты, а также удаленные посты охранения, усиленные бронетехникой с четким определением их функций по отражению внешнего нападения противника.

Таким образом, в обоих случаях (приведено только два похожих примера, а их было намного больше) перед следствием стал вопрос относительно состава преступления. Все было атипично и непривычно. Караул и субъект (часовой) как таковые отсутствовали. Кроме того, сами виновные не могли объяснить, почему они применяли оружие на поражение. Угроза нападения отсутствовала, оружия у потерпевших не было, угрозы для безопасности воинской части не усматривалось. Единственный довод: «Не подчинились требованию остановиться». Но при этом даже поверхностный инструктаж не предписывал применять оружие на поражение в любом случае. Вот такая бездумная стрельба со смертельным исходом и все во благо безопасности воинских частей, в обход действующих уставов.

Было принято решение: несмотря на боевую обстановку, в действиях как Валгиса, так и Пучкова содержится состав преступления, предусмотренного ст. 103 УК РСФСР – умышленное убийство. Оба были осуждены по данной статье закона к различным срокам лишения свободы [4].

Не упрощая описанную ситуацию, следует отметить, что даже в этой непростой обстановке следствие велось на должном уровне, а суды не делали скидок на чрезвычайность.

Огромный опыт, который был приобретен военными прокурорами и следователями в годы афганской войны, к сожалению, до настоящего времени никем не обобщен и не проанализирован. Хотя такое исследование способствовало бы совершенствованию законодательства, а также совершенствованию обучения и воспитания будущих военных прокуроров и следователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс РСФСР [Электронный ресурс]: утв. Верховным Советом РСФСР 27 окт. 1960 г. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/3983891/>.

2. Устав гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Союза ССР: утв. Указом Президиума Верховного Совета

СССР от 30 июля 1975 г. – М.: Воениздат, 1980.

3. Боевой устав Сухопутных войск. Ч. 3. – М.: Воениздат, 1979.

4. Воинские преступления // Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Анашкин Г.З., Ахметшин Х.М., Бородин С.В. и [др.]; отв. ред. Ю.Д. Северин. – М.: Юрид. лит., 1980. – 480 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Скопцов Алексей Федорович, преподаватель кафедры уголовного права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4
E-mail: semirek.aleksey@yandex.ru

Experience, Practice

SOME PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMES AFFECTED BY MILITARY SERVICERS IN THE AREAS OF ARMED CONFLICT

Aleksey F. SKOPTSOV

Abstract. In the article, based on the analysis of investigative practices in the war zone, the author, who performed in 1980-1981 sensitive missions in the position of senior investigator-criminalist of the military prosecutor's office as part of the limited contingent of Soviet troops in Afghanistan, explore the problems of qualification of crimes committed by servicemen in the area of armed conflict.

Keywords: military prosecutors; military investigators; criminal proceedings; qualification of crimes; military personnel; evidence; the scene of the incident; Limited contingent of Soviet troops in Afghanistan

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Skoptsov Aleksey Fedorovich, Lecturer of Department of Criminal Law of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

3/4 Volochaevskaya Str., Moscow,
111033, Russian Federation
E-mail: semirek.aleksey@yandex.ru

I МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Основной целью рубрики «Мнение эксперта» является оперативное реагирование на актуальные вызовы и проблемы в области военного права, военных проблем международного права, правоприменительной практики органов военной юстиции. Наши эксперты – ученые и признанные специалисты в своей области – дают экспертно-правовую оценку наиболее актуальных событий и материалов, публикуемых в отечественных и зарубежных СМИ, на основе действующего военного законодательства и военного права.

Иванова Екатерина Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Военного университета

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

E-mail: iekaterina@bk.ru

Ivanova Ekaterina Viktorovna, Cand. Sc. (Law), Associate Professor of Department of Civil Law of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation

E-mail: iekaterina@bk.ru

- Новое в порядке осуществления государственного оборонного заказа

Конохов Максим Васильевич, кандидат юридических наук, докторант кафедры гражданского права Военного университета

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

E-mail: konohov76@mail.ru

Konokhov Maksim Vasil'evich, Cand. Sc. (Law), Dr. Sc. (Law) Degree Applicant, Department of Civil Law of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation

E-mail: konohov76@mail.ru

- Одобрит ли япония внесение изменений в «мирную» статью конституции?

НОВОЕ В ПОРЯДКЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА

Е.В. ИВАНОВА,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Военного университета

Аннотация. В работе рассматриваются законодательные изменения в области государственного регулирования и контроля в сфере функционирования контрактной системы Российской Федерации и организации государственных и муниципальных закупок. Анализируются полномочия контрольных органов в сфере закупок на федеральном уровне. Особое внимание автор уделяет практической реализации новых полномочий Министерства финансов Российской Федерации.

Ключевые слова: государственный оборонный заказ; контрактная система закупок; поставщик; электронная площадка; Министерство финансов Российской Федерации; Министерство экономического развития Российской Федерации

14 апреля 2017 года Правительство Российской Федерации приняло Постановление № 446, в значительной степени изменяющее систему государственного регулирования и контроля в сфере

функционирования контрактной системы РФ и организации государственных и муниципальных закупок. Данные изменения напрямую затронули закупки для обеспечения нужд обороны и безопасности государства.

Значительность упомянутых изменений заключается в передаче полномочий по регулированию всей системы государственных закупок и государственного оборонного заказа Министерству финансов Российской Федерации. Как известно, по настоящее время аналогичные полномочия осуществляло Министерство экономического развития РФ.

Именно под руководством Минэкономразвития в 2012-2013 гг. проводилась работа по изменению законодательного регулирования системы осуществления государственных закупок, в результате которой вместо ранее действовавшего Федерального закона от 21 июля 2005 года № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» был принят Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

В соответствии с положениями данного закона контрольными органами в сфере закупок на федеральном уровне признаются Минфин РФ, а также федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление функций по контролю (надзору) в сфере

государственного оборонного заказа и в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения федеральных нужд, которые не относятся к государственному оборонному заказу и сведения о которых составляют государственную тайну.

Для осуществления указанного регулирования на данном сегменте рынка Министерству финансов предоставляются дополнительные полномочия, изымаемые соответственно из компетенции Минэкономразвития. Среди наиболее интересных их них можно назвать правотворческие полномочия, а именно утверждение порядка согласования возможности заключения контракта с единственным поставщиком, подрядчиком, исполнителем. Как известно, заключение контракта с единственным поставщиком (например, в результате признания конкурса или аукциона несостоявшимся) возможно только после соответствующего одобрения. В соответствии с действующим в настоящее время приказом Минэкономразвития России от 13.09.2013 № 537 «Об утверждении Порядка согласования применения закрытых способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), возможности заключения (заключения) контракта с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем)» такое одобрение при федеральных закупках дает Федеральная антимонопольная служба России. Следует отметить, что многие закупки в сфере осуществления оборонного заказа проводятся с использованием закрытых способов определения контрагента.

Также Минфин в соответствии с анализируемыми изменениями своего статуса будет вправе издавать подзаконное регулирование по порядку формирования идентификационного кода закупки, единых требований к функционированию электронных площадок, а также типового положения (регламента) о контрактной службе.

Кроме того, в круг полномочий Минфина РФ включается ведение каталога товаров, работ, услуг в Единой информационной системе.

Отдельного внимания заслуживают новые полномочия Минфина по ведению реестра инвестиционных контрактов в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 N 44-ФЗ, определению условий допуска к закупкам иностранных

товаров, работ и услуг и порядка согласования применения закрытых способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей). Соответствующие изменения вступают в силу с 25 апреля 2017 года.

Expert Opinion

THE NEW WAY OF IMPLEMENTING THE STATE DEFENSE ORDER

Abstract. The paper considers legislative changes in the field of state regulation and control in the area of contractual system of the Russian Federation and state and municipal purchases. The powers of controlling bodies in the sphere of procurement at the federal level are analyzed. The author pays special attention to the practical implementation of the new powers of the Ministry of Finance of the Russian Federation.

Keywords: state defense order; contractual procurement system; provider; electronic platform; Ministry of Finance of the Russian Federation; Ministry of Economic Development of the Russian Federation

УДК 340

ОДОБРИТ ЛИ ЯПОНИЯ ВНЕСЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В «МИРНУЮ» СТАТЬЮ КОНСТИТУЦИИ?

М.В. КОНОХОВ,

кандидат юридических наук, докторант кафедры гражданского права Военного университета

Аннотация. В статье рассматривается история создания Сил самообороны Японии и их полномочия. Проводится анализ законодательных изменений, касающихся планомерного расширения полномочий Сил самообороны Японии в контексте 9-ой статьи Конституции Японии, в соответствии с которой страна отказывается от создания вооруженных сил и ведения государством военных действий.

Ключевые слова: Япония; Силы самообороны Японии; 9-я статья Конституции Японии; Синдзо Абэ; международный терроризм; ядерная программа КНДР; геополитическая обстановка

Действующая Конституция Японии была разработана после Второй мировой войны при участии американской администрации и принята в 1947 году.

Вторая глава Конституции состоит из текста одной девятой статьи, в которой сформулирован принцип отказа от создания вооруженных сил и ведения государством военных действий. Данная статья

ограничивает военную деятельность созданных в 1954 году Сил самообороны Японии, не связанную непосредственно с обороной страны, защитой ее свободы и независимости.

До настоящего времени деятельность Сил самообороны Японии ограничивалась ликвидацией последствий катастроф природного и техногенного характера – как, например, после землетрясения в Кобе в 1995 году или при аварии на АЭС «Фукусима» в 2011 году.

Однако в 2015 году парламент страны одобрил законопроект, в соответствии с которым Силы самообороны Японии могут вести боевые действия за границей при соблюдении трех следующих условий:

- нападение на Японию или ее союзника, в результате которого возникает угроза безопасности японских граждан;
- отсутствие иных средств для отражения нападения и обеспечения защиты населения;
- применение минимально необходимой силы при ведении боевых действий.

Правительство Японии обосновало необходимость принятия данного законопроекта появлением новых угроз и изменениями геополитической обстановки. Принятие документа вызвало волну протестов: критики высказывали мнение о том, что данный законопроект противоречит Конституции и может привести к тому, что Япония окажется втянутой в ненужные ей международные вооруженные конфликты.

В мае 2017 года премьер-министр Японии Синдзо Абэ высказал намерение до 2020 года внести новые поправки в Конституцию в отношении Сил самообороны. По его словам, это вызвано необходимостью обеспечить способность Японии бороться с такими угрозами, как международный терроризм и ядерная программа КНДР. При этом Синдзо Абэ отмечает, что мирные положения 9-й статьи не будут изменены или отменены.

Коичи Накано, доктор наук, политолог одного из токийских университетов, полагает, что премьер-министр и его правительство осознают, что 9-я статья пользуется большой популярностью, а внесение изменений станет вызовом для многих соседних стран. Опрос, проведенный на прошлой неделе государственным телеканалом NHK, показал, что 82% респондентов гордятся действующей Конституцией и выступают за пацифизм.

Наряду с этим, бывший государственный деятель Джун Окумура считает, что премьер-министру удастся внести поправки в Конституцию, так как в парламенте много его сторонников, а по мнению Кори Вуолласа, доктора наук и эксперта по международной безопасности, внесение поправок в Конституцию свидетельствует только о стремлении Японии адаптироваться к сложившейся геополитической обстановке.

Прежде чем Конституция будет изменена, за внесение поправок должны высказаться 2/3 общего числа членов обеих палат парламента, после чего поправки должны быть одобрены на народном референдуме.

Мы полагаем, что принятие поправки будет не легким, с чем согласен специалист в области обороны и национальной безопасности Кайл Мизоками.

Expert Opinion

WILL JAPAN ADOPT CHANGES TO THE "PEACEFUL" ARTICLE OF THE CONSTITUTION?

Abstract. The article deals with the history of the creation of the Self-Defense Forces of Japan and their authorities. The analysis of legislative changes is conducted concerning the planned expansion of the authorities of Japan's Self-Defense Forces in the context of Article 9 of the Constitution of Japan, according to which the country refuses to maintain armed forces and conduct military operations.

Keywords: Japan; Self-Defense Forces of Japan; 9th article of the Constitution of Japan; Shinzo Abe; international terrorism; North Korean nuclear program; geopolitical situation

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВОЕННО-ПРАВОВОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Основной целью рубрики «Международное военно-правовое обозрение» является обзор научных публикаций иностранных авторов в области военного права, военных проблем международного права, правоприменительной практики органов военной юстиции зарубежных стран, а также иных вопросов, представляющих интерес для российских ученых – исследователей военного права.

Балканов Илья Владимирович, ведущий рубрики, военный переводчик, адъюнкт кафедры английского языка (основного) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

111033, г. Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

E-mail: i-balkanov@mail.ru

Balkanov Il'ya Vladimirovich, review author, military interpreter, Adjunct of Department of English of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

3/4, Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation

E-mail: i-balkanov@mail.ru

Старцун Виктор Николаевич, научный редактор рубрики, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

E-mail: kaf-gp@mail.ru

Startsun Viktor Nikolaevich, review editor, Dr. Sc. (Law), Professor, Head of Department of Civil Law of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

3/4, Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation

E-mail: kaf-gp@mail.ru

-
- Стратегические модели поведения США несовершенны? (Разрешение загадок «серой зоны»)
  - Американские частные военные и охранные компании: косвенное участие и его последствия

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ США НЕСОВЕРШЕННЫ? (РАЗРЕШЕНИЕ ЗАГАДОК «СЕРОЙ ЗОНЫ»)

И. ВИЛЬСОН III,
доктор наук, полковник (в отставке), специалист по вопросам стратегии
Центрального командования вооруженных сил, США

С. СМИТСОН,
подполковник, специалист по планированию операций
Объединенного комитета начальников штабов, США

Аннотация. В статье рассматривается феномен «серой зоны» и его влияние на современную геополитику. Анализируется применение действующих норм международного права и обосновывается необходимость выработки национальной стратегии поведения в ситуации между миром и войной.

Ключевые слова: «серая зона»; международное право; стратегия поведения

В современной геополитической ситуации становится все сложнее сохранять мировой порядок, сложившийся после окончания Второй мировой войны. Появление экстремистских и террористических организаций и самопровозглашенных государств ставит под сомнение

эффективность действующих норм международного права.

Изучая современные геополитические угрозы, существующие в пяти измерениях (на земле, на воде, в воздухе, в космосе и в киберпространстве), американские военные эксперты обращают внимание на «серую зону», ключевой особенностью которой является положение между «традиционными» состояниями войны и мира, а основной формой соперничества – нетрадиционные, гибридные и нелинейные операции.

При работе в «серой зоне» необходимо учитывать следующие факторы. Во-первых, угрозы «серой зоны» необходимо рассматривать с позиций геополитики, принимая во внимание тот факт, что сложившийся миропорядок и распределение зон влияния не устраивает ряд мировых держав. Во-вторых, «преднамеренно размытые» нормы международного права открывают перед игроками «серой зоны» затрудняют использование регулярных вооруженных сил для достижения гарантированной и окончательной победы над противником.

В настоящее время приемы и способы защиты государственных интересов

в «серой зоне» становятся все более и более востребованными как среди государств, стремящихся проводить агрессивную внешнюю политику, так и среди негосударственных и псевдогосударственных образований. А это, в свою очередь, требует проведения глубокого анализа международных практик подобных действий в целях разработки и принятия эффективной стратегии, позволяющей оперативно реагировать на существующие и потенциальные угрозы национальной безопасности, которые исходят из «серой зоны».

Данная статья подчеркивает необходимость всестороннего изучения феномена «серой зоны», выработки эффективной национальной стратегии поведения в контексте существующих норм международного права и права вооруженного конфликта.

Оригинал статьи: Are Our Strategic Models Flawed? Solving America's Gray-Zone Puzzle / Isaiah Wilson III and Scott Smitson // Strategic Studies Institute, 2017

International Military Law Review

ARE AMERICA'S STRATEGIC MODELS OF BEHAVIOUR FLAWED? (SOLVING "GRAY ZONE" PUZZLE)

Abstract. The article deals with the phenomenon of the "gray zone" and its influence on modern geopolitics. The application of existing norms of international law is analyzed and the necessity of elaborating a national strategy of behavior in the situation between peace and war is grounded.

Keywords: "gray zone"; international law; strategy of behavior

АМЕРИКАНСКИЕ ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ И ОХРАННЫЕ КОМПАНИИ: КОСВЕННОЕ УЧАСТИЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Э. ДЕБАРРЕ,

атташе по международной дипломатии, политике и гуманитарной деятельности,
Международный Комитет Красного Креста

Аннотация. В статье рассматривается правовой аспект привлечения частных военных и охранных компаний (ЧВОК) к проведению операций в ходе вооруженных конфликтов. Особое внимание уделяется рассмотрению вопроса непосредственного участия ЧВОК в боевых действиях в контексте норм международного права.

Ключевые слова: частная военная и охранный компания; вооруженный конфликт; международное гуманитарное право

В настоящее время частные военные и охранные компании (ЧВОК) все чаще выполняют задачи во время вооруженных конфликтов, в связи с чем нельзя недооценивать важность норм международного гуманитарного права, применяемых в отношении сотрудников таких компаний.

Споры о статусе сотрудников ЧВОК в рамках норм международного гуманитарного права ведутся уже давно. В международном вооруженном

конфликте сотрудники ЧВОК могут быть приравнены к комбатантам. Хотя и маловероятно, что они формально получат такой статус в соответствии со Статьей 4А (1) Третьей Женевской конвенции, они вполне могут соответствовать критериям, изложенным в Статье 4А (2) Третьей Женевской конвенции, а значит фактически являются комбатантами.

В немеждународном вооруженном конфликте сотрудники ЧВОК при определенных обстоятельствах могут считаться военнослужащими: сотрудники ЧВОК могут быть включены в состав вооруженных сил государства, если это предусмотрено внутренним законодательством. Кроме того, в определенных обстоятельствах, они могут выступать как вооруженная группа, нанятая государством для выполнения боевых функций.

Очевидно, что будь то международный или немеждународный вооруженный конфликт, большинство сотрудников ЧВОК будут иметь статус гражданских лиц. В международном гуманитарном праве определение гражданских лиц дано от обратного – в соответствии со Статьей 50 Дополнительного протокола I гражданскими следует считать лица, не являющиеся комбатантами.

В статье проводится анализ законодательной базы США, применяемой в отношении найма ЧВОК для участия в вооруженных конфликтах. Приводится толкование концепции «прямого участия в военных действиях», рассматриваются условия допустимости такого участия.

Отмечается, что правовая защита, обеспечиваемая нормами международного гуманитарного права, будет действенной и эффективной только в случае, когда обе стороны конфликта будут стремиться соблюдать нормы Женевской конвенции. Однако в последних конфликтах с участием США атаки на сотрудников ЧВОК совершались независимо от того, принимали ли они непосредственное участие в боевых действиях или нет.

В контексте того, что Соединенные Штаты все чаще привлекают ЧВОК, беспокойство вызывает размывание принципа проведения различия – США открыто идентифицируют в качестве гражданских лиц, которые явно входят в состав вооруженных сил. Это создает запутанную правовую среду для участников боевых действий, ослабляет защиту, которую международное гуманитарное право обеспечивает гражданскому населению, требует глубокого и всестороннего изучения в рамках военного права.

Оригинал статьи: U.S.-Hired Private Military and Security Companies in Armed Conflict: Indirect Participation and its Consequences / Alice S. Debarre // Harvard National Security Journal, Vol. 7, 2016

International Military Law Review

U.S.-HIRED PRIVATE MILITARY AND SECURITY COMPANIES: INDIRECT PARTICIPATION AND ITS CONSEQUENCES

Abstract. The article considers the legal aspect of involving private military and security companies (PMSCs) in carrying out operations in the course of armed conflicts. Particular attention is paid to the issue of the direct participation of PMSCs in hostilities in the context of international law.

Keywords: private military and security company; armed conflict; international humanitarian law

СБОР ЮРИСТОВ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ ИНТЕРЕСЫ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СУДЕБНЫХ ОРГАНАХ

Аннотация. 30–31 мая 2017 г. в Подмоскowie, на базе парка «Патриот», прошел сбор юристов, представляющих интересы Министерства обороны Российской Федерации в судебных органах.

Цель проведения сбора – формирование единого подхода в вопросах представления интересов Министерства обороны Российской Федерации в судебных органах.

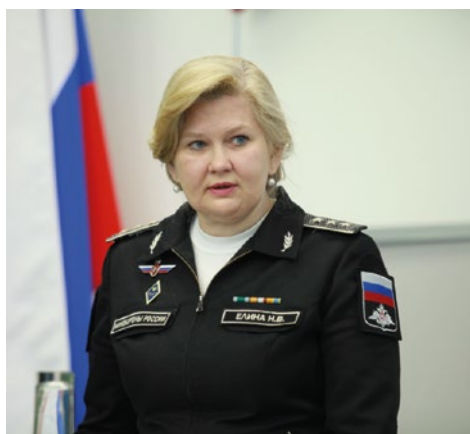
Для участия в мероприятии собрались более 250 специалистов из десятков городов России, в том числе юристы воинских частей, сотрудники Департамента претензионной и судебно-правовой работы Министерства обороны, представители высших военных учебных заведений, ряда государственных органов.

Были проведены ряд тематических дискуссий, посвященных вопросам досудебного урегулирования и судебного производства, а также пленарное заседание.

Ключевые слова: Министерство обороны Российской Федерации; судебные органы; судебно-правовая практика; военная служба; военный суд

Чсть открытия сбора и приветственное слово были предоставлены директору Департамента претензионной и судебно-правовой работы Министерства обороны Российской Федерации **Елиной Н.В.**, действительному государственному советнику Российской Федерации 2-го класса, кандидату юридических наук.

Во вступительном слове Наталья Владимировна поблагодарила собравшихся за высокое качество работы, отметив,

что деятельность военных юристов всегда находится в центре общественного внимания.

Директор Департамента рассказала о положительных тенденциях, наметившихся в судебно-правовой практике за 2015–2016 гг. Общее количество дел, рассмотренных гарнизонными судами в 2016 г., составило 11 292, что в два раза ниже по сравнению с 2015 г. и в три раза ниже по сравнению с 2014 г. В 2016 г. более половины дел было рассмотрено в пользу Министерства обороны Российской Федерации.

Наибольшее число заявлений, поданных в 2016 г., связано с нарушением порядка прохождения военной службы, в отличие от 2015 г., когда наибольшее число заявлений были связаны с необеспечением положенными видами довольствия.

При этом положительная тенденция по снижению количества заявлений наблюдается во всех трех рассмотренных

категориях: заявлений, связанных с нарушением порядка прохождения военной службы, в 2016 г. было подано 4 310 против 5 214 в 2015 г.; заявлений, связанных с необеспечением положенными видами довольствия, в 2016 г. – 3 258 против 11 177 в 2015 г.; заявлений, связанных с жилищными спорами, в 2016 г. – 3 238 против 3 756 в 2015 г.

Директор Департамента претензионной и судебно-правовой работы Министерства обороны Российской Федерации акцентировала внимание на необходимости более тесного взаимодействия между кадровыми службами и юристами.

Подробно была рассмотрена тема проведения комплексных проверок состояния правовой работы в 2016 г. Наталья Владимировна отметила, что одна из основных задач на 2017 г. – выработка и принятие комплекса мер по устранению выявленных проверками нарушений.

Директор рассказала о работе Департамента по урегулированию споров, в том числе в досудебном порядке, акцентировала внимание на проблемах, возникающих в результате бездоговорных отношений.

После выступления директора Департамента претензионной и судебно-правовой работы Министерства обороны Российской Федерации участникам сбора представилась возможность обсудить наиболее важные вопросы в рамках

круглых столов по следующим направлениям: суды общей юрисдикции, арбитражные суды, государственные закупки.

Как отметила в своем выступлении Наталья Владимировна, решение проводить обсуждения в формате круглых столов было принято по рекомендациям, озвученным участниками ранее проводимых сборов.

Живое общение в рамках тематических круглых столов имеет огромное практическое значение – специалисты получают возможность поделиться друг с другом имеющимся опытом, рассмотреть и проанализировать трудности, возникающие в ходе повседневной деятельности.

В этот раз в рамках круглых столов был затронут целый ряд основополагающих вопросов: структура предоставления информации о результатах работы по судебной защите и основные цели анализа судебной работы. Участники дискуссии пришли к выводу о том, что анализ судебной практики необходим для выявления причин, способствовавших возникновению спорных ситуаций, и принятия мер по их устранению в целях формирования положительной судебной практики.

Следующий вопрос, проанализированный в рамках круглого стола, касался гражданских исков в уголовном деле. Были детально рассмотрены порядок предъявления и содержание искового

заявления. Особую практическую значимость имел анализ ошибок, совершаемых при подготовке гражданского иска.

Далее в рамках круглого стола прозвучало выступление начальника Отдела по представлению интересов Министерства обороны Российской Федерации в судах общей юрисдикции ФГКУ «ЮРУПО Минобороны России» **Мирошниковой С.Б.** на тему «Актуальные вопросы о порядке прохождения военной службы». Светлана Богдановна рассказала о нормативно-правовой базе в части прохождения военной службы, остановившись на особенностях процедуры увольнения военнослужащих в связи с несоблюдением условий контракта. Затем **Бакуткина К.А.**, заместитель Мирошниковой С.Б., осветила судебную практику по вопросам обеспечения положенными видами довольствия и реализации иных социальных гарантий при увольнении с военной службы и исключении из списков личного состава части.

Отдельное внимание было уделено вопросам, подлежащим разрешению при споре о праве собственности в порядке приватизации с учетом практики высших судов Российской Федерации. Участники круглого стола выделили юридически значимые обстоятельства, которые необходимо устанавливать при подготовке к судебному разбирательству. Были изучены особенности, возникающие при рассмотрении споров о законности снятия военнослужащих с учета нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма, при изменении состава их семей.

При рассмотрении проблематики урегулирования споров о признании лица членом семьи военнослужащего собравшиеся пришли к мнению, что для правильного регулирования правоотношений с участием военнослужащих и недопущения неправомерного получения льгот и иных имущественных выгод отдельными лицами за счет военнослужащих представляется целесообразным ввести понятие «семья военнослужащего». Были проанализированы изменения, которые потребуются внести в законодательство для реализации озвученного предложения.

Особый интерес у собравшихся вызвал доклад юрисконсульта Отдела по представлению интересов Министерства

обороны Российской Федерации в судах общей юрисдикции ФГКУ «ЮРУПО Минобороны России» **Ляднова В.Г.**

Выступление Виктора Геннадьевича было посвящено порядку установления ежемесячной надбавки за особые условия военной службы при исполнении обязанностей военной службы в составе экипажа штатной боевой (специальной) техники на гусеничном и колесном шасси. В своем докладе Виктор Геннадьевич подчеркнул актуальность введения временного перечня воинских должностей членов экипажей штатной боевой (специальной) техники на гусеничном и колесном шасси. По окончании его выступления участники круглого стола активно обсуждали поднятый вопрос.

Еще одним запоминающимся моментом проведения дискуссий в формате круглых столов стало выступление заместителя начальника Отдела по представлению интересов Министерства обороны Российской Федерации в судах общей юрисдикции ФГКУ «ЮРУПО Минобороны России» **Завалова Г.Б.**

Доклад Геннадия Борисовича касался отказа территориальных финансовых органов в согласовании приказов командиров воинских частей в части выплаты денежной компенсации за привлечение к мероприятиям, проводимым при необходимости без ограничения еженедельного служебного времени, вне пункта постоянной дислокации воинской части.

Подводя итоги проведения круглых столов в рамках сбора юристов, представляющих в судебных органах интересы Министерства обороны Российской Федерации, участники и организаторы сошлись во мнении, что общение

в данном формате позволяет разрешить вопросы, возникающие в ходе повседневной деятельности.

Второй день сбора юристов, представляющих в судебных органах интересы Министерства обороны Российской Федерации, проходил в формате пленарного заседания. Перед собравшимися выступили эксперты, каждый из которых широко осветил ту или иную тематику.

В начале пленарного заседания слово было предоставлено представителям судебных органов.

По вопросу рассмотрения военными судами административных и гражданских дел было отмечено, что большая часть дел связана с оспариванием неправомερных действий и решений органов военного управления и воинских должностных лиц, отмечена тенденция по существенному сокращению количества обращений военнослужащих в военные суды, свидетельствующая о положительных результатах проводимой в Министерстве обороны Российской Федерации работы по соблюдению требований законодательства.

Выступающими был выделен ряд проблем, возникающих при рассмотрении дел, связанных со служебной деятельностью, в частности, в области толкования и применения норм материального права. Приведены практические примеры, свидетельствующие о наличии определенных пробелов в законодательстве о военной службе, для устранения которых было предложено всесторонне изучить возможность внесения определенных поправок в законодательные и нормативные правовые акты.

Вопрос совершенствования законодательства в области военной службы

и воинской обязанности продолжает оставаться актуальным, требует глубокой теоретической проработки путем объединения усилий представителей органов военного управления, судебной системы и военно-правовой науки.

Далее был рассмотрен вопрос обеспечения военнослужащих денежным довольствием. Приведенные примеры касались денежного обеспечения военнослужащих в служебных командировках, выплаты денежного пособия при увольнении с военной службы, денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений, ежемесячного пособия по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет.

Выступающие отмечали, что в последние годы возросло количество административных исков по поводу невыплаты военнослужащим средств на покрытие командировочных расходов в части возмещения расходов по бронированию и найму жилого помещения, проезду к месту командировки. В связи с этим было рассмотрено понятие «служебная командировка», проанализировано содержание законодательных актов в данной сфере.

Слушатели проявили большой интерес к рассмотренным вопросам и отметили, что приведенные примеры помогут им в ходе практической деятельности, станут отправной точкой в разрешении спорных ситуаций.

Затем выступающие проанализировали нормы материального права с точки зрения соответствия их нормам международного права, общим и специальным нормам национального законодательства. В ходе дискуссии было озвучено предложение по внесению изменений в Федеральный закон «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», в соответствии с которыми определялись бы порядок, условия и процедура взыскания с военнослужащих излишне выплаченных денежных средств.

Обращаясь к статистике, представители судебных органов отметили, что большая часть дел, рассмотренных в 2016 г., касалась применения норм Гражданского кодекса Российской Федерации, обеспечения военнослужащих денежным довольствием и предоставления им отдельных выплат, пенсионного

обеспечения военнослужащих, а также компенсации морального вреда.

Внимание собравшихся было обращено и на тот факт, что Верховный Суд Российской Федерации вмешивается в судебную практику нижестоящих судов только в том случае, если кассационная жалоба содержит в себе доводы, свидетельствующие о том, что нижестоящей судебной инстанцией допущено существенное нарушение норм материального и процессуального права. В связи с этим была озвучена необходимость качественной и надлежащей подготовки кассационных жалоб.

Для того чтобы собравшиеся смогли лучше представить процесс формирования судебной практики, им была представлена структура Верховного Суда Российской Федерации. Было отмечено, что постановление пленума Верховного Суда является основой формирования судебной практики Верховным Судом Российской Федерации, после чего было подробно рассмотрено, как появляется на свет постановление пленума Верховного Суда.

После выступлений представителей судебных органов слово было передано заместителю руководителя аппарата Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству, профессору Российского

государственного университета правосудия, доктору юридических наук Рузаковой О.А.

В начале выступления Ольга Александровна отметила, что в 2016 г. в Гражданский кодекс Российской Федерации было внесено сравнительно немного изменений, которые в основном касались вопросов недвижимости.

Особое внимание Ольга Александровна уделила процессуальным изменениям в части материального права, затронув, среди прочего, вопрос существования третейских судов и исполнения выносимых ими решений.

По мнению Рузаковой О.А., важным результатом работы за 2016 г. является переход на электронный документооборот: с 1 января 2017 г. обращение в арбитражные суды и суды общей юрисдикции стало возможно путем подачи электронных исковых заявлений.

Ольга Александровна рассказала о планах по унификации определенных правовых норм и, подводя итог, заметила, что, несмотря на взвешенность и осмысленность принимаемых в настоящее время законопроектов, каждый законопроект требует не только теоретической проработки, но и проверки правоприменительной практикой.

Далее выступила доцент кафедры гражданского права Военного университета

Министерства обороны Российской Федерации, кандидат юридических наук **Иванова Е.В.**

Выступление Екатерины Викторовны было посвящено актуальной теме военно-правовых отношений – альтернативному урегулированию военно-правовых споров.

Большое количество дел, передаваемых в суд, имеет целый ряд негативных последствий, как то: пониженное внимание судей к существу спора и невозможность глубоко вникнуть в каждый конкретный спор. В связи с этим встает вопрос о формировании системы, при которой большинство споров будет разрешаться в досудебном порядке.

Рассказывая о классических способах альтернативного урегулирования споров, Екатерина Викторовна отметила, что на настоящий момент такие способы не достаточно глубоко внедрены в военно-правовые отношения.

В выступлении были выделены три группы альтернативного разрешения военно-правовых споров.

Первая группа включает в себя споры с участием третьей стороны (медиация). В данном случае можно говорить об относительной непредвзятости посредника – третья сторона, очевидно, не заинтересована в исходе данного конкретного спора, однако целиком исключить человеческий фактор не представляется возможным.

Екатерина Викторовна подчеркнула, что медиация считается одним из наиболее перспективных направлений в решении любого конфликта, в его не доведении до суда. В подтверждение этого были перечислены риски и возможные последствия правового процесса, которые стороны часто не принимают в расчет, обращаясь в суд. В качестве недостатка такого способа разрешения спора называется законодательное несовершенство в части того, что медиативное соглашение, которое подписывают стороны, в настоящее время носит характер обычной гражданско-правовой сделки и не исключает последующего обращения сторон в суд.

Вторая группа включает в себя арбитраж, т.е. третейские суды. Екатерина Викторовна выразила надежду на появление военного арбитража, который сможет стать альтернативой судебному рассмотрению споров. В данном случае сохраняются все преимущества медиации и плюс обязательность арбитражного решения. Также необходимо отметить, что благодаря ведению электронного документооборота этот способ позволяет эффективно урегулировать спор, даже если стороны и суд находятся на расстоянии друг от друга.

Третья группа включает в себя участие военного омбудсмена. Данная идея широко обсуждается в настоящее время, однако пока отсутствуют основания,

чтобы говорить о практике ее применения. Тем не менее, по мнению Ивановой Е.В., привлечение профессионального посредника может иметь положительный результат.

В конце своего выступления Екатерина Викторовна еще раз подчеркнула преимущества урегулирования споров в досудебном порядке.

Далее выступил представитель Главной военной прокуратуры. Вначале он выразил мнение по поводу выступлений, уже прозвучавших на пленарном заседании.

В частности, по вопросу заключения мировых соглашений он отметил, что прокуратура стоит на страже того, чтобы мировые соглашения заключались только в тех случаях, когда они соответствуют требованиям закона в полной мере и не нарушают права третьих лиц. В отношении рассмотренной ранее темы медиации как способа урегулирования спора было отмечено, что медиация вряд ли будет когда-нибудь происходить с участием государства, так как в таком случае возникнет ряд вопросов в части источников финансирования, и документального оформления и закрепления этих источников.

Затрагивая вопрос рассмотрения уголовных дел, выступающий отметил, что Министерство обороны Российской Федерации и иные органы власти, в которых предусмотрена военная служба, привлекаются по этим делам в качестве потерпевших или гражданских истцов. В связи с этим была отмечена необходимость заявлять гражданский иск на максимально ранней стадии. Прокурорам и юристам необходимо тесно взаимодействовать друг с другом и делиться практическим опытом, так как это способствует принятию правильных решений на стадии подготовки, рассмотрения и обеспечения исков.

Затем слово было предоставлено профессору кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия, кандидату юридических наук, доценту Черничкиной Г.Н.

Тема выступления Галины Николаевны – сроки исковой давности в контексте изменений, внесенных в Гражданский кодекс Российской Федерации федеральным законом 2013 г.

Профессор подготовила обзор практики применения судами данных положений Гражданского кодекса

Российской Федерации. Для наглядности были представлены отдельные примеры судебной практики.

Галина Николаевна подчеркнула наиболее значимые моменты, как, например, то, что срок исковой давности следует исчислять с момента, когда о его нарушении узнало или должно было узнать лицо, в интересах которого подается иск, что срок исковой давности носит императивный характер и не подлежит изменению по соглашению сторон, а также то, насколько важно, чтобы истец предъявил иск к надлежащему ответчику.

Внимание слушателей было также обращено на тот факт, что если срок исковой давности по основному требованию истек, то и по всем дополнительным требованиям, в том числе по неустойкам, поручительству, залогу, исковая давность также прекращается.

Подводя итог своему выступлению, Галина Николаевна отметила важность института исковой давности, который создает стабильность гражданского оборота.

Выступление представителя Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации (ФССП России) стало заключительным на пленарном заседании. В нем были раскрыты общие тенденции, складывающиеся в работе ФССП России, подробно рассмотрен вопрос взыскания задолженности в пользу Министерства обороны Российской Федерации.

Министерство обороны Российской Федерации является органом государственной власти, в связи с чем оптимальным представляется способ взаимодействия посредством электронной межведомственной системы.

В выступлении представителя ФССП России был озвучен ряд предложений по внесению изменений в законодательство для повышения эффективности проводимой деятельности, в частности по вопросу расширения сферы применения налоговыми органами права на проверку достоверности информации.

Следует отметить, что каждый из выступающих на пленарном заседании по завершении своего выступления охотно отвечал на вопросы слушателей и делился личным опытом.

Мероприятие вызвало повышенный интерес у специалистов отрасли, так как

в ходе его проведения были предприняты попытки сформировать единый подход в вопросах представления интересов Министерства обороны Российской Федерации и органов военного управления в судебных органах, выявить и устранить пробелы правового регулирования.

Подводя итоги проведения сбора юристов, представляющих в судебных органах интересы Министерства обороны Российской Федерации, организаторы выразили благодарность всем выступившим и слушателям, положительно оценили проявленную в ходе сборов активность, подчеркнули, насколько важно перенимать опыт и делиться им.

Результаты проведения сбора в текущем году позволяют с уверенностью сказать, что практика проведения круглых столов зарекомендовала себя как отличная площадка для ведения дискуссий на актуальные темы. Выступления экспертов в ходе пленарного заседания представляют особый интерес, так как дают слушателям возможность познакомиться с практическими и теоретическими аспектами деятельности своих коллег. Планируется, что в будущем сборы станут еще более насыщенными и смогут охватывать еще больший спектр вопросов.

Academic Life: Discussions

GATHERING OF LAWYERS REPRESENTING INTERESTS OF THE MINISTRY OF DEFENSE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN JUDICIAL BODIES

Abstract. On May 30–31, 2017, the Gathering of Lawyers Representing Interests of the Ministry of Defense of the Russian Federation in Judicial Bodies was held in Patriot Park, Moscow Region.

The purpose of the gathering was to form a unified approach in the matters of representing interests of the Ministry of Defense in judicial bodies.

The gathering attracted more than 250 specialists from dozens of Russian cities, including employees of the Department of Claim and Judicial-Legal Work of the Defense Ministry, lawyers of military units, representatives of several state bodies and higher military educational institutions.

A number of thematic discussions and a plenary session targeted various issues of pre-trial settlement and judicial proceedings.

Keywords: Ministry of Defense of the Russian Federation; judicial bodies; judicial-legal practice; military service; military courts

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОБЛЮЖДЕНИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА: РОЛЬ И ЗАДАЧИ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ»

Аннотация. С 20 по 21 июня 2017 г. в Подмоскowie, на базе конгресс-отеля «Ареал», прошел круглый стол по теме «Обеспечение соблюдения норм международного гуманитарного права: роль и задачи правового обеспечения», в котором приняли участие представители Правового департамента Министерства обороны Российской Федерации, Региональной делегации Международного Комитета Красного Креста (далее – МККК) в Российской Федерации, Беларуси и Молдове и Военного университета Министерства обороны Российской Федерации.

Цель мероприятия – развитие диалога по вопросам правового обеспечения действий войск (сил) в вооруженных конфликтах и при выполнении задач по поддержанию и восстановлению международного мира и безопасности с учетом выполнения норм международного гуманитарного права.

В ходе мероприятия участникам круглого стола представилась возможность обсудить актуальные вопросы международного гуманитарного права, принять участие в выполнении практических упражнений.

Ключевые слова: Министерство обороны Российской Федерации; Международный Комитет Красного Креста; Военный университет Министерства обороны Российской Федерации; вооруженные силы; военно-юридическая служба; международное гуманитарное право; вооруженный конфликт; круглый стол

Вступительное слово было предоставлено директору Правового департамента Министерства обороны Российской Федерации (начальнику юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации) **Безбабнову Олегу Геннадьевичу**, который начал свое выступление с благодарности руководству Региональной делегации Международного Комитета Красного Креста в Российской Федерации, Беларуси и Молдове за организацию круглого стола.

Актуальность темы мероприятия «Обеспечение соблюдения норм международного гуманитарного права: роль и задачи правового обеспечения» не вызывает сомнений, так как современные реалии свидетельствуют о резком увеличении военно-политической составляющей в международных отношениях.

Боевые действия приводят к жертвам не только среди военнослужащих, но и среди мирного населения. В связи

с этим соблюдение норм международного гуманитарного права (МГП) имеет большое значение.

Говоря о роли юридической службы, Безбабнов О.Г. отметил, что в ходе повседневной деятельности войск (сил), а также в ходе подготовки и ведения боевых действий представитель юридической службы участвует в обучении личного состава воинской части нормам МГП, проводит правовую экспертизу боевых и иных документов, консультирует командира по вопросам применения норм МГП с учетом выполнения конкретных боевых задач, оказывает содействие в организации взаимодействия с местным населением и гуманитарными организациями, осуществляющими деятельность в районе вооруженного конфликта.

Олег Геннадьевич особо отметил, что участие в круглом столе позволит повысить уровень профессиональной подготовки его участников и будет способствовать совершенствованию форм и методов правовой работы, направленной на соблюдение норм международного гуманитарного права.

Далее со вступительной речью выступил руководитель отдела по взаимодействию с вооруженными силами и силами безопасности Региональной делегации Международного Комитета Красного Креста в Российской

Федерации, Беларуси и Молдове **Бондаренко Олег Сергеевич**.

Олег Сергеевич обратил внимание на тот факт, что для современного международного гуманитарного права существует ряд вызовов: время традиционных войн уходит в прошлое, в эпоху асимметричных боевых действий, гибридных войн, часто сопровождающихся применением новых типов вооружений и военной техники, рассуждать о правоприменимости традиционных норм МГП становится крайне сложно.

Однако не что иное, как международное гуманитарное право позволяет человеку на войне оставаться человеком.

По мнению Бондаренко О.С., значимость международного гуманитарного права определяется тем обстоятельством, что оно является Кодексом действий военнослужащего на поле боя.

В заключение Олег Сергеевич подчеркнул, что данное мероприятие – первое совместное мероприятие с участием представителей юридической службы и военно-правовой науки, предложил дальнейшее сотрудничество на любых площадках для обсуждения проблем и вызовов МГП.

Далее в рамках первого дня мероприятия участникам представилась возможность обсудить актуальные вопросы международного гуманитарного права.

В ходе секционных заседаний выступили представители Правового департамента Министерства обороны Российской Федерации, Региональной делегации Международного Комитета Красного Креста в Российской Федерации, Беларуси и Молдове и Военного университета Министерства обороны Российской Федерации.

В рамках первого секционного заседания слово было предоставлено начальнику отдела Правового департамента Министерства обороны Российской Федерации **Сюзову Денису Аркадьевичу**. Его выступление было посвящено международным правовым обязательствам Российской Федерации, практике соблюдения норм МГП в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Свое выступление Денис Аркадьевич начал с определения международного гуманитарного права как «совокупности международных правовых принципов и норм, регулирующих защиту жертв войны, ограничивающих методы и средства ведения войны».

Далее Сюзов Д.А. обратился к основным источникам МГП – Гаагскому и Женевскому праву, отметив, что Гаагское право защищает объекты, которые не служат военным целям, и определяет запрещенные средства и методы ведения военных действий, в то время как Женевское право защищает лиц, прекративших участие в военных действиях, и лиц, не принимающих участие в военных действиях.

Денис Аркадьевич поочередно рассмотрел все принципы МГП (законности, различия, соразмерности, гуманности, военной необходимости) применительно к операциям, проводимым российскими вооруженными силами в Сирийской Арабской Республике, и в заключение своего выступления подчеркнул, что с учетом появления и распространения новых видов вооружения и способов ведения боевых действий необходимость изучения и соблюдения норм МГП не вызывает сомнения.

Затем выступила **Кушлейко Анастасия Станиславовна**, региональный советник по правовым вопросам в странах Восточной Европы и Центральной Азии Региональной делегации МККК в Российской Федерации, Беларуси и Молдове.

Анастасия Станиславовна затронула актуальную тему достаточности существующих норм МГП для регулирования современных вооруженных конфликтов.

Рассматривая особенности данных конфликтов, Кушлейко А.С. подчеркнула размытость временных и географических рамок современных вооруженных конфликтов, появление новых участников (например, частных военных и охранных компаний) и технологий (БПЛА, кибероружие). Все чаще приходится говорить об асимметричных войнах: когда недостаток средств компенсируется методами использования.

Далее Анастасия Станиславовна озвучила собравшихся с позицией МККК по вопросу юридических советников в вооруженных силах.

В качестве наглядной иллюстрации того, как юридические советники участвуют в принятии решений в ходе конкретных операций, Анастасия Станиславовна показала и обсудила с участниками круглого стола отрывок из фильма, где демонстрируется процесс просчитывания ситуации различными действующими лицами.

Следующим выступил **Майоров Сергей Александрович**, эксперт отдела по взаимодействию с вооруженными силами и силами безопасности Региональной делегации МККК в Российской Федерации, Беларуси и Молдове.

Сергей Александрович затронул вопросы мандата и деятельности МККК, отметив, что «МККК – это независимая, нейтральная, гуманитарная организация, которая занимается предоставлением защиты и оказанием помощи пострадавшим

в результате вооруженных конфликтов и внутренних беспорядков».

Майоров С.А. подробно осветил функции МККК, рассказал об основных направлениях взаимодействия с вооруженными силами, привел интересные исторические примеры.

В заключение своего выступления Сергей Александрович привел статистические данные о деятельности МККК на Украине в 2016 г.

Затем руководитель отдела по взаимодействию с вооруженными силами и силами безопасности Региональной делегации Международного Комитета Красного Креста в Российской Федерации, Беларуси и Молдове **Бондаренко Олег Сергеевич** рассказал о психологических факторах боевой обстановки, психологии лиц, ответственных за принятие решений и соблюдение норм МГП.

Анализ правонарушений в области МГП свидетельствует о том, что основная масса таких правонарушений приходится на время после окончания боевых действий или на период их подготовки.

В соответствии с выводами из психологических исследований главная причина нарушений норм МГП – негативная поведенческая реакция военнослужащих, которую вызывают ранение и гибель сослуживцев и командиров, впечатления от предыдущих боев.

Затем Бондаренко О.С. остановился на вопросе перекладывания ответственности за несоблюдение норм МГП в случаях, когда военнослужащий обосновывает свои действия выполнением полученного приказа или тем, что «действовал, как все».

В заключение Олег Сергеевич подчеркнул, что правовой и психологический аспекты являются ключевыми для соблюдения норм МГП.

Далее выступил представитель Военного университета Министерства обороны Российской Федерации кандидат юридических наук **Конохов Максим Васильевич**, который в числе проблем военного права, носящих международно-правовой характер, выделил появление «серых зон», новых средств и методов ведения войны, участие в вооруженных конфликтах частных военных компаний, использование полностью и частично автономных систем вооружения, смещение границ современных конфликтов в космическое и кибер-пространство, проблемы констатации факта окончания международного или немеждународного вооруженного конфликта.

Конохов М.В. подчеркнул необходимость изучения данных вопросов с научной и правовой точек зрения, так как действующее международное право пока не в состоянии дать необходимые ответы.

В заключение своего выступления Максим Васильевич предложил собравшимся поучаствовать в выработке рекомендаций по совершенствованию норм МГП на базе Военного университета Минобороны России, ведущей научной школы, занимающейся изучением вопросов военного права.

Во второй день проведения круглого стола была организована работа секционных заседаний.

В ходе одного из заседаний руководитель отдела по взаимодействию с вооруженными силами и силами безопасности Региональной делегации Международного Комитета Красного Креста в Российской Федерации, Беларуси и Молдове Бондаренко О.С. осветил вопрос интеграции МГП в систему принятия военных решений.

Правовая интеграция – это трансформация правовых норм в конкретные процедуры, обеспечивающие выполнение требований права.

Олег Сергеевич подробно рассказал о пяти составляющих интеграции:

- интеграция в доктрины (т. е. в набор руководящих документов);
- интеграция в обучение (т. е. обучение МГП);
- интеграция в подготовку (т. е. изучение основ МГП в ходе тактических учений);
- интеграция в обеспечение (т. е. в материальное, финансовое, кадровое, методическое и научное обеспечение мер имплементации и интеграции МГП);
- интеграция в санкции (т. е. интеграция в систему ответственности за нарушения норм МГП).

Бондаренко О.С. подчеркнул, что в системе военного образования основы МГП должны изучаться в ходе тактических или оперативных дисциплин, так как «теория без практики мертва».

Олег Сергеевич рассказал об основных элементах процесса принятия решений через призму МГП: уяснение задачи, оценка обстановки, принятие решения, постановка задачи, планирование и контроль. При этом решение всегда должно проходить юридическую оценку соответствия нормам национального и международного законодательства.

Бондаренко О.С. привел много ярких примеров из собственного опыта и завершил свое выступление на позитивной ноте, отметив, что «в области правового обеспечения командир должен быть немного юристом, а юрист – командиром».

В ходе работы секций было организовано выполнение упражнения «Правовое обоснование нанесения ударов по объектам противника», которое вызвало живой интерес участников круглого стола.

Все участники были поделены на группы, перед каждой из которых была поставлена определенная задача. В соответствии с текстовым заданием и описанной в нем конкретной ситуацией группам предстояло найти ответы на ряд практических вопросов в области применения норм МГП, обосновать свою позицию.

Практически все участники круглого стола принимали активное участие в выполнении упражнения, охотно делились мнениями и отстаивали свои позиции.

Далее с обзором актуальных проблем деятельности юридической службы выступил заместитель директора

Правового департамента Министерства обороны Российской Федерации **Скотар Святослав Викторович**, который в качестве одной из наиболее актуальных проблем назвал отсутствие взаимодействия между представителями юридической службы, кадровых органов и финансовой службы, затронул вопросы неполного укомплектования юридической службы, привел статистические данные.

После выступления С.В. Скотара слово было предоставлено начальнику отдела Правового департамента Министерства обороны Российской Федерации **Сюзову Денису Аркадьевичу**, который рассказал о состоянии и перспективах развития взаимодействия между Правовым департаментом Министерства обороны Российской Федерации и МККК, которое осуществляется в форме переговоров и консультаций, обучения и подготовки, экспертной поддержки.

Подводя итог, Сюзов Д.А. отметил, что Правовой департамент Министерства обороны Российской Федерации понимает важность взаимодействия с МККК, надеется на углубление диалога и дальнейшее развитие сотрудничества по гуманитарным вопросам.

Далее **Майоров Сергей Александрович**, эксперт отдела по взаимодействию с вооруженными силами и силами безопасности Региональной делегации МККК

в Российской Федерации, Беларуси и Молдове, осветил вопрос взаимодействия Международного Комитета Красного Креста с Министерством обороны Российской Федерации.

Сергей Александрович заявил о готовности МККК тесно взаимодействовать с Министерством обороны Российской Федерации в различных областях, в частности проводить занятия с различными категориями военнослужащих, участвовать в курсах повышения квалификации и т. д.

Далее участникам круглого стола было рассказано о системе «АРМЮРИСТ», направленной на улучшение информационно-правового обеспечения деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации. В настоящее время система уже введена в эксплуатацию в центральных органах военного управления, главных командованиях видов Вооруженных Сил Российской Федерации, командованиях военных округов.

В завершение мероприятия заместитель директора – начальник отдела Правового департамента Министерства обороны Российской Федерации **Скотар С.В.** поблагодарил представителей Региональной делегации Международного Комитета Красного Креста в Российской Федерации, Беларуси и Молдове за теплый прием, выразил уверенность

в дальнейшем сотрудничестве между Правовым департаментом Министерства обороны Российской Федерации, Международным Комитетом Красного Креста и представителями военно-правовой науки.

Academic Life: Discussions

**Panel Discussion
COMPLIANCE WITH INTERNATIONAL
HUMANITARIAN LAW:
ROLE AND OBJECTIVES OF LEGAL
COVERAGE**

Abstract. On June 20–21, 2017, a panel discussion “Ensuring compliance with international humanitarian law: the role and objectives of legal coverage” was held in the Moscow Region, on the basis of the Areal Congress Hotel. The panel discussion was attended by representatives of the Legal Department of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Regional Delegation of the International Committee of the Red Cross in the Russian Federation, Belarus and Moldova, and the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

The purpose of the event was to improve the dialogue on issues of legal support for actions of troops (forces) in armed conflicts and in carrying out tasks to maintain and

restore international peace and security, taking into account the implementation of international humanitarian law.

During the event, the participants of the panel discussion had an opportunity to discuss pressing issues of international humanitarian law as well as to take part in practical exercises.

Keywords: Ministry of Defense of the Russian Federation; International Committee of the Red Cross; Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation; Armed Forces; military-legal service; international humanitarian law; armed conflict; panel discussion

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВОЕННОГО ПРАВА»

1. Общие требования к авторским материалам и условия публикации в журнале

1.1. Направляемые в журнал статьи должны содержать результаты самостоятельных научных исследований авторов, соответствовать научному уровню и тематическому профилю журнала (военное право, военные проблемы международного права), обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов.

1.2. Представление в редакцию материалов, ранее опубликованных, размещенных в Интернете или направленных на публикацию в другие издания, не допускается.

1.3. Рекомендуемый объем рукописи: не менее 8 и не более 22 машинописных страниц формата А4.

1.4. В одном номере журнала может быть опубликовано не более двух материалов одного автора.

1.5. К статье прилагаются сведения об авторе (авторская справка).

1.6. При подаче статьи по усмотрению автора может быть представлена внешняя рецензия.

1.7. Авторы, в статьях которых содержатся сведения, не находящиеся в компетенции Военного университета, вместе с рукописью представляют экспертное заключение о возможности опубликования статьи в открытой печати (разрешение на опубликование статьи в открытой печати), заверенное подписью руководителя и скрепленное печатью организации.

1.8. Рукописи слушателей, курсантов, студентов принимаются к рассмотрению только при наличии краткого отзыва научного руководителя / преподавателя с рекомендацией к публикации статьи.

1.9. Принятые к рассмотрению статьи подвергаются рецензированию и в случае положительного отзыва рецензента – научному и литературному редактированию.

1.10. Все материалы публикуются в журнале на безвозмездной основе: плата с авторов не взимается, гонорар им не выплачивается.

2. В сведениях об авторе (авторской справке) указываются (на русском и английском языках):

- фамилия, имя, отчество полностью;
- ученая степень, ученое звание, почетное звание, членство в академиях, звание лауреата (при наличии);
- статус соискателя, адъюнкта, аспиранта (с указанием кафедры) (при наличии);
- занимаемая должность;
- воинское/специальное звание (при наличии);
- место работы / службы / учебы (полное наименование организации с указанием ее почтового адреса);
- название подразделения организации;
- контактная информация (адрес, телефон, e-mail).

Примечание. Если статья написана в соавторстве, то сведения представляются на каждого автора в отдельности в одном текстовом документе.

3. Порядок направления в редакцию рукописей статей и сопроводительных документов к ним

3.1. Рукопись статьи, сведения об авторе (авторская справка), краткий отзыв научного руководителя / преподавателя с рекомендацией к публикации статьи слушателя, курсанта, студента (скан) направляются по электронной почте либо на электронном носителе.

Рецензия (внешняя и внутренняя) и экспертное заключение о возможности опубликования статьи в открытой печати (разрешение на опубликование статьи в открытой печати), заверенное подписью руководителя и скрепленное печатью организации, направляются только на бумажном носителе.

3.2. Материалы в электронном виде отправляются по адресу электронной почты: vestnik-vp@mail.ru;

Материалы на электронном носителе (CD, DVD, флеш-карта) и текстовые оригиналы материалов отправляются по почте либо доставляются лично автором / доверенным лицом автора по адресу: 111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4, корп. 5, каб. 803, шеф-редактору (выпускающему редактору, ответственному секретарю) журнала «Вестник военного права».

5. Оформление рукописи

5.1. Технические параметры статьи

Формат страницы: А4 (210х297 мм).

Текстовый редактор: Microsoft Word 97 и выше.

Шрифт: Times New Roman.

Поля: левое – 3 см; правое – 1,5 см; верхнее и нижнее – 2 см.

Кегль (размер шрифта): 14 пунктов.

Межстрочный интервал: полуторный.

Нумерация сносок: сквозная по всему тексту статьи.

Выравнивание основного текста и ссылок: по ширине.

Абзацный отступ: 1,25 см.

5.2. Обязательные составные элементы статьи:

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация);
- заголовок;
- аннотация;
- ключевые слова;
- основной текст;
- библиографический список;
- сведения об авторе.

Заголовок, аннотация, ключевые слова и сведения об авторе/соавторах представляются на русском и английском языках

5.3. Графические элементы и иллюстрации

5.3.1. Таблицы, схемы, графики, рисунки должны быть пронумерованы и озаглавлены (сопровождены подписями).

5.3.2. Исходные таблицы, схемы, графики предоставляются в отдельных файлах в формате программы, в которой они были созданы.

5.3.3. Исходные рисунки и фотоиллюстрации также предоставляются в отдельных файлах. Разрешение растровых иллюстраций должно быть не менее 300 dpi.

5.4. Список литературы

5.4.1. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

5.4.2. При оформлении библиографического списка в журнале применяется комбинированный алфавитно-систематический принцип, согласно которому литература располагается в следующем порядке:

1. Официальные документы:

- нормативные правовые акты Российской Федерации;
- международные акты, ратифицированные Российской Федерацией (в первую очередь идут документы ООН) (располагаются после Конституции Российской Федерации);
- утратившие юридическую силу нормативные правовые акты Российской Федерации с обязательным указанием в скобках – «утратил силу»;
- нормативные правовые акты России и СССР, относящиеся к историческим материалам: документы, принятые до 25 октября (7 ноября) 1917 г.; документы советского периода;
- нормативные правовые акты иностранных государств, в которых Российская Федерация не участвует;

Действующие и утратившие силу нормативные правовые акты размещаются по степени значимости. Документы с равной юридической силой, за исключением кодексов, группируются в обратном хронологическом порядке согласно датам их принятия (подписания Президентом Российской Федерации). Кодексы располагаются в алфавитном порядке.

2. Научная и учебная литература: монографии, диссертации, учебники, учебные пособия, энциклопедии, научные статьи, электронные ресурсы локального и удаленного доступа. Размещение указанных источников, включая электронные ресурсы, осуществляется в алфавитном порядке по фамилиям авторов и названиям источников.

3. Литература на иностранных языках. Размещается в алфавитном порядке на языке оригинала. При наличии в библиографическом списке литературы на разных языках – вначале в порядке кириллического алфавита записи на языках, использующих шрифты на кириллической основе, затем в порядке латинского шрифта на языках с латинским шрифтом.

5.4.3. Все библиографические записи в списке литературы нумеруются. Отсылки заключаются в квадратные скобки [3; 12 и т. п.]; если идет ссылка на конкретные страницы: [3, с. 417].